М. Н. Косичъ.

ЛИТВИНЫ-БѢЛОРУСЫ

ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ,

ихъ бытъ и пѣсни.

Отд. оттиски изъ журн. «Живая Старина» за 1901 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27
1902

Примѣчаніе къ выговору нѣкоторыхъ словъ въ статьѣ "Литвины — Бѣлоруссы:

1) Такъ какъ по неимѣнію шрифта на нѣкоторыхъ словахъ не поставлены знаки необходимые для объясненія мѣстнаго народнаго говора, то для облегченія чтенія лицамъ вовсе незнакомымъ съ Бѣлорускимъ нарѣчіемъ я предлагаю прежде всего прочесть на страницѣ 124 этой книги о согласныхъ звукахъ Л, В, которыя послѣ гласныхъ переходятъ въ ў краткое образуя такимъ образомъ двоегласіе напр.

шоўкъ	вмѣсто	шёлкъ
воўкъ		волкъ
тоўстый		толстый
любоў		любовь

2) само собою разумѣется, что въ вышеозначенномъ краткомъ ў (со значкомъ никогда не можетъ быть ударенія.

3) Также для ознакомленія съ выгоромъ слѣдуетъ просмотрѣть на страницѣ 119 § 9-ый.

4) Недостающіе акцентные значки помѣщены въ опечаткахъ при концѣ книги.

Литвины-Бѣлорусы Черниговской губерніи, ихъ бытъ и пѣсни.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ привести собранныя мною пѣсни, я считаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе объяснить, гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ, кѣмъ поется и сохраняется эта устная народная поэзія.

Предлагаемыя мною пѣсни записаны лично въ Черниговской губерніи, которая хотя и причисляется къ Малороссіи, но ~~гдѣ~~ въ настоящее время во всѣхъ ея сѣверныхъ уѣздахъ живутъ такъ называемые Литвины и говорятъ по-бѣлорусски, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями.

Что касается малорусскаго языка и народныхъ пѣсенъ, то онѣ довольно давно пріобрѣли себѣ имя и завоевали симпатію литературнаго міра и образованнаго общества. На долю же Литвина-Бѣлорусса выпалъ, если не презрѣніе, то по крайней мѣрѣ полный индиферентизмъ, какъ будто онъ не такое же Божье созданіе, не народъ,—и его пѣсни—не пѣсни, однимъ словомъ—это пасынки губерніи. Ихъ называютъ «кацапьемъ» и прочими недружелюбными названіями.

~~Положимъ,~~ Легко допустить, что малорусская рѣчь благозвучнѣе бѣлорусской. Предположимъ напр. какой нибудь отрывокъ, написанный по-бѣлорусски, станетъ читать лицо, совершенно незнакомое съ народнымъ говоромъ, произнося *ц* и *дз* твердо безъ смягченія, то подобное чтеніе будетъ рѣзать ухо. Между тѣмъ какъ народъ произноситъ эти звуки съ іотировкой, отчего ихъ устная рѣчь выходитъ гораздо мягче. Заставьте бѣлорусскую женщину разсказать что нибудь; вслушайтесь въ эту рѣчь, и вы найдете въ ней своеобразную мягкость и легкость звуковыхъ сочетаній.

Для того, чтобы при чтеніи возможно было соблюдать правильность произношенія, я записывала пѣсни съ фонографическою точностью.

Исполнить это мнѣ было не трудно потому, что я росла въ деревнѣ или, вѣрнѣе сказать, въ хуторѣ дѣдушки Г. М. Силевича, усадьба котораго лежала вблизи села Росухи *). За неимѣніемъ гувернантокъ, боннъ и даже сверстницъ, я въ дѣтствѣ весь свой досугъ дѣлила съ дворовыми людьми, такъ какъ старшіе больше были заняты хозяйствомъ, чѣмъ моимъ воспитаніемъ.

~~Итакъ~~ Я начала изучать пѣсни (сперва безъ всякой задуманной цѣли) съ 1860 годовъ. Особенно памятенъ былъ для меня 1861 годъ, когда мать уѣзжала на все лѣто по дѣламъ въ Петербургъ, и мнѣ была предоставлена полная свобода. Я тогда съ крестьянами отправлялась съ ранней зари до поздней ночи въ поле, на сѣнокосы, гдѣ изъ подражанія принимала участіе во всѣхъ работахъ, хотя старшіе смотрѣли на мои трудовыя забавы, какъ на неумѣстную шалость. За это лѣто я такъ успѣла привязаться къ дворовымъ, что плакала отъ души, когда узнала, что по манифесту всѣ уйдутъ отъ насъ.

*) За послѣднія 10—15 лѣтъ грамотные умники слово «Россуху» начали писать «Разсуха».

Даже и теперь пріятно вспомнить, какъ послѣ знойнаго дня, по заходѣ солнца, всѣ мы толпой, при дружномъ хоровомъ пѣніи, возвращались домой.

Ни пятилѣтнее пребываніе въ Институтѣ, ни прожитыя съ тѣхъ поръ 30 лѣтъ жизни не изгладили въ памяти тѣхъ мотивовъ и пѣсенъ, которыя я распѣвала, возвращаясь со жнива, будучи десятилѣтней дѣвочкой.

Послѣ такой привольной жизни въ Росухѣ среди природы, я не могла свыкнуться съ тѣсными стѣнами Института (куда меня вскорѣ отвезли) и въ концѣ концовъ заболѣла, какъ находили доктора, тоской по родинѣ. По выходѣ изъ Института, къ величайшему моему сожалѣнію, я не нашла уже ни одной своей прежней подруги, всѣ онѣ къ этому времени отошли отъ насъ; кто отправился «на Донъ у заработки», кто умеръ, кто замужъ вышла.

Затѣмъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, бывши уже замужемъ, я по временамъ ~~тоже~~ иногда вспоминала старину и составляла хоровое пѣніе въ праздничныя сумерки. Тогда я тоже не имѣла опредѣленной цѣли, не знала, что эти пѣсни кому нибудь нужны, а потому и не записывала ихъ, а только заучивала наизусть.

Въ 1897 году я рѣшила припомнить и записать все, что имѣлось въ памяти и затѣмъ уже приступила къ систематическому собиранію мѣстныхъ пѣсенъ по деревнямъ и сёламъ.

Если мнѣ удастся, то я постараюсь положить на музыку литвино-бѣлорусскіе мотивы съ акомпаниментомъ фортепіано.

Судить о томъ, насколько эти мотивы покажутся мелодичными, я не берусь потому что могу быть въ этомъ случаѣ пристрастнымъ судьей, но все-таки питаю надежду, что и въ нихъ найдутъ своеобразную мелодію и выраженіе простого, безъискусственнаго чувства.

Географическое положеніе мѣстности.

Самое высокое мѣсто во всей Черниговской губерніи, въ видѣ плоской возвышенности, поднимается у села Рахманова, Стародубскаго уѣзда; выше уровня моря на 109 саженей (764 фут.) *).

Возвышеніе это незамѣтно для простого глаза, но продолженіе этой возвышенности, идущей къ сѣверу черезъ Мглинскій уѣздъ, представляетъ совершенно иную поверхность: тамъ почти непрерывно тянутся рвы и холмы, затрудняющіе пути сообщенія и попадающіеся настолько часто, что на семиверстномъ разстояніи напр. отъ села Колодезекъ до села Росухи, по проселочной дорогѣ, встрѣчается шесть подъемовъ и пять спусковъ, довольно крутыхъ и небезопасныхъ.

Отъ границы Стародубскаго уѣзда ко Мглину начинается, такъ называемое «Полѣсье», которое идетъ къ востоку до рѣчки Дубны и къ западу къ рѣчкѣ Унечи, гдѣ станція полѣской желѣзной дороги того же названія. Къ сѣверу лѣсъ тянется ко Мглину и Суражу.

Полѣсье не состоитъ изъ сплошной лѣсной площади: на всёмъ этомъ пространствѣ, между лѣсами, на полянкахъ и перелѣскахъ разсбросаны сёла и деревни. Одно изъ этихъ селъ лежитъ къ югу отъ станціи желѣзной дороги на полѣсской лѣсной окраинѣ главнаго водораздѣльнаго кряжа въ губерніи и выдѣляется своеобразной красотою окрестностей. Это есть село Росуха, на истокѣ рѣчки Росухи, притокѣ Вабли и Судости.

Здѣсь нѣтъ шири и глади степной, негдѣ разгуляться взору, но зато на каждомъ шагу разнообразіе: лѣса, горки, лужки, неожиданные обрывы—все это чередуется между собою, и каждое мѣстечко манитъ къ себѣ на отдыхъ.

---

*) Описаніе Черниговской губерніи составлено членомъ Императ. Географ. общ. А. А. Русовымъ.

Рѣчка Росуха протекаетъ луговой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся горы или шпили, покрытые лиственнымъ лѣсомъ, преимущественно дубнякомъ.

Во время весенняго таянія снѣговъ потоки воды, стремящіеся съ хребтовъ къ рѣчкѣ, промыли съ годами около 7—8 непроходимыхъ овраговъ, поросшихъ нынѣ лѣсомъ.

Кромѣ того, съ теченіемъ времени появляются новые овраги вслѣдствіе неосторожнаго истребленія лѣсовъ, за что иногда сами истребители—владѣльцы терпятъ наказаніе въ видѣ образующагося у самыхъ воротъ усадьбы рва, грозящаго сдѣлать ее неприступною [1]).

На днѣ овраговъ и въ лѣтніе мѣсяцы пробирается постоянно вода едва замѣтными струйками.

Эти ручейки, родники и криничкн, просачивающіяся въ низкихъ луговыхъ долинахъ, снабжаютъ мѣстность довольно обильнымъ орошеніемъ и представляютъ изъ себя резервуаръ, наполняющій рѣчку Росуху ключевою водою.

Какъ лѣсъ, такъ и глинистая подпочва, задерживая влагу, обусловливаютъ сырость воздуха и частые туманы, а весенніе утренники нерѣдко истребляютъ цвѣтъ яблонь и всходы овощей даже въ среднихъ числахъ Мая.

Снѣгъ таетъ здѣсь нѣсколько позднѣе, замерзшая земля нагрѣвается медленнѣе и ставитъ земледѣльца въ необходимость производить всѣ посѣвы недѣли на двѣ, на три позднѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Все это вмѣстѣ взятое и есть одна изъ причинъ недородовъ и неурожаевъ мѣстности. Но не смотря на скудость сѣросуглинистой почвы,—здѣсь ютятся посёлокъ за посёлкомъ. Напр. на протяженіи 6-ти верстъ, по берегу Росухи и ея маленькихъ притоковъ, расположено 6-ть водяныхъ мельницъ и до 10-ти селъ: Водвинка, Росуха, Амелькинъ Хуторъ, Лупеки, Труханово, Бородинка, Борозднино, Гарцевъ, Колодезки и др. Шесть мельницъ или прудовъ, устроенныхъ самымъ примитивнымъ способомъ, перемалываютъ только скудный мѣстный урожай и никакого торговаго значенія не имѣютъ, такъ какъ удаленность отъ городовъ (30—35 в.) и первобытные пути сообщенія далеко не способствуютъ, а скорѣе задерживаютъ духъ предпріимчивости этого непочатаго угла.

Впрочемъ, и съ открытіемъ желѣзной дороги край не обогатился; народъ пріобрѣлъ лишь возможность заработка на поденной работѣ. За то евреи лѣсопромышленники съумѣли увеличить свои капиталы скупомъ лѣса на срубъ у крестьянъ и крупныхъ владѣльцевъ по дешевымъ цѣнамъ.

Въ общемъ здѣсь природа скупа на матеріальное продовольствіе, даже рыбы въ рѣкѣ мало: слишкомъ холодна и быстра для нея ключевая вода. Въ озеркахъ при мельницахъ она, пожалуй, и водилась бы, но сильный напоръ воды весной почти ежедневно размываетъ плотины и уноситъ теченіемъ внизъ не только рыбу, но и мосты съ мельницами.

Обыватели къ этому привыкли и черезъ мѣсяцъ, другой устраиваютъ новые пруды, благо лѣсъ на корнѣ, а топоръ и заступъ въ рукахъ.

Чѣмъ же снабжалъ ихъ лѣсъ, кромѣ лыкъ для лаптей и дровъ?

Правду сказать, въ немъ было больше волковъ, чѣмъ дичи, которую, впрочемъ, никто не стрѣлялъ по той причинѣ, что «пороху нема», «ружжа нема, да и некали», говоритъ полѣсюкъ, «пойдзишь за дичьчу балаванца, бякъ хлѣба будзитъ зимавацъ, а дичьчу ни нажылея», да къ тому же «сласная гўба—двару пагўба», а стрѣлять для продажи—некому сбывать.

Однѣ бабы блуждаютъ по лѣсу съ лукошками на плечахъ, да и тутъ невелика пожива: бѣлый грибъ—боровикъ, который одинъ идетъ въ продажу, попадается рѣдко; только орѣховъ да желудей вволю.

---

[1]) Примѣчаніе. Въ селѣ Трухановѣ цѣлый лугъ превратился въ глубокій ровъ, гдѣ въ 70-хъ годахъ изъ-подъ пласта земли было вымыто водою часть бивня и зуба какого-то громаднаго животнаго. Бивень былъ подаренъ мѣстному земскому врачу Обозненко, а зубъ сохраняется и понынѣ у землевладѣлицы с. Росухи.

Что же привлекло и прикрѣпило убогій людъ къ сѣренькой землицѣ, питающей его впроголодь?

Просто по нраву пришлась ему лѣсная глушь; въ ней онъ видитъ приволье и любитъ свое полѣсье, какъ всякая божья тварь—свою стихію, какъ мошка свой листокъ, свою вѣтку.

Народное преданіе въ с. Росухѣ.

Въ южной сторонѣ села Росухи, на правомъ берегу рѣчки, существуетъ искусственный окопъ, извѣстный подъ названіемъ «городокъ».

На вопросъ о его происхожденіи, каждый крестьянинъ отвѣтитъ вамъ: «йста шведъ ийшау, тутъ ваявали».

Городокъ съ сѣверо-западной и сѣверо-восточной сторонъ имѣетъ кругомъ природное укрѣпленіе въ видѣ отвѣснаго обрыва надъ рѣчкой, а съ южной стороны устроена искусственная круглая насыпь. Все это было покрыто густымъ сплошнымъ лѣсомъ, но, къ сожалѣнію, недавно, уже въ 80-хъ годахъ, одинъ изъ наслѣдниковъ помѣщика Силевича продалъ это мѣсто крестьянамъ на срубъ.

По мѣстному преданію, сохранившемуся и по сей день, въ этой мѣстности зарыто «прбпасть» кладовъ, такъ что однажды, говорятъ, изъ обрыва городка выкатилась бочка золота прямо въ воду.

Подобное преданіе не могло не создать желающихъ разбогатѣть кладомъ, а потому нѣкоторые изъ мужичковъ нерѣдко имѣли стальныя остроконечныя палки — «шипы», какъ они называются и время отъ времени отправлялись, по святымъ днямъ въ гулящее время», зондировать почву съ надеждой на обогащеніе. Покойный владѣлецъ «городка» помѣщикъ Герасимъ Матвѣевичъ Силевичъ не препятствовалъ этой, по его мнѣнію, безполезной забавѣ, и, занятый больше хозяйствомъ, никогда ничего не предпринималъ по части раскопки, не смотря на то, что самъ разсказывалъ о фактѣ, случившемся на его глазахъ въ началѣ XIX столѣтія: бѣднѣйшій псаломщикъ, котораго постоянно встрѣчали на городкѣ съ шипомъ въ рукахъ, однажды въ попыхахъ прибѣжалъ въ рабочую пору на поле къ пахарямъ, держа въ рукахъ старинную золотую монету и спрашивалъ приказчика, что это за грбши и примутъ ли ихъ гдѣ нибудь. По разсказамъ приказчика, это были «грбши ни наськія, а чужеземныя». И затѣмъ названнаго псаломщика ужъ больше никто не видалъ; онъ со всей своей семьей выѣхалъ куда то безвозвратно,—какъ въ воду канулъ.

Въ Росухѣ также есть преданіе, что кладъ не всякому дается, что онъ кладется непремѣнно на чью нибудь голову и что избраннику прежде всего долженъ присниться сонъ, указывающій мѣсто зарытаго сокровища. Если же кладъ выроетъ тотъ, кому онъ не предназначенъ, то на его голову обрушатся всѣ несчастія въ жизни. Народъ глубоко вѣритъ этому, и вотъ, на основаніи того, что по вѣрѣ вашей дастся вамъ, у насъ въ Росухѣ въ 50-хъ годахъ произошелъ такой случай:

Дворовая крестьянка Марья Чернякова однажды прибѣжала во дворъ съ страшнымъ воемъ и плачемъ. На вопросы о причинахъ слёзъ, она отвѣтила новыми рыданіями, и ничего въ ту минуту отъ нея нельзя было добиться. Затѣмъ черезъ нѣкоторое время она открыла по секрету, что ей три раза снился сонъ, будто возлѣ городка, у полянки подъ дубомъ зарытъ казанокъ червонцевъ. И вотъ она пошла къ ворожкѣ погадать, на ея ли голову положенъ этотъ кладъ. Распросивъ подъ какимъ дубомъ и гдѣ, ворожея сказала: «положенъ онъ на тебя, только спусти три зари и тогда ступай откапывать». Когда же Марья пошла туда на четвертую зорю, то съ ужасомъ увидала, что дубъ подрытъ, а между корнями осталось круглое углубленіе, какъ бы отъ вынутой посуды. Все это такъ ее потрясло, что она заболѣла черезъ нѣсколько дней, и затѣмъ, призвавъ одну изъ дочерей пана Герасима Матвѣевича Силевича, открыла, что ей опять снился два раза одинъ и тотъ же сонъ, будто бы возлѣ церкви, по правую

руку подъ березою еще лежитъ кладъ и что, если ее Богъ подниметъ со страдной постели, то эту берёзу она укажетъ господамъ.

Однако ни встать съ постели, ни указать березы ей не пришлось, она вскорѣ умерла.

Что кладъ подъ дубомъ не былъ грёзами Марьи Черняковой,—это доказало скороспѣшное превращеніе ворожеи и ея племянника изъ бѣднѣйшихъ людей — въ зажиточныхъ.

Спустя нѣкоторое время слухъ о томъ, что племянникъ ворожеи Логвинъ Кобановъ мѣнялъ въ м. Почепѣ старые червонцы, распространился по селу. Кто-то подѣлился этой новостью съ начальствомъ, которое и пріѣзжало и о чемъ то Логвина распрашивало, но получило одинъ отвѣтъ: «знать ничего не знаю и не вѣдаю». Тѣмъ все и кончилось. Вскорѣ ворожея заболѣла: у нея провалился носъ. «Такъ йой и треба, говорили сосѣди, ни пашли у прокъ чужбинка, ня праўдай вѣкъ праживёнъ, да назадъ ня вернисься».

Однако это не помѣшало ворожеѣ выйти замужъ и жить богато нѣсколько лѣтъ. Передъ смертью же она отдала свои капиталы мужу, а 300 рублей пожертвовала на колоколъ въ селѣ Трухановѣ, Стародубскаго Уѣзда.

На полянкѣ, близъ означеннаго дуба, вскорѣ послѣ находки описываемаго клада, однажды пахало десять сохъ. Вдругъ первая лошадь, какъ бы встрѣтивъ препятствіе, остановилась, но всемогущій кнутъ русскаго человѣка заставилъ ее, напрягши всѣ силы, дернуть впередъ, и въ это время раздался глухой подземный звукъ, въ родѣ того, какъ будто лопнула натянутая проволока. Пока приказчикъ добѣжалъ до этого мѣста, чтобы осмотрѣть, что̀ случилось, остальныя десять сохъ успѣли пройти свои гони и мѣсто, гдѣ слышенъ былъ звукъ, уже трудно было отыскать. Попробовали разрывать, ~~пахать~~ руками, но ничего не нашли, кромѣ какого-то стального обломка.

Эта самая полянка и лѣсъ, гдѣ стоялъ историческій дубъ, еще красуются и теперь; но увы! дубъ—виновникъ драмы между Марьей и ворожеей—больше не существуетъ: лѣтъ десять тому назадъ его разбило громомъ.

Село Росуха извѣстно по лѣтописи съ 1160 года. «Ко Изъяславу пріидоша половцы мнози и иде съ нимъ къ Воробейнѣ и къ Росухѣ и тутъ повоевавъ иде къ Вщижю» [1]), слѣдовательно и этотъ клочекъ Руси время отъ времени засѣвался человѣческими костьми и поливался человѣческой кровью. Вдали отъ большихъ рѣкъ и проѣзжихъ дорогъ, эта сторона была также въ тѣ времена прекраснымъ убѣжищемъ для безоружнаго: лѣса густы, рвы глубоки, было гдѣ укрыться славянину и отъ Печенѣговъ и отъ обряда крещенія и отъ татарина.

Въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій этими самыми лѣсами и полянами, политыми кровью предковъ, владѣетъ уже войсковой обозный Стародубскаго полка (въ 1690 году [2]) Прокофій Силенко—Силевичъ, которому универсаломъ 1710 года Гетманъ Скоропадскій позволилъ: «въ росускомъ лѣсѣ на мѣстцу стараніемъ и працею его же расчищенномъ, ведле хутора его найдуючомся, слободку осадити и тамъ же на вершинѣ рѣчки Росухи гребеню уфондовати и млинъ на ней построить».

Народное преданіе о кладахъ на «городкѣ» и о томъ, что здѣсь «Шведъ ишшоў» совпадаетъ именно съ военною дѣятельностью Силенки, такъ какъ въ универсалѣ (1709 г.) на пожалованье ему Скоропадскимъ ~~али~~ села Бѣлаго колодезя, было сказано: «за услуги подъ часъ нашествія непріятеля шведа въ Стародубъ».

И дѣйствительно Силенко Силевичъ, какъ писалъ его внукъ, въ 1713 году «служилъ черезъ осемдесятъ лѣтъ и больше, и будучи на многихъ службахъ, многократно раненъ, стрѣлянъ, колотъ и порубанъ и при разлитіи крови своей крайне былъ скалеченъ».

Къ прошлому с. Росухи можно еще добавить, что въ 1770-хъ годахъ здѣсь произошла послѣдняя кровопролитная драка и подобно древне-княжескимъ распрямъ за удѣлы, повторились тѣ же семейные раздоры изъ «за грунтовъ» и деревень, добы-

[1]) Опис. архіеп. Филарета 1873 г. Епарх. извѣстія.
[2]) Описаніе Старой Малороссіи А. Л. Лазаревскаго.

тыхъ старымъ Прокофіемъ Силенко Силевичъ «респектомъ колькинадцатилѣтнихъ нелѣнивыхъ войсковыхъ службъ».

По этому поводу сохранился такого рода устный разсказъ.

Пока внукъ Прокофія,—Матвѣй Силевичъ младшій, сынъ Григорія Прокофьевича былъ несовершеннолѣтній, старшіе братья успѣли промотать всѣ отцовскія деревни [1], затѣмъ продали и послѣднюю Росуху нѣкоему Журавкѣ. Провѣдавши, что братья рѣшили сдать его въ солдаты и записать въ ревизскую книжку крѣпостныхъ, Матвѣй Григорьевичъ ушелъ въ село Дахновичи, подъ Стародубъ, къ одному изъ братьевъ графа П. В. Завадовскаго и просилъ защиты отъ произвола братьевъ. Юноша очевидно произвелъ впечатлѣніе: Завадовскій тотчасъ послалъ вооруженныхъ людей отвоевывать Росуху. Между людьми Завадовскаго и Журавки произошла кровопролитная драка, кончившаяся тѣмъ, что посланные Завадовскаго побили Журавкиныхъ людей, а оставшихся въ живыхъ повязали, сложили въ сани и выпроводили въ чистое поле.

Вслѣдъ затѣмъ, убѣдившись, что Силевичъ не глупый, дѣльный малый, Завадовскій отдалъ за него въ супружество свою родственницу Марину Андреевну Шираяй и, давъ ей въ приданое Житню, поселилъ молодую пару въ Росухѣ.

Все это происходило въ царствованіе Екатерины Великой, когда уже существовали законы объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними. Но до матушки царицы было далёко, а до Бога высоко, а потому Завадовскій предпочелъ насиліе. Насколько въ тѣ времена было трудно добиваться наслѣдственныхъ правъ путемъ закона, показываетъ слѣдующій мѣстный разсказъ: въ Новозыбковскомъ уѣздѣ сосѣдъ отнялъ у сосѣда цѣлую деревню. Обиженный рѣшился отстаивать свою вотчину до послѣднихъ силъ и добрался до Питера съ челобитной предъ лице самой матушки Царицы. Загорѣлось дѣло. Изъ столицы были посланы на слѣдствіе чиновники, но пока послѣдніе доѣхали до мѣста преступленія, спорная деревня исчезла съ лица земли. Обидчикъ сжегъ ее, мѣсто, гдѣ была деревня, распахалъ и засѣялъ рожью. Разслѣдованіе конечно было учинено не безъ лицепріязни, ибо слѣдователи донесли кому о семъ вѣдать подлежитъ, что деревни вовсе не оказалось въ натурѣ и что истецъ затѣялъ тяжбу о несуществующемъ имѣніи по причинѣ своего малоумія.

Литвины и ихъ одежда.

Всѣ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи, именно: Суражскій, Мглинскій, Стародубскій, Новозыбковскій и часть Городнянскаго, по типу населенія составляютъ какъ бы переходъ отъ Малороссіи къ Россіи и населены народомъ, который по характеру, по наружному виду и одеждѣ отличается какъ отъ Малоросса, такъ и отъ Великоросса. По нарѣчію же этотъ край, начинающійся съ Могилевской губерніи, есть продолженіе Бѣлоруссіи.

Литвинъ, какъ называютъ его сосѣди, съ виду неповоротливъ, движенія его медлительны, ходитъ «якъ пень тирѧзъ калоду», не предпріимчивъ, безпеченъ, но при нуждѣ трудится много для своего пропитанія. А какъ только минуетъ крайняя нужда, всегда предпочтетъ гулять, чѣмъ искать заработка. Заказанныя работы исполняетъ недобросовѣстно, «абы якъ, цяпъ-ляпъ». На поденщинѣ невозможенъ безъ строгаго присмотра «рбе и паглядае, якъ волъ изъ-подъ ярма; цюкне разоу [2]) паудзисятка, да барджей (скорѣй) люльку у зубы».

Будучи невѣжественъ и не культуренъ, онъ мало уважаетъ чужую собственность и подчасъ любитъ «падцибрицъ (стащить) идзе што плохо ляжицъ».

Одежду свою, какъ и всѣ крестьяне, дѣлаютъ изъ овечьей шерсти. Прежде всего,

---

[1]) Лазаревскій. Описаніе старой Малороссіи. Найтоповичи утверждены за Силенкомъ Мазепою въ 1696 г., Кривошеи и Ильбовъ въ 1704 г.

[2]) Разоу, гдѣ встрѣтится съ удареніемъ на у признаестя какъ краткое *в*.

всегда и вездѣ носитъ онъ свой излюбленный кожухъ, затѣмъ суконный чекмень (свитка), сшитый свободно не въ талію, на манеръ древняго ферязя и «надпирязуецца» (опоясывается) поясомъ изъ овечьей же шерсти, окрашенной сандаломъ. Болѣе легкій костюмъ шьется изъ того же толстаго сукна, только покороче чекменя, въ талію, съ двумя, тремя фалдами сзади. Эта кофта именуется юбкой.

Сапогъ попадается въ этомъ краю очень рѣдко, его замѣняетъ лапоть. Самодѣльная поярковая шляпа, безъ полей, называется «магерка», а съ полями «бриль» и употребляется во всѣ времена года. Женщины носятъ также шубы, непокрытыя матеріей. Удивительно, что иногда въ жаркій лѣтній день вы можете замѣтить въ церкви нѣкоторыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ свои новыя, какъ снѣгъ, бѣловыдѣланныя овчинки, сшитыя съ перехватомъ въ талію и украшенныя на спинныхъ швахъ у пояса двумя ярко красными шерстяными латками, вершка въ два въ формѣ червонаго туза. Болѣе же пожилыя шьютъ себѣ кожухи не въ талію и съ «ковнерамы» (воротникомъ). Паневы, т. е. плахты—по-малорусски почти перестаютъ носить; теперь ихъ только донашиваютъ старухи.

Сверхъ бѣлой рубахи съ широкими рукавами надѣвается сарафанъ, по мѣстному «саянъ» или «споднйца». Шерсть на саяны женщины сами прядутъ, ткутъ, весной валятъ на валюшнѣ при мельницѣ и затѣмъ отдаютъ «синильнику» еврею, который поселяется спеціально съ этою цѣлію въ одной изъ окружныхъ деревень и за самую скромную цѣну дѣлаетъ сѣрые саяны синими, а фартухи и пояса красными. Для праздничныхъ же нарядовъ юбки окрашиваются иногда въ зеленый цвѣтъ; тогда нашиваются по всей матеріи въ безпорядкѣ клочки красной шерсти, въ вершокъ длины. Это и есть «мушкованая сподница».

Сверхъ саяна и фартуха всѣ обязательно «подпирязываюцца» шерстянымъ поясомъ или, вѣрнѣе, шарфомъ, не взирая ни на какую жару. Кромѣ того надѣваютъ еще поверхъ рубахи преимущественно черпаго цвѣта корсетъ или юбку (тотъ же корсетъ, только съ рукавами).

Женщинѣ быть съ непокрытой головой въ присутствіи мужчины, а въ особенности «при куму» крѣпко «сорòмно» (т. е. очень стыдно [1]). А потому голову она тщательно одѣваетъ въ повойникъ или чепикъ изъ ситцу или шерстяной матеріи и сверху повязываетъ платкомъ на подобіе чалмы. Въ нѣкоторыхъ селахъ полѣсья существуетъ мода повязывать голову «съ хлипомъ», т. е. на затылкѣ оставляется висячимъ уголъ платка. Болѣе молодыя повязываются «съ рожками, т. е. дѣлаютъ изъ платка на темени узелъ съ стоячими кончиками въ видѣ рожковъ.

Незамужнія женщины хотя и заплетаютъ косу съ лентой на выпускъ, но голову также повязываютъ платкомъ, только безъ повойника, сверхъ повязки «обвинаюцца» еще другими небольшими платочками, а въ праздничные дни «затыкаюць крàски» (цвѣты) на голову за узелъ платка противъ лба. Шею и грудь украшаютъ кралями, бусами.

За послѣднее 10-ти лѣтіе (1890 г.) замѣчается такая перемѣна: лѣтомъ вмѣсто прежнихъ шерстяныхъ тканей деревня запестрѣла всевозможными ситцами, бумазейками, кретонами, хотя фасонъ и покрой сохранились неизмѣнно прежніе. Въ замѣнъ прежнихъ мушкованныхъ сподницъ нерѣдко надѣваютъ уже саянъ изъ кретону «бурдянаго цвѣту» (т. е. цвѣтъ бордо).

Въ мужской одеждѣ, наоборотъ, овечье сукно осталось, какъ и было, но вмѣсто прежней юбки появился настоящаго фасона пиджакъ. Люди пожилые о немъ такого мнѣнія: «прауда пинджакъ аккуратнѣй и меньше сукна идзе на його», но за то «старую юбку якъ доносишъ,—на анучи нарвешъ, а съ пинджака анучи вузки будуць».

Къ этому можно добавить, что шаповалы (шерстобиты) теперь поневолѣ должны сократить свое производство: прежній «бриль» начинаетъ сторониться, уступая дорогу картузу.

---

[1]) Остатокъ татарщины.

Въ прежніе годы.

Какъ ни бѣденъ въ данное время народъ нашей окраины, но въ прежніе годы ему жилось несравненно хуже въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ теперь.

Подъ словомъ прежніе годы мы подразумѣваемъ начало нынѣшняго и конецъ прошлаго столѣтія, именно: въ 60-хъ годахъ разсказывали старики, которымъ тогда было уже за 80 лѣтъ, что въ ихъ годы народъ «крѣпка галадавау». Доходило до того, что весной люди ѣли липовую мезгу, т. е. сдирали кожу съ молодыхъ отростковъ липъ, скоблили эти отростки ножомъ и въ получившееся вещество прибавляли ничтожное количество муки лишь только для того, чтобы имѣть возможность скрѣпить и замѣсить тѣсто; изъ этой массы пекли хлѣбъ, ѣли и «зъ голаду ни памирали».

Чтобы судить, насколько въ тѣ времена народъ дорожилъ кускомъ хлѣба, перенесемся въ село Росуху, на усадьбу Герасима Матвѣевича Силевича, который ежегодно 8-го мая, на Ивана Богослова, по обѣту, завѣщанному прадѣдомъ, кормилъ нищихъ и всѣхъ, кто являлся въ этотъ день на незатѣйливый обѣдъ: 8-го мая съ ранняго утра на травѣ большого панскаго двора, на крыльцахъ жилыхъ и нежилыхъ построекъ,—всюду лежали и сидѣли люди разныхъ половъ и возрастовъ, съ своими ложками за пазухой. Тутъ не одни Росухцы, но и Водвинцы, и Лупечане и Трухановцы и жители прочихъ окружныхъ деревень,—всѣ собрались пораньше и ждутъ обѣда. Между тѣмъ, «на рѣцѣ Росухи, въ томъ самомъ млину, который гетманъ Скоропадскій позволилъ «збудовати» старому Прокопу Силенко—Силевичу въ настоящее время, варили въ казанѣ, при сукновальнѣ, гречневую жидкую кашу, заправленную въ постный день ѳлеемъ, а въ скоромный—саломъ.

Среди же двора, во всю длину, были разставлены въ нѣсколько рядовъ новыя, чистыя корытца. Въ этомъ и состояла вся сервировка для гостей. Какъ только каша была готова, сами гости, вёдрами, на коромыслахъ носили ее съ мельницы во дворъ и разливали въ корытцы.

Передъ этимъ одна изъ дочерей Силевича лично отправлялась въ амбаръ для раздачи хлѣба, котораго напекали нѣсколько засѣковъ. Вотъ была наглядная картина борьбы за существованіе. Каждый старался протиснуться впередъ, сбивая съ ногъ и топча падающихъ на пути. Надо было видѣть эту толпу съ протянутыми руками за кускомъ черстваго хлѣба!

Приказчикъ и нѣсколько дворовыхъ крѣпостныхъ исполняли роль полицейскихъ, отстраняя нѣкоторыхъ назадъ и обличая тѣхъ, которые подходили за хлѣбомъ по нѣсколько разъ, увѣряя, что они еще ни крошки не получили.

Иногда въ неурожайные годы въ этотъ хлѣбъ подмѣшивали простой гречневой муки, отъ чего онъ выходилъ черный и жесткій. Жидкая каша имѣла мало вкуса, но гости ничѣмъ не брезгали и черезъ полчаса корытцы были пусты. Обѣды эти были какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ происходили весной, въ самую безхлѣбицу. Продолжались они до смерти Герасима Матвѣевича Силевича, т. е. до 1863 года.

Въ тѣ времена чистый хлѣбъ считался роскошью и признакомъ богатства; большинство же подмѣшивало въ хлѣбъ макуху (выжимку изъ конопляныхъ зеренъ) или гречневую муку, которую умѣли такъ приготовлять, что она годилась лишь на обмѣшку скоту; такъ какъ ее мололи подсушенную въ овинѣ, то оболочка зерна перемалывалась въ порошокъ и дѣлала муку жосткой и черной.

Подобнаго хлѣба очень не жалуютъ, но ѣдятъ въ крайней нуждѣ. На вопросъ, отчего народъ нашей мѣстности не терпитъ въ настоящее время такого голода, какъ въ былые годы, вамъ отвѣтятъ: «зъ тыхъ поръ мы пярестали галадаць якъ пачали болій занимацца сѣубой бульбы [1]), при йой и хлѣба меній сходзя и сытъ чалавѣкъ».

Въ самомъ дѣлѣ, какъ трудно принималась у насъ культура! Въ то время, какъ въ Европѣ американскій плодъ былъ давно въ большомъ употребленіи, на Руси даже

[1]) Картофель.

въ половинѣ XIX столѣтія существовали глухіе уголки, гдѣ народъ только искоса поглядывалъ на засѣянную сосѣднимъ паномъ полосу картошки. Попробовали: «якава и яна на укусъ; ничаво, йета страва смашная. «Не прочь были бы кое-когда и стащить ея у пана мѣшокъ—другой, наконецъ испытывали по трохи и сами сѣяць», но все-таки не могли сами додуматься до того, чтобы расширить свое картофельное хозяйство.

Только въ концѣ 70-хъ годовъ нѣкоторые помѣщики начали выписывать разные сорта скороспѣлой и кормовой картофели, тогда только и крестьяне принялись за ея посѣвы.

Но, конечно, не одно отсутствіе картофеля было причиной бѣдности, причинъ этихъ не перечтешь... Однако и достатокъ хлѣба въ прежніе годы теперь объясняютъ тѣмъ, что помѣщики бывало весь чистый хлѣбъ перегоняли на водку. Оттого въ тѣ времена легче было быть пьяному, чѣмъ сытому. Къ тому же «зарабиць было нѐкали, у кагȯ». Да правду сказать и народъ нашъ былъ не «прамышленъ», лежалъ на боку, голодалъ и все думалъ, что горю пособить ничѣмъ нельзя, вѣрилъ въ то, что какъ было прежде, такъ и всегда будетъ и что на то уже воля Господня.

О томъ, какъ недогадливы были люди въ давнія времена, имѣется такой разсказъ:

Йшоу сабѣ праходжый. Тольки приходзье йонъ у сяло и бача, што мужыкъ зъ жонкай усё бѣгаюць зъ хаты, да у погребъ, зъ погреба да у хату.

— Дабрыдзьень вамъ.

— Здарȯвеньки.

— Богъ у помачъ.

— Спасиба чалавѣча.

— Якая йета у васъ у погреби работа, што усё туды бѣгаицье?

— А йета мы кисель ядзимъ, миласци просимъ у хату.

Сѣу проходжый на лауцы и бача, што кисель стаиць на салѣ, а малако у погреби, а яны зачерепаюць киселя, паложуць у ротъ, да самы зъ ложкай и бягуць у погребъ запиваць кисель малакомъ.

— Слухайцье, людзи добрые, за вашу ласку я ужȯ пакажу вамъ, якъ людзи кисель зъ малакомъ ядзяць,—кажа проходжый.

А нѣ, мы и сами умѣимъ кисель ѣсць, на што насъ вучиць!

Насилу жонка согласилась послушать прохожаго, который наконецъ объяснилъ имъ.

— Вы жъ такъ дзѣлайця: принясицье зъ пȯгреба малака у хату, налиця у миску и кисялю туды паложця, да такъ и ѣжця.

Падумали, падумали мужыкъ изъ жȯнкой, да-й—кажуць:

А ужо жъ и прауда, што такъ лучче̑й будзье.

Тады ужȯ, якъ паѣли кисель, дыкъ спасибкали, спасибкали проходжаму чалавѣку... и начаваць его пакинули. Во, на другій дзень устау праходжый ранинька, паглядзѣу у вакно, а мужикъ зъ жонкай зноу штось начали рабиць ни людное: жонка на дварѣ штаны дзержа, а мужикъ узлѣзя на павѣць, да аттуль и скача у штаны. Ни папау у калоши, да мима, тады изноу узлѣзъ на крышу,—скакнуу, адна нога папала у калошу, а другая мима калошы пришлась.

— Што-й йета вы рȯбицье, пытае чужый чалавѣкъ.

— А ци тыжъ ни бачышь, што штаны надзѣваемъ.

— Ни такъ жа йихъ надзѣваюць, давайцье, я вамъ пакажу.

— Во-о-о-о! Закрычала жонка, ци мы ужо дурнѣй попа, што и штаноу надзѣць няумѣемъ. Нехай Богъ крыя, яще и йетаму дзѣлу треба выучицца.

Разсказъ оканчивается тѣмъ, что прохожій открываетъ имъ секретъ надѣванья панталонъ и въ концѣ концовъ получаетъ великое спасибо.

Такъ полѣсцы проживали долгое время въ простотѣ и невѣдѣніи, не трогаясь съ мѣста; ни фабрикъ, ни заводовъ ~~къ слову~~ не было, а вдаль на заработки не пускались. «Да йимъ и ня чутна было, идзѣ тамъ у якой старанѣ зарабляюць грȯшы».—Кто же могъ имъ объ этомъ разсказать и посовѣтовать?

По глухимъ деревнямъ и лѣснымъ хуторамъ въ родѣ, какъ Лиски, Поддёновка, Казенка (Мглинскаго уѣзда), тамъ и дажа и паноу рѣдка у вочы бачыли,—тольки и наѣжджали што валасные за падацями, во и усё!

Это не то, что теперь: заберутъ молодца въ рекруты; черезъ пять лѣтъ онъ придетъ назадъ и разскажетъ все, что на бѣломъ свѣтѣ дѣется. А вѣдь въ прежніе годы, какъ возьмутъ бывало человѣка въ солдаты на 25 лѣтъ, такъ по немъ только плачутъ, а разсказовъ отъ него не скоро дождутся.

Рѣже всего въ Полѣсьѣ попадались деньги; оборотнаго капитала почти не было, да откуда же его было и взять? На дубахъ онъ не растетъ. Въ городъ полѣсюкъ ѣздитъ рѣдко, потому что изъ хозяйственныхъ продуктовъ ему нечего возить на базаръ: и радъ бы онъ съ осени продать «мѣхъ жита, ци гречки—самаму голадъ наразйу у томъ гаду, а то вясной хоць кладзи зубы на палицу».

Посудивши и порядивши такимъ манеромъ, поневолѣ обходится онъ и безъ городскихъ покупокъ. Одежда съ ногъ до головы вся домашняя: отъ овцы, посконней и льну, спряденныхъ и сотканныхъ бабами, лапоть свой, лучина для освѣщенія тоже.

Бабы также сидѣли по деревнямъ, даже и на богомолье долгое время не рисковали выходить, пока «ни распытались, куды и якъ йега людзи ходзюць». Иная и состарится и вѣкъ свой проживетъ, не видя города. Только молодежь не обходилась безъ предметовъ роскоши, но все-таки находила возможнымъ украшать себя, не имѣя никогда гроша въ рукахъ. Для этого по деревнямъ нѣсколько разъ въ годъ ѣздитъ на лошади «карявашникъ»» и кричитъ:

Дѣвки, бабки, несите тряпки, корявки.

Вотъ и началась мѣновая торговля: ему тащатъ все: и старыя онучи и кости и яйце, щетину, вощину и льняное сѣмя, а взамѣнъ получаютъ сережки, перстни, коралы, ленточки, иголки, красную заболоть для вышиванья и т. п.

Кажется всего можно добыть, и все подъ рукою у полѣсца, но нѣтъ, его донимаетъ одно горе: кромѣ хлѣба еще крайне нужна и соль, которой безъ денегъ рѣшительно достать негдѣ. А еще къ несчастью въ тѣ времена она была такая дорогая, по рублю пудъ, не то что теперь по 32 коп.

И такъ, значитъ въ городъ ѣздили только за солью и за дёгтемъ, котораго къ стыду своему сами не умѣли приготовлять, а для этой цѣли ежегодно являлись въ Полѣсье дегтяры изъ Орловской губерніи гнать деготь изъ древесныхъ корней и березовой коры и продавали его по 50 коп. за пудъ.

Легко сказать—рубль на соль, да гдѣже собственно взять этотъ рубль?

Преданіе говоритъ, что въ прежніе годы полѣсскій народъ имѣлъ страхъ и Бога въ сердцѣ; нерѣдко бывало онъ ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиной, но красть не пойдетъ».

Затѣмъ дальше, да дальше, сталъ призадумываться, откуда достать на соль и на дёготь. Глянетъ направо, стоитъ густой строевой лѣсъ пана Силевича, рядомъ идетъ Гудовщина графа Гудовича,—слѣва облегли лѣса Ширая, Долинскаго и т. д.-и т. д.

Лѣсничихъ въ старые годы не было, вотъ и стали мужички промышлять: нарубитъ возъ дровъ, повезетъ за 35 верстъ въ городъ и есть копѣекъ 15, а то пожалуй и 20 на соль.

Разсмотрѣлся дальше, да дальше и узналъ, что въ городѣ все можно сбыть и началъ мало-по-малу изъ чужихъ лѣсовъ таскать лыки, лозу, берёсту и прочій сырой матеріалъ. Затѣмъ по глухимъ деревнямъ, какъ въ Водвинкѣ, Коробоничахъ, Яблонкѣ, стали заниматься деревянными издѣліями: почти въ каждомъ дворѣ гнули ободья, дѣлали колеса и возами отправляли на ярмарки въ Стародубъ и Мглинъ.

Но прежде чѣмъ заняться подобной фабрикаціей, надо сначала ночью отправиться въ чужой лѣсъ и, попросту сказать, накрасть лѣсного-матерьяла.

Оттого про полѣсцевъ пошла молва, будто тамъ «злдій [1]) на злодзіи сядзиць и злодзіемъ паганяя».

Правда, онъ виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія: сравнимъ полѣсца съ его

[1]) Воръ.

сосѣдомъ волкомъ,—послѣдній всегда кралъ овецъ и будетъ красть; воровство же полѣсца имѣетъ свое историческое начало: было время когда «онъ имѣлъ Бога въ сердцѣ и не кралъ», а все, что имѣетъ начало можетъ имѣть и конецъ [1]).

О нарѣчіи и пѣніи.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губерніи слышится въ разговорной рѣчи двоякое произношеніе:

1) На границахъ Стародубскаго и Мглинскаго уѣзд. и во всемъ полѣсьѣ, тянущемся къ Суражу, говорятъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи, съ его главными, выдающимися чертами, т. е. съ смягченіемъ *д* въ *дзь* и *т* въ *ць*. Напр. «хазяинъ кладзьé пичаць, а злодзій глядзиць, аткуль пачаць».

2) Чѣмъ дальше отъ полѣсья и чѣмъ ближе къ городамъ, а также въ самыхъ городахъ: Стародубѣ, Погарѣ, Мглинѣ, Почепѣ и Новозыбковѣ, нарѣчіе остается тоже самое, только съ тою разницею, что *д* и *т* не смягчаются. Напр. «хазяинъ кладе пичать, а злодій глядить, аткуль начать». Поэтому и пѣсни записаны и помѣщены здѣсь по двоякому говору: полѣсскія съ смягченіемъ *д* и *т* и подгородныя безъ смягченія *д* и *т*.

Каково бы ни было экономическое положеніе народа и какъ ни трудно достается ему хлѣбъ насущный, онъ всегда найдетъ время для пѣсенъ и поетъ, когда ему поется.

У насъ по деревнямъ мужички поютъ только въ юношескомъ возрастѣ, до женитьбы, и во время рекрутскаго набора передъ отбываніемъ воинской повинности. Хоръ мужскихъ голосовъ вы услышите рѣдко, и то лишь въ праздничные дни, позднимъ вечеромъ. На полевыхъ работахъ они никогда не поютъ; пѣсенъ не раздѣляютъ по временамъ года и затягиваютъ большею частью какую кому и когда «заугодна». Только рекрутскія пѣсни идутъ въ ходъ непремѣнно въ октябрѣ и ноябрѣ во время набора.

Въ среднія лѣта и въ пожиломъ возрастѣ они признаютъ пѣсни лишь при изрядной выпивкѣ. Попросите его спѣть, онъ отвѣтитъ: «ци я пьянъ, што начнў пѣсни пѣць, якъ бы хто паднесъ чвертку, другую, можа бъ табы и запѣу, да я изъ мòладу на йета ня вотъ то ни крахала ворона у гòру лятучй, а назадъ ужо и ни пачынаць. Йета усё пусцякъ, намъ нѐкали ганяцца за пѣснямы»

Женщины же поютъ во всѣхъ возрастахъ и относятся къ своей устной поэзіи съ большой симпатіей. «У пѣсняхъ уся праўда», говорятъ онѣ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ пожилыя женщины лѣтъ 40—60, на вопросъ, поютъ ли онѣ когда нибудь, отвѣчали:

Якъ останусю я сама сабѣ у дварѣ, да якъ ушибè мянѣ ахота, дыкъ я уси пѣсни паперепѣю, такъ яны адна за другой и лѣзуць у галаўў, а дали, якъ узойдзье на вумъ уся майя горькая жыстачка, да бездолльля, дыкъ я усё пяю и плаччу..., да ахоты таки наплачуся.

На мои просьбы спѣть хоть одну пѣсню, вызывающую слезы, мнѣ отвѣчали молчаніемъ или говорили:

Цяперъ ни придумаю, уси пѣсни павышли зъ галавы̀.

Такъ что изъ всего репертуара удалось записать одну только:

Што—й—падъ гаямъ зилязненькимъ.
Брала удоука ленъ бяленькій
Яна брала—выбирала,
У гая пытала:

Скажы мнѣ гаёчыкъ,
Хто у насъ у сялѣ
Раній усихъ устае?
Пазаренш̀ы устае

---

[1]) Можно бы прибавить, что сначала своихъ лѣсовъ у пановъ Силевичей, Гудовичей, Шираевъ и пр. не было да и самихъ ихъ не было, и тогда полѣсцы преспокойно пользовались окружившими ихъ лѣсами и издревле конечно занимолись выдѣлкою ободьевъ, саней и пр.

Да горькая удойка,
Ни мужъ яйе пабуджае,
Ни люта свякруха,
Пабуджаюць удоуку
Дробныя дзѣтки
Да—й жё нидастатки.

(д. Водвинка, Мглин. Уѣзд. со словъ 65-лѣтн. женщ.)

За дѣвками признается право распѣвать вездѣ и всегда собираться среди села для составленія хоровъ и гулянья. Поэтому она не стѣсняется и если запѣла, то запѣла громко, во все горло.

У замужнихъ же женщинъ хотя и есть потребность излить горе въ пѣсни, но она чувствуетъ за собою нѣкую нелегальность въ пѣніи, считаетъ это занятіе для себя непозволительнымъ, боится, что ее осудятъ и скажутъ: «во уздумала баба дзявòччый вечаръ, дзѣла ня робя, а пѣсни дзяре».

Оттого она и остерегается пѣть громко, а если и поетъ, то «сама пра сябѣ». При собираніи матеріала, довольно трудно расположить крестьянъ пропѣть или проговорить какую-нибудь пѣсню.

Прежде чѣмъ обратиться къ нимъ съ такою странною, съ ихъ точки зрѣнія, просьбою, приходилось пускать въ ходъ нѣкоторые подготовительные разговоры, объяснять каждому причину.

«Нашто вамъ наши пѣсни, панамъ» и т. п. Иная пѣвунья заявляетъ, что она «зная багата пѣсянь», но на самомъ дѣлѣ не скажетъ вамъ ни одной строчки, хоть ее пеки. Спой весеннюю.«Цяперъ йихъ ни пяюць». Ну какую хочешь. «Ни придумаю, позабывàла, дауно пѣла» и т. п.

Я попробовала пустить въ ходъ вознагражденіе въ видѣ лентъ, краль, фартуковъ и проч. нарядовъ,—сейчасъ же память прояснялась, языкъ развязывался и начинали диктовать пѣсню за пѣсней. Съ тѣхъ поръ, попадая въ подходящую компанію, я заявляла коротко и ясно: Господа, кто хочетъ заробить за пѣсни? И эта мѣра имѣла всегда большой успѣхъ.

Къ прискорбію, замѣтна большая разница между пѣніемъ 60-хъ и 70-хъ годовъ и нынѣшнимъ временемъ, а именно: теперь не поютъ, а кричатъ пѣсни. Какъ въ хорахъ, такъ и въ одиночку каждая силится орать во всю мочь, отчего искажается даже мотивъ, и выходитъ одно сплошное выкрикиваніе.

Сватьба.

Январь.

Прежде чѣмъ говорить о пѣсняхъ, мы должны поименовать праздники этого мѣсяца въ связи съ существующими обычаями.

7-го января—праздникъ «Ивана хрясциделя», 30-го празднуютъ трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Но обычаевъ и обрядовъ въ эти дни никакихъ не имѣется. Мужчины дозволяютъ себѣ кое-что и работать «калà дварà». Только бабы соблюдаютъ эти праздники строго и съ талмудическою требовательностью утверждаютъ:

— Заўтря нильзя жлукциць, нильзя праць биллѝ (бѣлья) нильзя прясць».

Мы начали не съ 1-го, а съ 7 января потому, что начало новаго года съ крещеніемъ включительно относится къ рождественскимъ праздникамъ, а объ нихъ будемъ говорить позднѣе. Теперь же займемся пѣснями, которыя сопровождаютъ свадебные обряды. Кстати, начиная съ 7-го января церковь разрѣшаетъ вѣнчаніе и съ этого времени до «маслянки» совершается наибольшее число браковъ, чѣмъ въ прочіе мѣсяцы. Въ крестьянскомъ быту трудно встрѣтить стараго холостяка и пожилую незамужнюю женщину, потому что женщина не служитъ обузой мужу, а представляетъ изъ себя рабочую силу. Оттого родители спѣшатъ женить сына и отдалить насколько

возможно дѣло сватовства дочери, чтобы невѣста успѣла отработать «матцы и батцы» за то, «што яйе узрасцыли и выгадавали».

Впрочемъ сердобольныя матки, помимо матеріальныхъ причинъ, неподдѣльно горюютъ при выдачѣ дочерей и, вытирая скатившуюся слезу, говорятъ:

«Што жъ дзѣлаць, дачка ни бацькова карысць, яжъ яйе гадавала и кукѳбила (лелѣила), а прышло уремъя и треба отдаць у чужія людзи, хоць бы жъ яна яще гадѳчыкъ пакрасавалась у дзѣўкахъ». Крестьяне относятъ сватьбу къ числу разорительныхъ случаевъ въ хозяйствѣ и съ прискорбіемъ сѣтуютъ что «сягѳлѣта яму крѣпка мўтарно (мотарно, трудно) пришлось: гречачка намѐрзла, тамъ пашли сухмени,—канапелька ни узыйшла, а тутъ яще надаспѣла и жаницьба сына, усё адно ка'днаму пашло на вубытки, давялось трохи и на кaунеръ прихвацаць у купца».

Не удивительно, что въ этомъ случаѣ «на каунеръ» попадаетъ. Вѣдь на сватьбѣ выпивается не менѣе трехъ ведеръ горѣлки. А въ прежніе годы при дешевой водкѣ вольнаго откупа расходовали до семи ведеръ. Кромѣ того, къ этому дню уже припасается на зарѣзъ какой нибудь подсвинокъ или бычекъ «сегѳлѣтокъ».

«Вясельля каштавата, говорятъ они. А жё-жъ и безъ йетаго нильзя абайцицца; што треба, то треба, свацьба сарочку знайдзье. А тутъ яще пакуль папа уядниимъ, дыкъ чубъ мѳкаръ будзье».

Трудность эта еще болѣе увеличивается, если за родителями брачащихся числится «ракаущина». Это ничто иное, какъ ссыпка хлѣба въ пользу священника съ каждаго двора по нѣсколько фунтовъ. Роковщина опредѣляется на сельскомъ сходѣ, но большая часть прихожанъ не взноситъ и затягиваетъ ее лѣтъ на десять, а когда приходится дѣло до женитьбы и вопроса о цѣнѣ за вѣнчаніе, то священникъ объявляетъ: «прежде всего привези раковщину». Когда приходятъ «ядпаць папа», «батюшка привѣтствуетъ ихъ, какъ гостей, садитъ на почетное мѣсто, подноситъ «по чарцы гарѣлки», затѣмъ начинаются безконечные толки, сначала очень миролюбиваго характера, а подъ конецъ разговоры становятся крупнѣй, затѣвается ссора и пререканія. Не сойдутся въ первый разъ—черезъ день, два опять являются.

«Нуця, дыкъ якъ вы, бацюшка? ци ня можна за три съ палцинай пирявинчаць? А ракаўщины ужо бацюшка ня пытайця цяперь, абъ калядахъ раждзяствевскихъ усю заразъ атдадзимъ.»

Интересы крестьянъ и священника вѣчно сталкиваются, а потому между прихожанами и пастыремъ всегда обостренныя отношенія. Онъ и кланяется и улыбается батюшкѣ и камень за пазухой держитъ. Оттого являются подобныя пословицы: «зъ вялпкимъ брюхомъ — на папоу дворъ», папоўскіе карманы, завидющія папоўскія «вочы» и т. п. Но въ этомъ случаѣ и священника нельзя безусловно обвинять: вѣдь онъ получаетъ всего 120 руб. годоваго оклада (у насъ въ Мглинскомъ уѣздѣ). Какой чиновникъ въ состояніи прожить съ семьей на эту сумму? Священника многіе клеймятъ корыстолюбцемъ, но и его доля не завидна: вѣдь приходъ ему дается на такихъ же условіяхъ, какъ въ старину давались города въ кормленіе.

Сватаньнё.

Сваты являются въ домъ невѣсты всегда съ хлѣбомъ или пятикопѣечной французской булкой, съ поклонами и привѣтствіями. «Дабры дзень вамъ, штобъ здарѳвиньки были, съ аўторкомъ (вторникомъ) васъ поздравляемъ. «Благодаримъ пакорна, праходзьця далій, просимъ пакѳрна садицца».

Если въ числѣ сватовъ находится какой нибудь балагуръ, то непремѣнно начнетъ такъ: «Хадзили мы, брадзили па вашаму лѣсу, напали на слѣдъ пушного звѣря, гнались, гнались за куницай», у сяло увагнали и слѣдъ пацяряли. Стали шукаць, ажъ слѣдъ пашоу къ вашой хаци. Распытались у людзей, ажъ то быу ни пушный звѣрь, то ни куница, а красная дзявица».

Если жъ у сватовъ нѣтъ умѣнья и охоты къ лишнимъ разговорамъ, то говорятъ просто: «во вамъ хлѣбъ соль, у васъ товаръ, у насъ купецъ, будзимъ сваты. Нашъ парень змирный, у ягò и дворъ свой, и гародчыку зъ поўдзисяцыны йосць» и т. д. Но родители описанію сватовъ не всегда вѣрятъ, а потому хлѣбъ оставляютъ пока у себя и отвѣчаютъ: «Мы распытаимся, падумаимъ». Затѣмъ ѣдутъ въ выгляды въ дворъ молодого и если не понравится обстановка жениха, то вмѣсто отказа отсылаютъ хлѣбъ обратно. Согласія невѣсты обязательно спрашиваютъ, но ни одна дѣвка не даетъ утвердительнаго отвѣта, а говоритъ: «Якъ хòчицы». Это и значитъ, что она согласна выйти замужъ. Тогда оставляютъ принесенный хлѣбъ, посылаютъ за водкой, угощаютъ сватовъ и сообща назначаютъ день, когда «играць заручаны».

Заручаны.

Подъ вечеръ назначеннаго дня пріѣзжаетъ женихъ съ дружкомъ и молодыми парнями; привозятъ они съ собою музыку и горѣлку. Вотъ всѣ пріѣзжіе и званные гости усѣлись за столъ. «Маладàя съ таваришкамы» въ отсутствіи. Затѣмъ отворяется дверь, входитъ одна изъ подругъ невѣсты и низко всѣмъ кланяется. «Нѣ, нѣ, харошъ таваръ, да ни нашъ». Входитъ такимъ образомъ другая, третья съ поклономъ... наконецъ и молодая въ сопровожденіи подругъ. Послѣ ея поклона раздается крикъ: «Йета наша, наша, миласци просимъ». Невѣста подходитъ къ жениху и завязываетъ ему свой подарокъ—ленту въ воротъ рубашки.

Затѣмъ она подноситъ дѣвкамъ горѣлку, и тѣ начинаютъ пѣть, обращаясь къ сватамъ и пріѣзжимъ:

Мы думали—яны сміялися,
Ажъ яны змауляліся
Мы думали—ваду пилѝ
Ажъ яны—гарэлачку.
Мы думали—зъ вядзерачакъ,
Ахъ яны—зъ бутылачакъ.
Мы думали—карцòмъ пилѝ
Ажъ яны—стаканчыкамъ.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 18 л. дѣвицы)

Ци я у цябѣ, мой тàтухна ни гарюю,
Што ты мяне выдаёшъ маладую
Прадàй, прадàй, татусичка
Зилянѐнькій садъ,
Да-й-справъ жа ты мой родининькій
Увесь наварядъ:
Саянѝ зилянѝя—мушкаванѝ
Чырвяцòвы [1]) паясòчки и—зъ махрамы,
Казловыя чырявички зъ гапликамы [2])
Лукирачка, дзицѝ дарагòя
Пападзѐцца табѣ жицьцьё—нилюбдя,—
Саянѝ зилянѝя пыламъ прынадуць,
У чырвяцовыхъ паясахъ махры атпадуць.

(д. Водвинка, Мглинск. у. с. с. 40-лѣт. женщ.).

Касацинькій силязѐнечка,
Ци быу жа ты да на Дунайòчку;
Ци бачиу ты свайю вутачку?
Кали-жъ и мнѣ былò яйе бачыць,
Тольки-жъ я—да на Дунайòчыкъ,
А вутачка дагадалася,
У густый чѐретъ захавалася,
Травинкою да ни шамнула,
Крылушками да ни стрипянула.
Маладый ты Иваничка,
Ци быу жа ты у свайой цьѐщухны, (тёщи)
Да ци бачиу свайю дзѣвачку?
Кали-жъ и мнѣ было яйе бачыць?
Тольки-жъ я да канёмъ на дворъ,
А дзѣвочка дагадалася,
У высокъ цярёмъ захавалася
Дзвярамы да ня стукнула,
Чабатàмы да ня рипнула.

(с. Семешково, Стародубскаго у. с. с. 35-л. женщ.).
(См. Шейнъ т. I. ч. 1, стр. 252 № 276, т. I. ч. 2 стр. 408 № 10).

---

[1]) красный—(чирвоный).
[2]) съ крючками.

На гарэ хвійлачки зацвитали
Усю гару высокаю усцилали;
Прасилася дзѣвачка—
Пусци мяне, татухна,
На тую гару,
Я сабѣ за бѣла цмина
Вяночыкъ саую,
Съ хрищатаго барвиначка
Хрэщыкъ (крестикъ) наряджу,
Да-й-я свайму Аыдрэнчку
У падаракъ пашлю.

(с. Бородинка, Мглинск. у. с. с. 78-лѣт. женщины).

Хадзила Варачка па-садочку,
А за йой Иваничка па слядочку.
Ни ступай ты, Иваничка,
Да на мой саянъ.
Я у Бога сиротачка
А ты—сабѣ панъ.
Шукай сабѣ паняначки,
Якій ты и самъ.
Выѣздзиў я, Варачка,
Усі дароги и царьскія гарады,
Ни знайшоў паняначки
Такія—якъ ты.

(с. Росуха Мглинскаго у. с. с. 40-лѣт. женщ.).
См. Шейнъ т. I, ч. II, стр. 322 № 10.

Варьянтъ той же пѣсни,—записанъ со словъ 78-лѣт. женщины въ с. Бородинкѣ, Мглинск. у.

Хадзила дзѣвачка па садочку,
За йой Иваничка па слядочку.
Жди, пажди, Варачка,
Ужо-жъ ты мая!
Яна ему отказала
Ни прауда твая,
Богава—сударева
Бацькова слуга,
Я у свѣци сиротачка,
А ты сабѣ панъ,
Шукай сабѣ паняначки
Такія якъ самъ,
Выѣздзиу Украину
Увесь бѣлый свѣтъ,
Ни знайшоу такія,
Якъ ты макоу цвѣтъ.
Красная дзѣвачка
Сѣнячки мяла,
Якъ галубачка гула
Вѣничкамъ махне,
Цижаленька уздыхне.
Зачуу, пачуу
Яйе татухна,
У слѣдъ ступае,
У яйе пытая:
Чаго, дзѣвачка, плачышъ,
Ци жаль табѣ мянѣ старога,
Ци падворъяйка майго?
Ни жаль жа мнѣ старасци твайе
Ни падворъяйка твайго,
Жаль жи мнѣ русыя касы.
Да дзявоцкія красы
Дзѣвачки идуць, вяночки уюць,
Я свой—разьвиваю
Па красаццы, (по цвѣточку) па василёчку
Я свой раскидаю.
Дзѣвачки идуць—пѣсянки пѣюць,
Мянѣ ни прымаюць
Мнѣ прауды ни скажуць.

(с. Горяны, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣт. дѣвицы).

У гародзи ни дубъ, ни бярёза
Чырвоная рожа (роза).
Надъ рожаю дзѣука сядзѣла,
Зъ рожай гаманила (разговаривала),
Рожа, мая рожа,
Схарани мяне Божа!
Надъ сакалиная крылца,
Надъ павиная
Будзя мянѣ татухна шукаци,
Вяликаго пиряйма даваци.
Пиряйма ни бярыця
И мянѣ ни кажыця.

(с. Гаряны, Мглинскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвицы).

Да ѣдзь ты, мой татухна,
У гарадочыкъ,
Купи ты мнѣ, татухна,
Салавейку.
Прыкуй яго, татухна,
Къ караваццы
И онъ будзя раниньки
Щабитаци

Будзя мяне, маладую,
Пабуджаци.
У мяне, мой татухна,
Ня свой бацька,
И онъ мяне ра̀нинька
Ни пабудзя.
Иосць у мяне нявѣстачка
Маладая
Яна у мянѣ ранинька
Ни уставала.
Ня слухайця, сусѣдачки,
Свёкра майяго.
Да я мяту̀ хату, сѣни
Съ свѣчкамы,
Да я бягу па вадзйцу
Зъ зарянйцай.

(д. Бородинка, со сл. 78-лѣтн. женщ.).

Наканунѣ вѣнца.

а) Въ домѣ жениха.

Наканунѣ вѣнца вечеромъ въ домѣ жениха собираются приглашенные «сусѣди», свашки и дружко̀—«каравай чапаци» (вѣшать) Въ сумерки зажигается передъ образомъ лампадка и восковая свѣча, накрывается бѣлой скатертью столъ и на немъ ставится верчъ и каравай. Это пшеничные хлѣбы, окрашенные красной краской и утыканные обвитыми цвѣтной бумагой—палочками, на верху которыхъ насажены тоже изъ тѣста разные пѣтушки, орлы и проч. Верчъ стоитъ уже убранный, готовый, а для каравая всѣ эти палки съ фантастическими птицами покупаются отдѣльно, и въ этотъ вечеръ эти принадлежности вѣшаютъ и прикрѣпляютъ на каравай, сопровождая все это выпивкой и пѣснями. Предъ началомъ всѣ присутствующіе молятся предъ образами, бьютъ земные поклоны и затѣмъ садятся за столъ. Дружко̀, какъ главный церемонимейстеръ, привстаетъ и возглашаетъ:

Баслави ацецъ,—маци
Свайму дзицяци
Каравай чапаци.

«Нехай Богъ баславляя», получается отвѣтъ и свашки (молодыя замужнія женщины) начинаютъ пѣть:

Караваю мой муливаный (разрисованный)
Да хто-жъ цябѣ муливаў,
Ци баги цябѣ муливали,
Ци малыя баженяточки?
Муливали мянѣ зорячки
Да Расуськія дзѣвачки.

(Заучено много еще въ 60-хъ годахъ въ с. Росухѣ на свадьбахъ).

Матачка Данилку (имя жениха) радзила,
Мѣсяцамъ обгардзила,
Звяздою подпирязала,
Дарожку указала.
Ѣдзь, мой сыночекъ, ня стой,
У цябѣ коничакъ ня свой,
Ночачка цёмная,
Дарожка ня торная,
Дружина ня вѣрная.

(Заучено много въ 60-хъ годахъ въ с. Разсухѣ на свадьбахъ).

Што—й у садзи, да на вишаньни
Извиуся раёчыкъ
У залотый клубочыкъ,
Извиуся у садзи, да на вишаньни,
Хо̀ча паляцѣци
Изъ бора у дубрау
Выбрау сабѣ со̀сну
Тонкую да високую,
Кудрявую, кучарявую.
Сабрауся Данилка
Съ свайою раднёю,
Зъ бо̀льшаю сястрою,
На коня хоча сѣсци
Да паѣхаци къ цьесцю
Абабра̀ў сабѣ дзѣуку
Красную, да харошаю,
Харошаю, да пригожаю
Маладую да Адарачку (имя невѣсты Дарья).

(д. Лупеки, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины).

Ходзя маци да па вулицы
Сусѣдачакъ прося—
Сусѣдачки майѐ,
Хадзиця вы ка мнѣ,
Къ маймy дзицяци
Караваю чапаци,
У майго сыночка
Самъ Богъ каравай мѣся,
Прячистая свѣця,
Ангели да ваду нȍсяць,
Миколая прȍсюць—
Миколай чудотвȍрицъ,
Хадзи къ намъ на пȍмачъ.
Да нихто-жъ таго ни зная,
Што ў нашамъ караваи
Съ сями кароў масла
Да яйецъ паўтораста,
Да съ трёхъ крыницъ вадȁ,
Да съ сями лавакъ мука.

(с. Росухи, Мглинскаго уѣзда, 66-лѣтней женщины).

Наканунѣ вѣнца.

б) Въ домѣ невѣсты.

Дзявички (дѣвички—дѣвичникъ).

Въ этотъ самый вечеръ, когда у жениха «чапаюць каравай»— у невѣсты «гуляюць дзявички». Предъ сумерками невѣста съ подневѣстницей (подружка) ходитъ со двора во дворъ и сколько бы въ избѣ ни было народу, каждому отвѣшиваетъ низкіе поклоны. Подросткамъ и молодежи кланяется въ поясъ, тихо и скромно приговаривая: прошу миласци ка мнѣ на дзявички. «И получивъ отвѣтъ: «нехай Гасподзь памагая», она повторяетъ еще два раза свой поклонъ въ видѣ благодарности за пожеланія. Старшимъ себя — дѣлаетъ три земныхъ поклона. «Богу святому кланяйся дзицȁтка, «отвѣчаютъ ей ласково», дай жа Божа табѣ сцасця—й—долю и усяго, чаго ты сабѣ атъ Бога просишъ». Однако, несмотря на обиліе поклоновъ, которыхъ приходится въ этотъ день отмѣрять не менѣе полутораста, на дѣвйчки приходятъ только дѣвки, родичи и кое кто изъ завѣдомо приглашенныхъ родителями гостей.

На «дзявичкахъ» старшіе «залязаюць за столъ на бясѣду», ихъ «частуюць гарэлкой», подаютъ закуску. Дѣвокъ съ невѣстой отводятъ въ другую хату, а если нѣтъ таковой, то къ сосѣду. Туда имъ посылается закуски и немного водки. «Дзѣўки ня пьюць па багату гарэлки, яны саромяюцца и тольки пригубюць хоць йншай гарэлка працирна, якъ старцу гриуна.

На дѣвичкахъ не полагается ни музыки, ни танцевъ. Подруги, какъ бы прощаясь, проводятъ послѣднiй вечеръ съ невѣстой и время отъ времени поютъ пѣсни «на жалостный голосъ» (минорный тонъ).

Куковала зязюличка у садочку,
Прыхилиўшы галовачку кы листочку;
За лисцяйкамъ галȍвачки ни вицȁци
За пташками галасȍчка ни слыхаци;
Заплакала Адарачка у святлицы
Прыхилиушы галовочку кы скамъыцы,
Яна плакаушы гаварыла—
Якъ мнѣ у чужія людзи ицицъ?
Якъ мнѣ свекру наравицъ?
Зайшоу, пришоу Данилачка.
Ня журися, дзяучоначка,
Йосць у мяне тры чалядачки:
На крюку тры нагȁячки,
Адна будзя рана пабуджаци,
А другая дзѣло работȁци,
А трэцця—свекру наравици.

(с. Човпня, Стародубскаго уѣзда, со словъ 50-лѣтн. женщины).

А чья-жъ йета рута-мята падъ гарȍю
Зарасла, забуяла либядою?
Да чаго ты, Мархвачка, такъ, сядзишъ,
Да чаго ты рутȁчки ня пȍлишъ?
Цяперь мнѣ, дзѣвачки, ни да руты,
Бяре мяне дзяцйнка у свайе руки
У чужую старанў на вѣки.

(с. Росухи, Мглинскаго уѣзда, со сл. 47-лѣтн. женщины).

Татухна мой родненькій,
Выйдзи за вароты,
Приляжъ на дарози,
Ци шумиць лѣсь-дуброва,
Ци стогня дарога,
Ци свищуць нагайки,
Ци ѣдзуць баярки,
Ци пяюць свашки пѣсни,
Да ци йосць прамижъ йихъ,
Мой разлушничакъ,
Разлучну майю касу,
Разабрау на валасу,
Пусцну на шауковамъ паясу.

(с. Бородинка, Стародубскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. женщины).

Ци я цябѣ, мой бацюшка,
Ни вѣрнйца была,
Ци ня вѣрна служила.
Изъ цьерему да—й—ни выходзила,
Тольки-жъ была вышла
Изъ цьèрема да на ганачки (на крылечко)
Да—й глянула я на красачки,
Ажъ майе краски—йграюць,
А мойе живатòчки вянуць.
Хоць играйця краски, ни играйця,
Мнѣ у бацьки ня жыци
И вяночкоу ня вiци.
Адзинъ была звила
И таго ни знасйла,
Павѣсила, да—й у цьèрями,
У цьèрями да за дзвèрями
На залатòмъ гваздòчку
На шауковомъ шнурочку.

(Въ с. Семешковѣ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины).

Въ Росухѣ къ этой пѣснѣ прибавляютъ еще три строчки.

Куды татухна идзè
Галоўкаю чырькайицца, (касаться)
Слёзкамы абливàнцца.
(Варьянтъ у Шейна стр. 455, т. 1, ч. II).

Какими только ласковыми названіями ни обзываютъ собравшіяся здѣсь сверстницы въ пѣсняхъ свою зарученную подругу дѣтства: она у нихъ на прощаньи и «вишанька» и «сѣрая зязюличка» и «бѣлая бѣляначка» и «красная суравѣжачка».

Сѣрая мая зязюличка,
Вòрамъ ляцишъ,
Чаму ни кукуйишъ?
Красная мая дзяучòночка,
Вèчаръ—сядзйшъ
Чаму пѣсянъ ни пѣешъ?
Сѣла ты, да павышай усихъ
Галòвачку сыхилйла
Да нанйжы усихъ.

(Записано въ хут. Александровкѣ, Мглинскаго уѣзда, на дѣвичкахъ).

Бѣлая ты бѣляначка,
Красная суравѣжачка
Ци байсься ты марозу?
Я марозу ни баюся,
Ать марозу схаранюся,
Гòльляйкомъ абгараджуся,
Лйсцяйкамъ напрянўся (накроюсь)
Красная да ты дзѣвачка,
Ци байсься ты свёкра?
А я свекра ни баюся
Я—яму пакарюся.

(Записано тамъ же на дѣвичкахъ).

Зяленая наша вишанька
Туды сюды нахилилася
Тирязъ тынъ, да на вулачку.
Ни сама-жъ я нахилилася,
Нахилили мяне буйные вѣтры
Да дробные дажджы.

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

Кленъ—липа ци ня дзеряуцо,
Смародыня ци ни ягада,
Кулиначка ци ня дзѣвачка
Яйе каса ци ня косачка?

(Тамъ же записано на дѣвичкахъ).

А казала калина: цвисць ня буду,
Зяленаго лисцяйка ни пущу,
Краснай ягадки ниураджу.
Якъ прышла пара —зацьвила,
Зялёныя лисцяйки пусцила
Ни праўдзивая Тацяначка
Казала: замужъ ни пайду,
Маладога Миколки ни люблю.
Якъ прышла пара—замужъ пашла,
Маладога дзяцинку спалюбила.

(д. Жуково, Мглинскаго уѣзда, 18-лѣтн. дѣвицы).

Татачка мой радуюсинькій,
Бачыла я сонъ дзiунюсинькій:
Што—й надъ нашымъ надъ дварочкамъ
Наляцѣла стада галубочкоў,
А мижъ галубочкоу адзинъ сакалочыкъ.
Дзѣвачка мая, я твой сонъ разгадаю:
Галубочки—йета байрачки,
Ясный сакалочыкъ—маладый дзяцинка.

(с. Новоселки, Стародубскаго уѣзда, 26-лѣтн. женщины).

Ишла Проничка, кругъ стала,
Сыпала руту—мяту зъ рукава.
Рута мая дробна, зилянаая,
Съ кимъ мнѣ цябе падбирацъ?
Праси, дзѣвачка, татухну,
Зимляныя рутачки сабирацъ.
Ня буду я, татухна прахапи,
Ня умѣу йонъ мянѣ кахаци,
Ни у свайомъ дварѣ дзиржаци.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со сл. 30-лѣтн. женщины, въ 1892 г.).
См. Шейнъ т. I, ч. II, 347, № 24.

Маладая да Мархвутачка,
Пиряйдзи. сѣни
Да падай татухньe вадзицы,
Твая вадзица салодка,
Саладжеѣй мёду и вина,
Што—й заручённая падала.

(с. Росуха, со словъ 17-ти лѣтн. дѣв. въ 1860 году).

Дзѣвачки, голубачки, попытайця у майой донички,
Чаго яна такъ плача, да чаго жъ йой жаль,
Ци свойой русай косачки ци дзявоччыя кросочки (красоты)?
Ни жаль жа мнѣ ни дзявоччыя красы, ни русай касы,
Минулася бацькава раскоша-сама бачу,
Ни разъ, ни два па раскошы той заплачу.

(с. Хоробичи, Городнянскаго уѣзда, со словъ 27-ми лѣтней женщины, въ 1896 г.).

Если родителей невѣсты нѣтъ въ живыхъ, то поютъ еще и слѣдующія пѣсни:

Сѣнички мойе ни мяцёныя,
Падружки майе зазваныя
Да ня частаваныя,
Устань, мая мамачка,
Пачастуй падружачакъ.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 27-ми лѣтн. женщины, въ 1897 г.).

Адаркина мамачка пирядъ Богамъ стала,
Наухрестъ руки склала
Да силнинька (сильно) Бога просяя:
Пусци Божа зъ неба да дому
Паглядзѣци да на свайю дзицяцю,
Ци харашо яна уряджана,
На покуци ци пасажана,
Уряджана якъ лябедачка
Пасажана якъ сиротачка.
Устань, устань, мой татачка,
Дай мнѣ парадачку (совѣтъ)
Якъ у свѣти жыци.
Радъ бы я устаци
Парадачку даци,
Сырая зямелька дзвери замяла,
Вакошки засыпала
Дубовыя дошки (доски)
Стиснули ножки,
Ни магу—й устаци
Я къ свайму дзицяци.

Утромъ передъ вѣнчаньемъ женихъ съ дружкомъ, боярами и своими гостями ѣдетъ поѣздомъ въ домъ невѣсты. При выѣздѣ изъ отцовскаго дома, во дворѣ поютъ слѣдующія пѣсни:

На неби зòричка свитàе,
Иванька коника сѣдлàе,
У яго мамухна пытàе:—
На што коника сѣдлаишъ,
Куда ты, сыночекъ паѣдзишъ?
Паѣду, мамухна, паѣду
У тую дорòгу часную
Па тую Лукирку красную.

(Въ д. Водвинкѣ, Мглинскаго уѣзд., отъ 40-лѣтн. женщины).

А у нядзѣлю рано
Попъ къ абѣдни звòня,
Иваничка па двару ходзье,
Съ татухнамъ гавòря:
Татухна мой да ты родненькій,
Парадзь и мнѣ ты парадачку
Ни малую, ни вяликую.
Ци къ абядни мнѣ йцицъ,
Ци баяръ сабирацъ?
Зъ Бòгамъ, сынку, зъ Бòгамъ
Памаливъ бы ся Богу,
Зъ баярамы у дарòгу.

(отъ той же).

Сакòлику да на кòлику,
Иваничка да на канику,
Саколику, да ня выляци,
Дзяцинначка, да ня выѣздзи,
Памажи-жъ яму, Божа,
У пуцяй у дарòзи,
У вяликамъ абози.

(Заучено въ 1859 году на свадьбахъ мною).

Въ дорогѣ продолжаютъ пѣть:

Жаркая соньняйка (солнце),
Калясòмъ надъ лясòмъ,
Ня куй, дзяцинка,
Сталянòга нажà,
Падкуй, Иванечка,
Варанòго коня.
Сталяный нòжычакъ
На сталѣ ляжыцъ,
Вараной кòничакъ
У дарòзи бяжыцъ.

(е. Росуха. Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣт. женщ.).

Паѣдзимъ бòрамъ барамы,
Боръ будзы шумѣцъ,
Падкòуки звинѣцъ,
Зацуюцъ людзи,
Дзивица будуцъ.
Зачуя цьещухна
Гатавàцца будзье.
Пачуя Гàнначка,
Прибирацца будзье.
Иванъ ѣдзье—
Поле стòгне!
Ѣдзье хлопчычакъ
На свой даръ.
А яго жъ то даръ
Дарагій товаръ,
Куплёный, зьлюблёный.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, с. 501, № 24, стр. 12.)

Подъѣзжая къ двору невѣсты, поютъ:

Ой ѣхали барàмы,
Цёмными лясàми,
Пили ваду съ крпничаньки,
Стой-пастòй, мой канѝчанька,
Ни мая дружиначка,
Ни мая вярненькая,
Прiѣхау Андрэйка къ варòтамъ,
Яго коничакъ падъ злòтамъ.
Павѝное пяро на коню лягло
Па ягò галовачки,
На ряменнай збруячки.
Вышла цьѣщухна витàци—
Йонъ назадъ канёмъ ступаци:
Стой, пастой, мой каничанька!
Стой, пастой, мой варòненькій.
Ни мая дружыначка,
Ни мая вярненькая.

Затѣмъ повторяется пѣсня сначала съ измѣненіемъ «вышелъ свёкарька витати», затѣмъ вышелъ брахнейка. Когда наконецъ дѣло доходитъ до невѣсты, то оканчивается такъ:

Вышла Адарка витàци,
Йонъ уперйдъ канемъ ступаци:
Стой, пастой, мой канйчанька!
Стой, пастой, мой варòненькій,
Во жъ мая дружыначка!
Вотъ мая вярнѐнькая,
Во мая радзйначка,
Во мая раднѐнькая.

Въ день свадьбы утромъ невѣста снова съ подневѣстницей обходитъ все село и кланяется троекратно каждому, промовляя: «Прашу миласци на вясельля». Затѣмъ вскорѣ въ село въѣзжаютъ женихъ съ дружками, свашками и своими гостями, которые всѣ вмѣстѣ называются поѣзжанами. Чѣмъ богаче свадьба, тѣмъ больше поѣздъ. Когда уже всѣ собрались въ хатѣ, туда вводятъ торжественно «молодую» при слѣдующей пѣснѣ:

Ступйла Дунячка на парогъ
Сустрѣу яйе Гаснодзь—Богъ.
Доля яйе щаслйвая,
Добрая гадзйначка,
Богъ яйе сустрикàе
Прячистая святая,
Доля яйе щасливая.
Добрая гадзйначка
Су сѐю радзйначкай

Передъ тѣмъ какъ отправиться къ вѣнцу, дружкò ставитъ всѣхъ въ хатѣ въ рядъ: молодую съ молодымъ, затѣмъ разныхъ братенниковъ (двоюродныя братья), золовокъ, свояченицъ и проч., приказываетъ всѣмъ взяться за руки, самъ протягиваетъ руку невѣстѣ, заводитъ ихъ въ этомъ порядкѣ за столъ и садитъ такъ, чтобы невѣста попала въ конецъ стола. Тутъ повторяется остатокъ древняго обычая купли невѣстъ. Мязеный братъ продаетъ косу сестры повѣренному жёниха—дружкỳ, который подноситъ брату чарку горѣлки на деревянной тарелочкѣ и нѣсколько копѣекъ денегъ. Братъ не беретъ, отказывается, говоритъ, что коса сестры «дараджѣй стоицъ»; его уговариваютъ и послѣ торговъ набавляютъ еще нѣсколько копѣекъ, но вся сумма ограничивается по большей части пятакомъ или гривенникомъ. Когда коса продана, невѣсту окружаютъ подружки. Подневѣстница расплетаетъ косу, прочія «жáласна паюцъ». Молодая, разставаясь съ своей «дзявицкай жысцю», тихо роняетъ слезу за слезой, опустивъ голову.

Ни братъ касу трѐпля,
Ни братъ расплитая,
Чужа—чужаница,
Красная дзявица
Па валасу разбирая,
Па слезцы раняя,
Русаю косачку братъ прадау,
Идзѣ-жъ ты уплётки падзѣвау?
На сталѣ паклау,
Мѐншай сястрицы падавау.
На жъ табѣ, сястрица.
Сястрины уплётки.
Судзи, Божа, табѣ то,
Хоць ни сёлята,
Дыкъ на тóлѣта (въ этотъ годъ)
Абъ такой парэ якъ йета.
Йета табѣ, Просичка за тойе,
Што пляла косачки у тройе.
Плесць было косы,
У чатыре ряды,
Жыць было съ тàтухнай
Да чатыри гады.
Запляла ты кóсачки рядамы,
Пріѣхау Иванъ да зъ дружкамы (bis)
Расплёу кòсачки съ шнуркамы.

Въѣзжая въ церковь дружки просятъ у «радзйцялёвъ» невѣсты подорожную и вручаютъ имъ фляшку съ горѣлкой и чарку. Обычай таковъ: всякій, кто встрѣтится съ весельнымъ поѣздомъ, имѣетъ право требовать «падарòжнай» т. е. по чарцы гарэлки». Отказа въ этомъ случаѣ не полагается. По пути къ церкви поютъ:

Ой попя, попя Гардзею,
Звинчай дзѣтачакъ у надзелѣ.
Ой попя, попя,
Бацька нашъ,

Звинчай дзѣтачакъ
У добрый часъ.
А кали ня будзишъ вянчàци,
Будуць тваи̂и кудзярьки тряцàци,
Якъ лютый марòзъ на дварѣ,
Такъ тваи̂е кудзярьки на галавѣ.
А мы ѣдзимъ къ папу,
Вязёмъ грòшій капу,
А кали зь яго мàла,
Штобъ яго разарвала.

Ѣдучи назадъ изъ церкви поютъ:

Съ надъ вянца Ганначку, съ падвянца
Зламила зъ бярёзы верхауца [1]),
Стой, мая бярёза, бизъ вирха,
Бизъ шырокàго лисцейка,
Живи, мая мамухна, бизъ мянѣ,
Бизъ маи̂е русы̂я косачки
Бизъ дзявоцкія крòсочки.
Ой радъ рàдзинёкъ Хвёдарька
Што—й—у божамъ дамку пабываŷ,
На бѣламъ рушничку пастаяу,
Зъ правыя ручачки персцинь здѣŷ
Да на сваи̂ю Дунячку поглядзѣŷ.

(с. Росуха, заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году).

Подъѣзжая ко двору поютъ:

Запали̂, матка, свѣчку,
Выйдзи на сустрѣчку,
Ци пазнаешъ, маци,
Ты сваи̂го дзицяцю,
Да ужо-жъ тваи̂о дзиця
Звѣнчана ѣдзя.

(с. Росуха, заучено на свадьбахъ въ 1859 году).

А мы были, у Бога
У Духа Святòго
Да мы бачыли (bis)
Два вяицы на сталцы,
Трецці̂й на галоваццы,
На русай кòсачки,
На шауковай сцежачки.

(с. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины).

При появленіи на порогѣ молодой, ее встрѣчаютъ пѣніемъ:

Ой тучка, наша (тучка) Дунячка
Па небу ишла тучамы,
Изъ неба сыйшла дадждамы,
Па рацѣ плыла вŷтачкай,
У сѣни выйшла пàваю,
За сталòмь сѣла паннаю.

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

По пріѣздѣ изъ церкви жениха,—невѣсту и поѣзжанъ садятъ за столъ. Затѣмъ мать вноситъ на «вечкѣ» [2]) подарки—рукодѣлія невѣсты: маленькіе платочки изъ льнянаго холста, кусочки для рукавовъ, рушники.

При этомъ поютъ приличныя случаю пѣсни:

Што—й у варòцячкахъ рѣчачка,
Кала тыя рѣчачки—сцьежачка,
Ой тамъ Дунячка хадзѝла,
Тонкія падарачки бялила,
Годзы [3]) табѣ, дзѣвачка,
Падаркау бялици,
Ужо тваи̂е падарки бялѐньки,
А ужо тваи̂е баяры близѐнька,
Ужо тваи̂е баяры у пòли,
А хоць у пòли, ни у поли,
Да нехай будуць здаровы,
Ще—й маи̂е подарки ни гатовы.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, отъ 16-лѣтн. женщ.).

---

[1]) верхушка. [2]) крышка отъ дежки. [3]) Полно.

При появленіи матери съ подарками начинаютъ пѣть:

Паузе, паузе да мурашачка
Нясе, нясе да падарачки,
Падарки бялёньки
Ать слёзакъ макреньки,
А казали—Ганначка ни пряха,
А казали—Ганначка ни ткаха,
Яна-жъ рана уставала,
Яна тòненька пряла,
Чàсценька ўсе ткала,
Бѣленько бялила,
Усимъ свайимъ баярамъ дзялила,
Жоднаму [1]) дзевярю па рушничку,
Жоднай залоўци па нямёццы [2]),
Была скрыня [3]) поўна,
Цяперь палавина,
Мацеръ атабрала,
Баяръ даравала.

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщ.).

Въ это время подносятъ гостямъ по старшинству, съ поклономъ, чарку горѣлки и подарокъ, о крестной матери непремѣнно чоботы или башмаки съ слѣдующими словами: «Штобъ ни пагнѣўны были да заудзяшни [4]) принàли.

Гули, гули пчолы
Къ вулью припадаючи,
Плакала Марьячка,
Къ кублу [5]) прилягаючи,
Ой кўбле, мой кўбле
Да што—й у цябѣ бубня?
Зиму пряла, вясну ткала,
Лѣцячка бѣлила,
За адзинъ часъ раздзялила.

Кромѣ званныхъ гостей, дивицца вясельля идетъ все село, старый и малый, подъ окнами, во дворѣ, въ сѣняхъ, въ хатѣ, на полатяхъ и даже на пѐчи забираются посторонніе зрители (которымъ впрочемъ не полагается никакого угощенія).

Дружкò и хозяева то и дѣло снуютъ по хатѣ съ угощеніемъ: въ правой рукѣ бутылка съ водкой, въ лѣвой прикрытая холстомъ деревянная тарелочка съ полной чарочкой, которую безпрестанно подносятъ къ гостямъ, «частуюць усихъ».

Поютъ, шумятъ, говорятъ,—кто во что горазд; настоящая ярмарка. Молодецъ подъ музыку танцуетъ гдѣ-нибудь на вольномъ воздухѣ подъ повѣтью [6]), не смотря на зимнее время, а подчасъ и морозы.

Затѣмъ слѣдуетъ обѣдъ, сопровождающійся тоже большою выпивкою. Послѣ обѣда женихъ и преимущественно молодежъ запрягаютъ своихъ кòней и переѣзжаютъ на заранѣе приготовленную для нихъ квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ дворовъ.

Туда забираютъ музыку, привезенную женихомъ водку, сало, колбасы и пр. Это и называатся: «свàшки гуляюць».

Што—й цьеща зяця
На вячѐрю звала,
Да сахòрный кусокъ
На блюда клала.
Приляцѣу сакòлъ
Разсыпау сахòръ
Крылцамы, пѐрцамы [1])
Па столику разнасиу,
Якъ пріѣхау зяць,
Нечымъ частаваць,
Маладую Лукирку
Да—й треба атдаць.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 34-лѣтн. женщ. въ 1894 году).

Когда свашки нагуляются, передъ концомъ пира начинаютъ напоминатъ молодому, что пора ѣхать во дворъ къ тестю за невѣстою, которая уже соскучилась «по свайомъ дзяцинки».

---

[1]) Каждому. [2]) Головное бѣлое покрывало. [3]) Сундукъ. [4]) Съ благодарностью. [5]) Дежка съ ушками и крышкой для бѣлья. [6]) Четыре столба и сверху крыша.

На руци [1]) мяци жоутый цвѣтъ,
Чаго цябѣ Андрэнчика досюль нѣть,
Цябѣ Ховрачка даўно ждзець,
Изъ застольляйка вонъ няйдзець.
Писала бъ письмо—ня ўмѣю,
Паслала-бъ пасла—ня смѣю.
Сама бъ я пашла—баюся,
Шъ чыстаго поля вярнуся,
У чыстамъ поли старо̂жа,
Тая старо̂жа спаймая,
Па русай касѣ угадая,
Иета ко̂сачка распляцёная,
Иета дзѣвачка обвѣнча̂ная.—

У панядзѣлакъ рама
Да синя моря йграла
Соньняйка купалась,
Адарачка умывалась,
Бялила забыла,
На камени палажила,
Каму ѣхаць па бялила?
Дружко̂въ конь ня кованъ,
Яго вазокъ ни мулёванъ,
Каму ѣхаць па бялила?
Данилкинъ конь да подко̂ванъ
Й вазокъ яго памулёванъ,
Яму ѣхаць па бялила,
Яму ѣхаць па бялилячка.

Между тѣмъ, въ домѣ невѣсты подъ вечеръ начинаютъ дарить молодую. Всѣ сидятъ чинно за столомъ.

Поднимается дружко̂ и выкрикиваетъ по очереди имена родичей и гостей.: Йосць тутъ, йосьць Домна Посулавна хресная маци? Чимъ вы нашаго маладо̂га князя и маладую княгиню падару̂нце? Ци валомъ, ци канёмъ, ци битымъ чирвонцамъ?

Люди болѣе близкіе дарятъ живностію на новое хозяйство, какъ напр. овечку, телушку—другимъ годкомъ, поросеночка-годовичка.

Прочіе, въ особенности дѣвки, дарятъ кусочки льнянаго холста, рушники, а большинство на туже тарелку, на которой подносятъ горѣлку, кладетъ какую-нибудь мелкую монету и выпиваетъ подносимую чарочку.

А иной шутникъ закричитъ:

Дарю маладо̂го князя и маладую княгиню падаркамъ: тымъ канёмъ, што ни дагонишъ усимъ сялomъ, и при этомъ выпускаетъ изъ рукъ воробья.

Тутъ же «дзѣўки дражнюць» маладо̂го въ припѣвахъ:

У нашаго маладо̂го
Да усё ни людное,
Шубка сабача,
Шапка цилячча,
Чабицики парасяччы:
Шапка ряупе,
Шубка бряхне,
Чабицики писнуць,
Дружка̂ черци стиснуць.

(Заучено мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ въ 1859 году).

Да куда ты, Дарьячка, глядзѣла,
Да каго ты сабѣ выглядзѣла?
Йонъ гарбатъ, грыбатъ, ни пригожъ
Савиныя вочачки, чаплинъ носъ,
Куды цябѣ, дзивачка, чортъ панесъ.

(Заучено мною въ с. Росухѣ на свадьбахъ въ 1859 г.).

Дружко̂ сна̂чала гуляетъ съ свашками, а затѣмъ приходитъ въ хату, гдѣ дарятъ молодую.

Дѣвки въ припѣвахъ «дражнюць дружка».

А казали сваты бага̂ты,
Ажъ яны убоги,
Йихъ кони бизно̂ги,
Сами пяшкомъ шили,
Жаниха у мяшку нясли (bis)

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 60-лѣтн. женщины, въ 1890 г.)

[1]) На рутѣ.

Дружкѝ каравай дзѣля,
За йимъ да жана хѝдзя,
Семяро дзѣтакъ за сабою вѝдзя,
Да ўси съ кашалямы,
Што—й у ротъ, што—й у кишеню,
Штобъ былѝ на вячѐрю.

(с. Пилипча, Городнянскаго уѣзда, со словъ 27-лѣтн. женщ., въ 1897 году).

Идзы, дружкѝ, у хату
Нага на парѝзи,
Рука на палицы,
Шукая паляницы.
Галѝдзинъ, дзядзя, галѝдзинъ
Зъ галѝднаго краю!
Па цѣламу сухарю кусае,
Па цѣлай скйбцы глытàе.

(Отъ той же 60-л. женщ. въ д. Яблонкѣ).

Дзѣуки дружка били,
Хахолъ абарвали,
Хто идзе, тэй пытал,
Чій хахолъ лятая?

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 30-лѣтн. женщ.).

«Дражнюць» также поднявѣстницу и поджанишника:

Паднявѣсница псица,
Сядзиць якъ лисица,
И гарэлачки ня пъе,
И пѣсянъ ня пяе.

(Заучено мною въ 1854 г. на свадьбѣ въ Разсухѣ).

Поджанишничакъ маладый
Пагнаў кацятъ да вады,
Каторая ня йдзе,
За хвостъ падвядзье,
Каторая пабяжыць,
Ионъ тую прыдзяржыць.

Остальное время молодая проводитъ среди своихъ «тавàришакъ».

Ихъ всѣхъ сажаютъ за отдѣльный столъ или отводятъ въ другую хату. Молодой и дружкѝ эти часы остаются «у сватакъ на хватери.

У молодой поются прощальныя пѣсни предъ разлукою съ подругами:

Кацилися игрушки зъ вярхушки,
Пакидаюць Марьячку падружки—
Дружачка наша, Марьячка
Якъ намъ съ табою растряцца [1]),
Да якъ мѣсячку зъ зарёю,
Такъ намъ, Марьячка, съ тобою.

(Заучено мною въ с. Росухѣ въ 1858 году).

Щабитала чачочатка падъ кусцикамъ сидзючы—
Божа мой мѝластный, идзѣ жъ майо лѣта дзѣлася?
Идзѣ жъ майо цёплая?
Ни на кусцику расйцы,
Ни падъ кусцикамъ травицы,
Божа мой миласный,
Идзѣ жъ майо лѣта дзѣлася?
Идзѣ жъ майо цёплая?
Плакала Гарпиначка,
За столикамъ сидзючи,
Божа мой миласный,
Идзѣ-жъ мая краса дзѣлася,
Идзѣ-жъ мая дзявоцкая,
Ни на галавѣ вяночка,
Ни на ручаццы пирсцянёчка,
Идзѣ-жъ мая краса дзѣлася,
Идзѣ-жъ мая дзявоцкая?

(с. Лупеки, Стародубскаго уѣзда, отъ 38-лѣтн. жен., въ 1896 году).

---

[1]) Разстаться.

Вячеряй, Дарьячка, вячеряй
У свайго роднаго бацюшки.
У лютаго свекра сядзуць вечерящь,
А цябѣ маладу̀
Пашлюць па ваду,
Тамъ вды глыбокія, горы высокія.
Вадзицы принясешъ
Кожнаму паднясешъ,
И старому и малому,
И Иванцы маладому,
Збярешъ ложачки,
Сатрэшъ крошачки,
Возьмуць цябѣ слёзачки.

(с. Човпня, Стародубскаго у., отъ 50-лѣтн. женщины).

Уси вутачки зъ возяра плывуць,
Ой рана, рана плывуць.
Адна вутачка заставалася,
Ой рана, рана заставалася.
На каго яна спадзивалася?
Ой рана, рана спадзивалася
На таго силязеньку, на касатаго,
Ой рана, рана, на касатаго,—
Силязеничка, ни пакивь мянѣ.
Уси дзѣвачки зъ застольляйка идуць,
Ой рана, рана зъ застольляйка идуць,
Адна дзѣвачка засталася,
Ой рана, рана, засталася.
На каго яна спадзивалася?
Ой рана рана спадзивалася
На таго дзяцинку, на маладога—
Ой рана, рана на маладога,—
Ты, дзяциначка, ни пакинь мянѣ,
Ой рана, рана ни пакинь мянѣ.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 38-лѣт. жен., въ 1895 г.).

Палягла яра пшаница па пяску,
Павиуся хмѣль по ляску.
Признайся, дзѣвачка, хто табѣ милъ будзя,
Хто у цябѣ милюсенькій?
Милъ жа мнѣ, дзѣвички,
Мой родный бацюшка.
Ни праўда, дзѣвачка,
Ни прауда, душачка,
Ни праудачку кажишъ
Ня вѣрная слоуцо.
Милъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Да мой родный брахнейка,
Ни прауда, дзѣвачка,
Ни прауда душачка
Ни прауду кажышъ.
Милъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Маладый Андрэячка.
— Прауду, дзѣвачка,
Прауду, душачка,
Праудачку кажышъ,
Вѣрная слова.

(с. Новоселки, Стародубскаго у., со сл. 20-лѣт. дѣвки, въ 1897 г.).

Якъ табѣ, мѣсячку,
И зъ зарёй разайцицца?
— А я пайду па забблаччу,
Съ туманамъ абнимуся,
Дожджыкамъ абальюся,
И за гарою разыйдуся.
Якъ табѣ, дзѣвачка,
Якъ табѣ, красная,
Съ падружкамы разайцицца?
А я пайду па застольляйку
Слёзкамы абольлюся,
Зъ дзѣвачкамы разыйдуся.

(с. Новоселки, отъ той же).

Но вотъ солнце уже закатилось, огни давно зажжены. Послѣдніе часы подъ батьковымъ кровомъ идутъ для молодой быстро. Прощальный вечеръ съ подругами близится къ концу.

Слышится издали топотъ коней, скрипъ саней или колесъ: ѣдутъ поѣзжане забирать молодую. Развеселыя, подпившія свашки поютъ пѣсни:

Атдайця намъ дзѣуку,
Атдайця й пасцельку,
Навалочки у кружки,
Дзярюги [1]) у ряды.

[1]) покрывало, замѣняющее одѣяло.

А мы Марьяццы рады,
Атдайця намъ рядно,
Яна у мамачки адна,
Штобъ ноги ни тарчали
Сабаки ни гирчали,
Людзи ни варчали,
Трясца маццы у пятки,
Што-й некому падмесць хатки.

(д. Яблонка, Мглин. уѣзда, отъ 65-лѣт. женщ., въ 1890 году).

Ня дзивицьесь, прыданки,
Што каротки падарки,
Ляны ни урадзили,
Падарки укарацили.

(Заучено мною въ 1859 г. на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Заслышавши скрипъ воротъ и пѣсни, дѣвки за столомъ въ свою очередь поютъ:

Пріѣхала Литва,
Будзя у насъ битва,
Будзимъ ваеваци,
Ховрачку ни атдаваци.

(д. Лупеки, Стародуб. у., со сл. 35-лѣт. жен., въ 1891 г.).

Если Литва, въ лицѣ свашекъ мирнаго характера, то она вѣжливенько приглашаетъ дѣвокъ удалиться:

Дзѣвачки панянки,
Уважъця намъ лауки.

Дѣвки отвѣчаютъ:

А вы, свашки гаспада,
Пожалуйця вы сюда.

Если жъ свашки съ задоромъ, то поютъ:

Дзѣвочки зъ застолья,
Якъ сучки съ падполья.

На это дѣвки, не вставая изъ-за стола, отвѣчаютъ:

Торна сцьежка, торна
Атъ стала да припячку
Свашки утаптали
Памыйи хлибали [1]).

(д. Лупеки, Starод. у., отъ той же).

Между тѣмъ, по обѣ стороны молодой сидятъ ея родичи, и потому дружко покупаетъ мѣсто возлѣ нея для молодого. Съ него запрашиваютъ 100 рублей и вскорѣ переходятъ на копѣйки съ придачей чарочки на традиціонной тарелочкѣ. Тогда дѣвки встаютъ изъ-за стола, и дружко въ награду за уступку молодой, раздаетъ имъ каждой по ленточкѣ, между тѣмъ, какъ они поютъ:

Ци я у цябѣ, мамачка, ня дзицятка,
Што ты мянѣ у йету ночь
Атсылаишъ прочъ,
Свѣчачки у руки ни дайешъ
И праваднічка у слѣдъ ня шлешъ.
Вотъ табѣ свѣчачка—мѣсячка,
Вотъ табѣ праваднікъ Хведарка.

(Отъ той же д. Лупеки).

---

[1]) Хлебали.

Дѣвки уходятъ изъ хаты, а свашки поютъ:

Ужо кони запрѐжаны.
Ужо вазы завернуты.
Насцелька паслàна.
За мной маладой прислана.

(Отъ той же д. Лупеки).

Шаўковая нитачка къ сцѣни льне,
Просичка татухни чаломъ бье.
Добрà ночь, татачка, добрà ночъ,
Нашто атдаў дочку ни на ночъ,
Ни на адну ночку—на увесь вѣкъ?
Ни адну цябѣ маладу,
А усихъ дзѣвачакъ, што у раду.

(Отъ той же д. Лупеки).

Выгрябай, матка, жаръ, жаръ,
Кали табѣ дачки жаль, жаль.
Закидай матка дровы,
Аставайцесь здарòвы.

(Заучено на свадьбахъ мною въ 1858 году).

Маладую уже одѣваютъ въ путь, дружко «падпирязывая яйе поясамъ».
Родители берутъ образа, при пѣніи:

Ни стой, татачка, у парози,
Ужо твая госцейка у дорòзи,
Приступись къ столику близинька,
Пакланюсь я табѣ нізинька,
Коскамы зямельку усцялю,
Слёзкамы ножачки абалью.

Слѣдуетъ благословеніе и неминуемый плачъ. Молодые уходятъ съ образами въ рукахъ, за ними поѣзжане съ пѣснями.

Азирнися, мацп,
Ци уся симья у хаци.
Вялика щарбина.
Нема симъянина.

Въ это время на возъ кладутъ перину, подушки, садятъ на нихъ молодыхъ, даютъ имъ въ руки хлѣбъ-соль, образа, а на голову набрасываютъ бѣлую скатерть.

Поѣздъ двинется съ пѣснями, музыка и «подорожная» здѣсь же въ запасѣ, на случай кто встрѣтится и потребуетъ свадебнаго угощенія.

Но въ этомъ поѣздѣ такой обычай не всегда выполняется; встрѣчающійся прежде всего смотритъ, въ какомъ состояніи дружкѝ. «Кали дружки пьяны, луччей ни чапай (не трогай) ихъ, ни дадуць канальи гарэлки, усю самы парасиивали у дарози, и аттаго што пьяному законъ ня писанъ, а то яще якой у хмелю, чаго добраго вылаицца, вѣдама, что у тверёзаго на вумѣ—у пьянаго на языцѣ.

Въ поѣздѣ поютъ:

Та-ра-рай, калески, та-ра-рай,
Павязли Тацянку съ пекла ў рай:
Тамъ живуць людзи чужыя.
Тамъ ядуць хлѣбы пушныя [1])

(Заучено на свадьбахъ въ 1866 году).

Въ этомъ припѣвѣ слышна насмѣшка: хорошъ молъ рай, гдѣ ѣдятъ хлѣбъ подобнаго качества.

Вообще при этомъ поѣздѣ всѣ припѣвы шуточные, такъ какъ поѣзжане «навеселѣ». Иногда поддразниваютъ молодую такимъ образомъ:

Стукнули, грюкнули на дварѣ,
Подзивись, мамухна, ци ни памянѣ.
Гатўй, мамухна, кўбло мнѣ.
Ѣдзь, мая дачушка, безъ кубла.
Чаму ты мычачки ня скубла.

(Заучено мною въ 1858 г. на свадьб. въ с. Росухѣ).

[1]) Съ примѣсью мякины, макухи и проч.

Пастойця, кони,
У чистамъ поли,
Пастойця!
Забыла маци
Пярыну даци
Пастойця!
Ни такъ забыла,
Якъ ни зрабила,
Пастойця!

(Заучено мною на свадьбахъ въ 1859 году въ с. Росухѣ).

У поли, у поли лащинка,
Нема у Лукирки пасцилки,
У поли, у поли калюжки,
Нема у дзѣвачки дзярюжки,
Йосць идзѣ паварнуцца,
Да нечымъ напрянуцца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, со сл. 60-лѣтн. стар. въ 1891 году).

Ни лякацъ было на печки,
Ня дрыгацъ было нагамы,
А шаваляцъ мычку рукамы [1],
Я была адну надзѣла,
Рыбяты прышли хвалили
Да тую мычку спалили.

(Отъ той же, въ д. Яблонкѣ въ 1891 году).

А мы ѣдзимъ борамъ,
Жоутыми пясками,
Цемнымы лясками,
Мѣсяцъ дарожку асвяцйу,
Брацецъ сястрицу правадзиу—
Ѣдзь, мая сястрица, здарова,
Вялика твая дарога,
Твая дарожка шырока
Атъ бацьки—матки далеко.

(Отъ той же, въ 1896 году).

Подъѣзжая ко двору свекра поютъ:

Атчыни, мамачка, бацькоу дворъ,
Прiѣхау къ табѣ сынъ на дворъ,
Да ни съ сянною капою,
Да зъ маладою жаною,
Съ твайой вѣрнай слугою.

(Заучено мною на свадьб. въ с. Росухѣ въ 1861 г.).

Выйдзи, мамухна, цалядзи [2])
Да што мы табѣ привязли.
Привязли мы табѣ
Скрыню—пярину
Й маладую княгиню.
Вотъ табѣ, мамачка, служачка,
А мнѣ маладцу—дружачка.

(Заучено мною тамъ же въ 1861 году).

Свекоръ и свекруха съ хлѣбомъ выходятъ встрѣчать новобрачныхъ къ самому возу. Тѣ съ своей стороны также подаютъ имъ хлѣбъ и, слѣзши съ телѣги—«кўлемъ» въ ноги съ поклономъ—сынъ матери, невѣстка свекру.

Затѣмъ имъ подносятъ по рюмкѣ водки, которую пригубивши каждый выливаетъ черезъ свое плечо и голову назадъ. Дѣлается это для того, чтобы все худое осталось позади.

Мать жениха ведетъ ихъ прямо въ клѣть (холодный амбаръ), не смотря ни на какiе морозы. Вотъ почему перины и разныя дерюги считаются самымъ важнымъ и необходимымъ приданымъ.

Бояре же входятъ въ хату, и начинается «гульня», музыка, пѣсни, танцы. У каждаго изъ взрослыхъ членовъ семьи въ рукахъ пляшка съ горѣлкой, и гостей не перестаютъ обносить круговой чаркой и поютъ пѣсни.

---

[1]) Прясть ленъ. [2]) погляди.

Выхваляляся калина
Свайимъ лугамъ шырокимъ:
Нихто мяне ня выламая
У кусцику зялёнамъ.
Абабраўся марозъ—
Ня выхваляйся калина,
Я цябѣ выламаю,
Изъ луга широкаго,
Изъ кусцика зялёнаго.

Выхвалялась Марынка—
Нихто мяне не высватая
У бацюшки у багатаго.
Абабрауся Иваничка—
Ни хвалися Марынка,
Я цябѣ высватаю
У бацюшки, у багатаго,
Изъ рода вяликаго.

Если молодая до замужества не потеряла своей невинности, то свашки торжественно садятъ ее на хлѣбную дежку, заплетаютъ косы, надѣваютъ новойникъ, повязываютъ голову платкомъ и вводятъ въ хату съ припѣвомъ.

А спасиба, свацьцяйка, за дачкў.
Што вадзйу дачку у хвартучкў
За шаўковымы шнуркамы.
За залатымы замкамы.

Этотъ безцеремонный варварскій обычай существуетъ и понынѣ. Кромѣ того свашки неминуемо срамятъ молодую, не сохранившую своего дѣвства, разными припѣвами; напримѣръ:

Падъ ёлкай спала,
Ня дзѣукай устала,
Зъ гары скацилася,
На сукъ прабилася.
Ня жджы, свекарька, калины
Гатуй кабана на кссцины [1]).
Ня цвила калина абъ Пятрѣ,
Зацвила калина абъ Раждвѣ [2]),
Падъ той калиняй
Варачка сядзѣла,
Ножкамы калинку задзѣла,
Ручкамы ягадки щипала;
У галоуки клала бѣлый цвѣтъ,
А у ножки клала чырвоный.
А на яйе калинка капнула,
На Варачку ўся радзинка глянула,
А учора была, якъ рожа цвила,
А сяньни [4]) стала якъ рыба зьвяла,
Якаво табѣ, Варачка, цяперя,
Што чужая радзина абсѣла,
Зъ лѣваго боку баяры,
Съ праваго боку Андрэйка.

(См. Шейнъ т. I, ч. II, ст. 29, № 33, съ 10 строчки).

Припѣвовъ на эту тему масса, но всѣ они настолько не цензурны, что трезвый не рѣшается даже ихъ повторить и отзывается о нихъ такъ:

А свашки вярзуць што папало.

Затѣмъ къ полуночи или предъ разсвѣтомъ (смотря по разстоянію пути) пріѣзжаютъ «придани» т. е. присланные гости изъ дома невѣсты.

Они привозятъ съ собою «скрыню», т. е. сундукъ съ приданымъ.

Въ дорогѣ придани поютъ:

Свѣця мѣсяцъ надъ зарёю
Раннымъ рано, ранюсинька,
Брацецъ ѣдзя за сястрою
Ранымъ рана, ранюсинька,
Пастой, сястра,
Ключи зьвязла
Ранымъ рано, ранюсинька.
А я у цябѣ, брахнійка [3])
Ня клюшница,
Йосць у цябѣ
Жана у дварѣ
Вярнѣй мянѣ.

Передъ воротами поютъ:

Мы свата ни знали,
Намъ людзи сказали,
У воротахъ ялина [4]),
Сяредъ двара чырвона калина,

[1]) крестьбины, крестины. [2]) Рожество. [3]) братецъ. [4]) ёлка.

Падъ той, падъ калѝначкай,
Маладая княгиня,
Пусци свацьцяйка у хату̀
Хоць за печкаю пасядзѣць
Да на нашу Варечку
Паглядзѣць.

Выйдзи, Дарьячка, къ намъ у дворъ
Сабрауся сюды увесь твой родъ,
Вынаси калиначку,
Висяли радзиначку.
Вынаси чырванѣйшую
Висяли радвѣйшую.
Чыя жъ йета да баярыня,
Па двару хадзила?
Андрэйкава Даръячка
Па двару хадзила,
Сукнамы чырвоными
Увесь дворъ урядзила.
Выйдзи, выйдзи, Даръячка
Княгиня!..

Тогда уже роль свашекъ оканчивается, всѣ гости молодого расходятся по домамъ и начинаютъ «гуляцъ придани». Гульня и выпивка продолжаются всю ночь до разсвѣта.

Если плохое угощенiе, то придани поютъ:

У нашаго свата
Вярбовая хата,
Усе зь вярбы, зъ бярёзы,
Прыдани цвярёзы.

Если много водки и мало закуски, поютъ:

Сватъ добрый—свацця скупа̀я,
Гарэлки багато, закуски нима̀ешъ [1])
или:
У на̀шаго свата
Усяго багата,
Куря̀цины, гуся̀цины
Жареныя парася̀цины.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда, со сл. 23-лѣтн. женщ.).

На ряцѣ ву̀тка кря̀ча
Марынкина маци плача,
Кахала, лялѣйила
Да нѐкаго пабуджаци (будить)
Нѐкаго пасыла̀ци.
На ряцѣ вутка сакоча,
Андрэйкина маци хахо̀ча,
Ни кахала, ни кукды̀ила
Йосць каго̀ пасылаци,
Йосць каго пабуджаци.

(д. Лупеки, Стародуб. у., отъ 35-лѣтн. женщ. въ 1899 г.).

Марьячка у бацюшки
Нѣжная была̀,
Ня ѣла хлѣба, а усё пираги
Ня пила вады̀, а усё мяцы.
У лютаго свекра
Зь лёдамъ вады̀ напъецца,
Пушнога хлѣба наѣсцца,
Да на вѣничку выспицца.

(д. Яблонка, Мглинскаго уѣзда, отъ 58-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Передъ выѣздомъ домой прыдани поютъ:

Прыда̀нячки да дамо̀у ѣдуць,
Тацяночку тутъ пакидаюць,
Грышачцы да прика̀зуюць:
Ня би яйе да дубцомъ,
Пакара̀й до̀брымъ слау̀цомъ
Да ня би яйе дубинаю,
Штобъ была гаспадыняю.

(Отъ той же въ д. Яблонкѣ въ 1899 г.).

На другой день молодая развѣшиваетъ свои рушники на иконы, подноситъ свекрови, кланяясь въ ноги, подарокъ и мететъ хату, какъ бы въ знакъ того, что она уже съ этого дня становится соучастницей и помощницей въ хозяйствѣ.

«Весельля» продолжается и на другой день. Какъ же иначе! Пивши сутки «треба пахмѣлицца, а то на живацѣ ня здрава».

Поэтому, чтобы была заценка для выпивки, придумали еще нѣсколько обрядовъ; такъ говяютъ молодыхъ къ водѣ, дѣлятъ коровай. Они сами сознаютъ, что всѣ эти «бабскія прихамети [1]) выдуманы для приклики [2]), чтобъ гарэлку пиць». Но тѣмъ не менѣе утромъ сзываютъ опять всѣхъ бояръ, т.-е. свободныхъ званныхъ гостей.

Вотъ къ колодцу двинется цѣлая процессія съ пѣніемъ: впереди молодыя съ ведрами на плечахъ, за ними дружкò съ высокимъ шестомъ, обмотаннымъ краснымъ поясомъ (вмѣсто флага) поютъ:

Што—й у виннамъ [3]) у калодязю
Лукирачка да ваду̀ брала,
У свой край заглядала:
Ци ня идзе да мой татухна,
Ци ни вязе мнѣ падарачка
Салодкаго да напряничка?
Ни рада жъ я да падàрачку,
А рада жъ я свайму татачку.

(Заучено мною въ 1861 г., на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Въ колодцѣ дружко набираетъ ведра воды, молодые накланяются передъ нимъ, а онъ выливаетъ воду черезъ ихъ головы.

Кромѣ того: къ количеству выпитой на свадьбѣ водки прибавляется еще угощеніе на банкетахъ: на слѣдующій день идутъ съ «верчамъ къ хрёстнаму бацьцы и маццы», на 3-й день зазываетъ къ себѣ дружко и затѣмъ по очереди всѣ свашки. Здѣсь уже свести итоги выпитому трудно. Наконецъ уже и сами начинаютъ сознавать, что пора кончить. Это видно изъ припѣва:

А да дòму свацця̀ да дому,
Да паѣли кони салому,
Саломки жменька—капѣйка,
Лусяный снапокъ—питачокъ.

(Заучено въ 1861 г. мною на свадьбахъ въ с. Росухѣ).

Послѣдніе годы эти обряды и банкеты начинаютъ сокращаться, и крестьянинъ съ сожалѣніемъ говоритъ: минаицца ужо прежнее, цяперь у иншихъ и да вады ни ганяюць маладыхъ и уся гульня «абыдзень» [4]) канчаицца, а усе àттаго што вышли йета винапольля и гарэлка уздаражала».

Ксцины.

(Крестины).

Въ наше еще недавнее время, когда въ деревенской глуши о медицинскомъ пособіи и помину не было, среди крестьянъ большимъ почетомъ пользовалась «бабуля», т.-е. повивальная бабка.

Это не та баба шепотуха отъ Св. Духа, которая «съ тыхъ поръ варажыць стала, якъ хлѣба ни стала», нѣтъ это человѣкъ всѣми уважаемый, единственный, на все село, живущій «съ дастаткамъ у свайомъ дабрѣ», своимъ хозяйствомъ и готовый помогать болящимъ безкорыстно, чѣмъ можетъ.

Разбудите ее ночью, въ проливной дождь, вьюгу, мятель—отказать въ этомъ случаѣ она считаетъ для себя тяжкимъ грѣхомъ.

Платы ей за это «ни якай ня треба» потому что брацъ грошы за пòмачъ чаловѣку—грѣхъ». Просятъ ее и не для однихъ спеціально родовъ, но «завьѐ усякій, каму приключицца якòя лиха».

Нельзя утверждать, чтобы подобныя бабки были безусловно чужды суевѣрію и нѣкоторыхъ предразсудковъ, но тѣмъ не менѣе онѣ слу̀жили да и теперь еще служатъ безпомощному крестьянину большимъ утѣшеніемъ и приносятъ въ иныхъ случаяхъ пользу уже потому, что это нѣкотораго рода массажистки, исполняющія свою

---

[1]) предразсудки. [2]) предлоги. [3]) винный—возлѣ винокурни. [4]) въ одинъ день. Срв. «обыденка»—церковь, построенная въ одинъ день.

обязанность съ глубокою вѣрою въ успѣхъ. Начинаетъ она свое врачеванiе большею частью «наща [1]) серца», положивши прежде всего три земныхъ поклона. «Богъ съ пôмаччу и бабка зъ рукамы» говорятъ онѣ сами про себя, растирая въ банѣ горячимъ вѣникомъ больную спину, напр., снизу вверхъ, приговаривая: «во якъ штобъ худая кроў раходзилась и надымалась зъ долу у гôру».

Правда, она въ это время хотя и шепчетъ что-то про себя, но это ничего больше, какъ молитвы: Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю, Отче нашъ, Царю небесный и т. п.

Посмотрите на ея добродушное лицо, когда она, послѣ сеанса, съ веселой улыбкой, какъ гипнотизируя, заключаетъ, «ну скачи здорово, зъ гуся водà, съ Таньки худабà, да ни кряктаць [2]) у мянѣ болшъ, а то часамъ и поддамъ, я баба сярдитая». Какъ ни возмутителенъ обычный способъ вылизыванья языкомъ соринки изъ глаза» но обстановка и нужда въ неотложной помощи нѣсколько смягчаютъ вину невѣжественнаго оператора.

Заведутся ли жаркой порой у скотины черви,—есть у бабки въ лѣсу травка, изъ которой она выжимаетъ сокъ, мажетъ больное мѣсто, и скотина выздоравливаетъ.

Относительно вспомоществованiя при неправильныхъ родахъ можно судить по разсказамъ самой повитухи. «Охъ! настраждалася Кулина Артюшиха за первымъ хлопчикомъ, йонъ у яйе ручкай ишоў, ну кажнинный разъ ужо и направляешъ ручачку, къ адной старонцы, пакуль дзиця на мѣсци станя. Крѣпка трудзилась бѣдниинькая, а усё-жъ слава Богу къ вечару Господь аслабаниу, Царица нябесная...

Отношенiе между бабкою и ея пацiентами самыя прiязненныя, дружескiя на всю жизнь. «Перябабиушы сабѣ унука або унучку»—бабка не покидаетъ родильницу и время отъ времени приноситъ ей на «поправку» какiя нибудь вкусныя кушанья.

Въ день крестинъ приноситъ 3—4 лепешки хлѣба, булку и горшокъ каши.

Когда кумовья привезли уже отъ креста ребенка, и званые гости собрались въ хату, «парадиха» подноситъ бабкѣ подарокъ и, кланяясь въ ноги, говоритъ:

«Прасцицня мянѣ, бабусичка, ня гнѣвайцясь на мянѣ, спасиба вамъ за вашу працу, што ни нагребавали [3]) мною. «Бабка въ это время набираетъ въ ротъ водки и брызгаетъ на нее, «штобъ суроцы ня брали» (т. е. отъ дурного глаза и языка).

Изъ пѣсенъ, которыя поютъ на «ксцинахъ, видно, что бабка пользуется бôльшимъ почетомъ и вниманiемъ, чѣмъ кумовья.

То—й ня стукъ стучыць,
То—й—ня грюкъ грючыць
По сѣнячкамъ, да па новинькимъ,
То Кирилка идзець да бабусячки.
А бабусичка дагадалася
Паскарюсиньку убиралася
У адномъ чôбаци,
Да—й бизъ пояса,
У рукахъ нясець да пялёначки.
Идучи, яна Богу молицца:
Апрастай, Божа, да двухъ душачакъ
Первую—нараждзёную,
А другую—хрящёную,
А Кирилячка да бабусю прося—
Дамъ табѣ мая Иванауна,
Чвертояку проса,
Дзяржы маго хрисцинaчку
За бѣлыя ручачки,
Ни задавай йой, бабусичка,
Вялiкiя мўчачки,
Дамъ табѣ я чвертачку грэчки,
Падзяржы Хрисцинaчку
Падъ бѣлыя плечки.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 65-лѣтн. женщины, въ 1897 году).

Слѣдующую пѣсню можно считать за милую шутку, что для такой дорогой гости припасенъ одинъ воробей на угощенiе.

Якъ пайдў я на гумёнца [4])
Улаулю я вирябейку;
Я згатую [5]) яго
Дли бабусички свайой.
Раскладу я вирябейку,
На двѣнадцать страу [6]).

[1]) но тощахъ. [2]) кряхтели. [3]) пренебрегли. [4]) гумно или сарай, гдѣ складываютъ не молотую рожь. [5]) приготовлю. [6]) строва—кушанье, блюдо.

Ѣжъ, мая бабуся, ни заласуйся
И у дворъ ни запасуйся
И у рукȁу ни кладзи
И дзицямъ ни няси.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Литȁу вирябей,
Да па макȁукамъ,
Увесь макъ пазыбау [1])
Увесь чырвȍный пазыбау,
Пасадзиў Гринячка
Бабусичку на куцѣ,
Увесь парядачакъ дȁу,
Пи, мая Иванаўна,
Вино зилянȍя
Сягȍлѣта у мянѣ,
А на лѣта у цябѣ.

(Въ 1897 г. отъ той же).

Запряжыця, запряжыця
Да двананцаць валȍу,
Атвязиця, атвязиця
Да бабусичку дамȍу.
Пѣшки прышла, да ня пѣшки пайду.
Валы няйдуць—упинȁюцца,
Нехай же наша бабуся нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Каня варанȍга
Атвязиця, атвязиця
Кўма маладȍга.
Конь ня-йдзе, конь иржѐ,—упинайицца,
Нехай нашъ кумочьекъ нагуляйицца.
Запряжыця, запряжыця
Кабылу гнядую,
Атвязиця, атвязиця
Куму маладую,
Кабыла ня-йдзець, усе брикайицца
Нехай наша кумачка нагуляйицца.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, отъ 60-лѣтн. женщины, въ 1899 году).
(См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. 1, стр. 27, № 18).

Ѣхау кумъ сы кумȍю
Сы куминаго двара,
Залатая карета
Сиребрȁная дуга.
А ты кумъ ни ляжы,
Падвяжы кумѣ гужы [1]).

(Въ 1859 г. заучено со словь 18-лѣтн. дѣвочки)!

Ни пасмѣю у бабусячки папытаци.
Ци тутъ будзя начаваци,
Ци да дому паѣдзя?
Кали будзишъ начаваци,
Вялю пасцылячку слаци,
Вялю бѣленькаю,
Вялю тȁненькаю.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, отъ 65-лѣтн. женщ., въ 1897 г.).

Ой дымна, дымна у сȁдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ,
У нашаго Иванички
Да трȍя варȍтъ па дворѣ:
У первыя варȍцячки
Да сакȍлъ вылятȁу.
Ой дымна, дымна у сȁдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.
У другія вароцячки
Иваничка выѣжджȁу.
Ой дымна, дымна...
А у трецьція варȍцячки
Да чалȁдачка бяжыць.
Ой дымна, дымна ..
Вярнись, вярнись, дзяцйначка,
Ты назадъ.
Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ сына радзила.
Ой дымна, дымна...
— Я дли сына у дворъ ни вярнуся
Сынъ у мянѣ—хазяинъ у дварѣ.
Ой дымна, дымна...
Вярнись, вярнись,
Дзяцинaчка, ты назадъ
Ой дымна, дымна...
Твайя жана табѣ дачкў радзила.
Ой дымна, дымна...
Я дли дачкй у дворъ вярнуся
Дачкȁ у мянѣ—госцейка у дварѣ.
Ой дымна, дымна у сȁдзи,
Ой дымна, дымна у зялёнамъ.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 78-лѣтн. стар., въ 1897 году).

[1]) sic, н ц вм. д с.

Што—й у нашего Мишачки
Да рублёная [1]) клѣць
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Што—й у той-жа да клѣцячки
Цясовая караватачка
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа караватацы
Пухавая да пасцьелечка
Пазавѣшана каурамы,
Да да самыя зямли.
Што—й на той жа пасцьелянцы
Тамь ляжиць парадзильница
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зёмли.
Што—й дли [2]) тыя парадзильницы
Да сядзѣла да бабусинька
Пазавѣшана каурамы
Да да самыя зямли.
Ни пуская йена Мишачку
Да свайой Пятроувы.
Якъ выйдзя йой три нядзѣли,
Сама сядзя падъ кудзелю [3]),
А кали йой шесць нядзѣль выдзя,
Тады йяна и сама прыдзя.

(Отъ той же, въ 1897 году).

Што—й у нашаго Иванички
Винаградъ зяленый на дварѣ,
У нашаго у Микалаевича
Да вино на сталѣ,
Зилянойя на сталѣ,
Сабрау йонъ пиръ бясѣду
Да ня людзямъ, сабѣ,
Пасадзну бабусичку на куцѣ,
Старенькую на куцѣ—
Гуляй, гуляй, бабусинька,
Ты сягодня у менѣ,—
Будзимъ пиць,
Будзимъ гуляць у мянѣ,
А на лѣта бабусичка у цябѣ.

На масляницы.

Въ концѣ Рождественскаго мясоѣда на всеядной недѣлѣ, кто не вышелъ замужъ, того «дражнюць» пѣсней:

Кала тыну хмѣль павивайицца,
Иванъ свайой дачкой набивайицца—
Вазьми, Ярохъ, майю дачку Марыначку,
Дамъ табѣ вѣна
Дзвѣ капы сѣна,
Люльку—й—чубукъ
И пяцера сабакъ,
Рѣшата бобу зъ дачкою
И Богъ съ табою.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со словъ 30 лѣтн. дѣвицы, записано въ 1896 г.).
См. Шейнъ бѣл. пѣс. т. I, ч. 1, стр. 549, № 688.

Брязнули ложки у века [4])
Пашли наши дзѣуки у лѣта,
Маслинка, бѣла вутка [5]),
Казала вясна: «буду да ня хутка,
Маслинка, пализуха,
Працягнися [6]), маслинка,
Хаць да Духа.

(Отъ той же въ 1896 г.).

На маслянку подпившія бабы ходятъ привязывать колодки тѣмъ, кто не успѣлъ, въ этотъ мясоѣдъ выйти замужъ или жениться. Виновный долженъ откупаться или горѣлкой или деньгами.

---

[1]) Во многихъ пѣсняхъ упоминается рубленая хата, рубленая клѣть. Можетъ быть пѣсни эти относятся къ тѣмъ временамъ, когда большею частью жили въ шалашахъ и плотничное искусство только начиналось. [2]) Возлѣ. [3]) Сидѣть прясть. [4]) Крышка отъ дежки. [5]) Утка. [6]) Продлися, протянися.

Здѣсь масляницу проводятъ болѣе скромно, чѣмъ въ сѣверной Россіи: зимой крестьянскія клячи по случаю плохихъ кормовъ бываютъ подъ часъ такъ занужены, что катанье никому и на умъ не йдетъ.

Одни только зятья съ жонками обязательно на этой недѣлѣ ѣдутъ въ гости «пкъ сцю» (т. е. тестю).

На видъ отношенія между маткой и дочкой кажутся равнодушными, но на дѣлѣ онѣ питаютъ другъ къ другу самыя нѣжныя чувства. Особенно если дочь выдана замужъ, тогда ея привязанность къ родителямъ удвоивается: она положительно мечтаетъ о свиданіи съ родителями и ждетъ не дождется «маслянки».

Вотъ потянулись «съ панядзѣлка» по просёлкамъ саночки одноконныя съ привязанной сзади спинкой, въ видѣ рѣшоточки. Это ѣдутъ съ своими мужьями «наши дачўшачки у свой родный дворъ, до свайгò рòднаго татухны.

Дауно я, даўно у татухны была
И сцьежачки и дарожачкя
Мўрамъ зарасли
Калиною чырвòною,
А я-жъ тыя дарожачки пратапчў,
Чырвону калину паламаю,
Я й у свайго татўсячки пабываю.

(д. Жигалки, Стародуб. уѣзд., отъ 17 лѣтн. дѣвушки въ 1898 г.).

Дачкà матку праспла—
Матачка майя, я нѣга твайя
Ни—ддавай ты мянѣ
Далёка атъ сябѣ,
Аддай мянѣ у свайомъ сялѣ,
Близка дли сябѣ.
Тирязъ тры двары шырокія,
Тарязъ тры сады зилянўя.
Будуць мянѣ биць—ты пачўйишъ,
Ты, майя мамачка,
Мянѣ парятўйишъ.
Аддала ты мянѣ
Далёка атъ сябѣ
Тирязъ тры лясы—усё цёмныя,
Тирязъ тры гары—усё крутыя,
Тирязъ тры ряки—усё глыбокія.
Будуць мянѣ биць—ни пачуйишъ
И ты, майя мамачка, ни парятуйишъ,
А я къ табѣ, мамачка, ни прыду,
Тирязъ лѣсъ буду йцыць, заблужуся,
Па рицѣ буду плысць—затаплюся,
На гару буду йцыць—ни узыду,
Я къ табѣ, майя матусичка, ни прыду.
Дзицятка майо! тирязъ лѣсъ будзишъ ицыць,
Праваднячка вазьми,
Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи,
На гарў будзишъ ицыць—
Цопочыкъ вазьми,
Ты, майя дачушачка, ка мнѣ прыдзи.

(Отъ той же, въ 1898 г.).

Хотя маслянка и названа «нализухой, но на самомъ дѣлѣ въ эти дни у крестьянъ большое сухоѣденіе: бабы жалуются, что нечѣмъ «стравы заправляць», саломъ—грѣхъ, молока и масла не имѣется, потому что захудалыя коровёнки еще не отелились. Одно только и берегутъ они къ маслянкѣ—это собранный лѣтомъ сухой соленый творогъ, который, разбалтывая,—кладутъ въ борщъ, въ жидкую кашу, въ бульбу и во всѣ прочія кушанья. У кого нѣтъ этого творога, тѣ заправляютъ алѣемъ, т. е. копоплянымъ масломъ. Но у большинства нѣтъ уже къ масляной ни того, ни другого, а потому варятъ «нищимницу», которая на взглядъ нашего крестьянина вовсе не недостатокъ. Онъ ѣстъ ее приговаривая, «и за то спасибо Богу, абы хлѣбъ быу, а якъ хлѣбушка нема, во идзѣ горя».

Изъ боязни остаться къ веснѣ безъ хлѣба, они съ осени продаютъ, какъ излишнюю роскошь, продукты, могущіе служить приправой къ кушанью, и взамѣнъ ихъ покупаютъ себѣ желаннаго хлѣбца. Безъ него только ему жизнь страшна.

Выбьетъ ли конопляное масло,—на домашній расходъ оставляетъ весьма ничтожное количество; соберетъ ли баба грибовъ, фунтика три масла коровьяго,—«якая жъ зъ яго наѣдка; скарѣй треба прадаць, да хлѣбушка купиць, йонъ зъ восяни дзяшеушы». Зиму и осень нашъ полѣсюкъ питается еще сравнительно сносно, но весной и лѣтомъ очень скудно, оттого и выходитъ: «якая ѣда, такая и работа».

Посмотришь на него, идетъ онъ, какъ «пень черезъ колоду». Наймется ли на

подёнщину—«наглядая якъ волъ изъ надъ дуги», да и «у свайомъ дварѣ робя спаквали [1]), дзѣла ни воукъ, у лѣсъ ня уцяке»; а между тѣмъ «туды никъ, сюды никъ и дзень ни вяликъ».

Мартъ.

«Якъ нѐбудзь скаратали зиму—вясна на дварѣ, стала па трохи и соньняйка пригрявацъ».

Вотъ и великій постъ. Еженедѣльно народъ валитъ въ церковь, чтобы на первыхъ недѣляхъ поста «атгавицца, пакуль ни распусцила».

Въ перемежку съ оттепелью, въ Мартѣ мѣсяцѣ бываютъ еще морозы, которые такъ сильно скрѣпляютъ снѣгъ, что по поверхности высокихъ сугробовъ можно не только ходить безъ лыжъ, но и ѣздить на лошадяхъ. Это называется «серёнъ». По серёну спѣшатъ перевозить изъ лѣсу бревна и проч. матеріалъ, на прямікъ, безъ всякихъ дорогъ. Во время серёновъ течетъ кленовикъ, т. е. сладкій сокъ изъ кленовыхъ деревьевъ, а немного позднѣе «берёзовикъ». Въ это время селяне подъ березами и кленами разставляютъ чистенькія корытца, а березы и клены просверливаютъ, вставляютъ туда пучекъ соломы, по которой и сбѣгаетъ сокъ въ корытцо капля за каплей. Затѣмъ, когда корытцы наполняются, березовикъ носятъ ведрами въ погреба, выливаютъ въ припасенную заранѣе бочку,—заправляютъ, и чрезъ нѣсколько времени получается квасъ—великое подспорье весной, когда уже капуста и прочее варево съѣдено.

1 Марта—Евдокіи; празднуютъ, не прядутъ.

9-го Марта.—«Сбраки» т. е. сорокъ мучениковъ. Прилетаютъ жаворонки съ теплыхъ странъ. Крестьяне пекутъ сорокъ галушекъ изъ разнаго тѣста, сами ѣдятъ и скоту даютъ: «такъ гадицца [2]), говорятъ они; 17-го празднуютъ Алексѣя человѣка Божія—«Щука ледъ разбивая».

25-го Марта «благавѣщаньня, балшый и радасный празникъ, пцица гнязда ня уйѐ».

Весь постъ грѣхъ пѣть. Только 25-го Марта священникъ разрѣшаетъ водить хороводы и пѣть.

Въ селахъ и на поляхъ еще кое-гдѣ бѣлѣется снѣгъ, а въ Росухѣ на Ласой Горѣ, въ березничку уже сухо. Тамъ между поблекшей прошлогодней травкой, кое гдѣ выглядываютъ молодые зеленые листочки и тутъ же подъ кустомъ орѣшника, начинаетъ пробиваться подснѣжникъ.

Рада молодежь, что почувствовала подъ ногами пригрѣтую солнцемъ земельку вмѣсто «абрыдлаго снѣгу».

Баслави, Божа,
Пѣсни зачынаци,
Вясну—красну гукàци.
Вясна красна,
Што ты намъ вынясла
Вынясла карабѐнь яйецъ
Дробнымъ дзѣтачкамъ на забаву
И рыбятачкамъ на пацѣху.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1895 г.).

Само собою разумѣется, что выбравшись изъ душной хаты на зеленѣющую горку, молодежи хочется рѣзвиться и двигаться, а потому всѣ весеннія пѣсни сопровождаются хороводами, танцами и играми.

— «Ну-ця, тàйячки [1]), у луку гуляцъ», кричитъ которая нибудь изъ нихъ. И помѣстивъ въ кругъ двухъ, трехъ подростковъ, начинаютъ водить хороводъ и пѣть.

Лукà майя, лукà майя,
Лука зиляная,
Траука шаукавàя,
Што й на той жа на луцѣ

---

[1]) Не торопясь. [2]) Слѣдуетъ. [3]) Отъ слова т а т а я.

Казакъ коней нася̀,
Па кладаццы, па вярбо̀вай
Дзѣука ваду̀ нясѐ.
Лука, майя лука,
Лука зиляная,
Кла̀дачка вярбава̀я.
Гнись, ни уламись,
Дзѣука, дзявица,
Дай Паню вады напицца.
Лука майя, лука,
Лука зиляная.
Ня буду пайиць,
У мянѣ маци не радная
Будзье мянѣ бяць
Ко̀лкаю шупшы̀наю [2]),
Стрыкучаю да крапиваю,
Вялиць поуны ведры брацъ,
Ни вялиць атливаць
Лука майя, лука,
Лука зиляна̀я.

(Со словъ 26 лѣт. женщ. въ с. Верливки въ 1895 г.).

Послѣ каждаго припѣва «Лука майя, лука», нѣкоторыя здоровыя дѣвки берутъ на руки стоящихъ въ кругу подростковъ, и поднимаютъ ихъ выше головы: «штобъ довигъ лёнъ радзиу».

«Вясняныя пѣсни» здѣшней мѣстности, какъ и всѣ прочія, очень живучи: изъ года въ годъ поетъ молодежь на Благовѣщеніе все одно и тоже и, какъ видно, поютъ это не одно столѣтіе, потому что въ одной ихъ хороводныхъ пѣсенъ упоминается языческій богъ Лада, переименованный въ Ляда.

При этой пѣснѣ играющія раздѣляются на двѣ партіи и каждая поетъ отдѣльно, взявшись за руки, стоя другъ противъ друга;

1-я партія: А мы ляда пpятали, прятали,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А мы проса сѣяли, сѣяли
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: Мы ко̀ній успусцимъ, успусцимъ,
Зялёная наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А мы ко̀ній забярдо̀мъ, забярдо̀мъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: А мы ко̀ній выкупимъ, выкупимъ
Зяленая наша йелочка, жоутый цвѣтъ.
2-я партія: А што дасьцы выкупу, выкупу,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.
1-я партія: А сто рублей выкупу, выкупу
Зяленая наша йелочка...
2-я партія: Мы сто рублей ня во̀зьмимъ, ня во̀зьмимъ
Зяленая наша йелачка...
1-я партія: Мы дзѣвачку прыдадзимъ, прыдадзимъ
Зяленая наша йелачка...
2-я партія: Мы павяначку прададзимъ, прададзимъ,
Зяленая наша йелачка, жоутый цвѣтъ.

Въ это время 1-я партія старается пробѣжать между рукъ 2-й партіи и не быть пойманной, пойманныя остаются, какъ выкупъ и т. д.

(с. Росухи, Мглин. уѣзда со словъ 17 лѣт. дѣв. въ 1898 г.).

Одинъ изъ парней ходитъ въ срединѣ хоровода, всѣ поютъ:

Йета поля жоутая—на што мнѣ,
Я паѣду да милыя да свайе,
Йета поля зеляная—йета майо.

---

[1]) Шиповникъ.

Затѣмъ парень беретъ за руку дѣвку, которую «аблюбуя» выводитъ въ средину хоровода съ пѣсней:

Майя милѐнька, харашѐнька,
Бѣла, красна и румяна,
Яйе личанька муливàна,
Я буду зъ милòю
Медъ—вино пиць
И поля дзялиць.

Такъ продолжается, пока каждый не подберетъ себѣ пары по симпатіи.

(с. Росуха, въ 1898 г. отъ той-же).

А у пиряпѐлочки да старѐнькій мужъ,
Ты-жъ майя, ты жъ майя пиряпелачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѝчкая,
Што—й у пиряпѐлки да галоука балиць.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѐлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѝчкая.
Што—й у пиряпелки да дзѣтки маленьки,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѐлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѝчкая,
А у пиряпѐлочки да ручки баляць
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпелачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивялѝчкая,
А у пиряпѐлачки да грудка балиць,
Ты жъ майя, ты-жъ майя пиряпѐлачка,
Ты-жъ майя, ты-жъ майя нивяличкая,
А у пиряпелачки да хлѣбца нема.
Ты-жъ майя, ты-жъ майя пиряпѐлачка,
Ты-жъ майя, тыжъ майя нивяличкая,
А у пиряпѐлачки, да падошаухи баляць,
Ты жъ майя, ты-жъ майя пиряпѐлачка,
Ты-жъ майя, ты жъ майя нивяличкая.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзд. со словъ 25 лѣт. женщины въ 1897 г.).

Я па гòрачки хаджу,
Я калѝначку ламлю,
Ой люлѝ, люлешачки,
Я калиначку ламлю,
Калѝначки наламлю,
Да—й вяночыкъ саўйю,
Свайму мѝламу пашлю.
Ой люли, люлѐшачки,
Свайму миламу пашлю.
Угадай, мой мѝлинькій,
Кольки у вянкў вѣтачакъ,
Стольки у мянѣ думачакъ.
Ой люлѝ, люлешачки,
Стольки у мянѣ дўмачакъ.
Ни журыся, майя мила,
Цябѣ ни забуду.
Ой люлѝ, люлешачки,
Цябѣ ни забуду.
Бѣлы сняжки разойдуцца,
Быстры рѣчки разальюцца,
Ой люли, люлешачки,
Быстры рѣчки разальюцца,
Самъ къ табѣ прибуду,
Па вяликаму распуту
Ой люли, люлѐшачки,
Па великаму распуту.

(с. Гирцево, Стародубскаго уѣзда, со словъ 26 лѣт. женщины въ 1898 г.).

Подростки большею частью тутъ же на бугрѣ «играюць у вòшта нѐбудзь», какъ напр., «у хрѣна». Это дѣлается такъ: всѣ садятся на землю другъ другу «въ пастанься» [1]) или «на улоньня» [2]), образуя такимъ образомъ длинный рядъ; одинъ изъ играющихъ ходитъ вдоль и кладетъ каждому на голову руку, припѣвая:

Ой, хрѣнъ мой, хрѣнъ,
Охъ и хто цябѣ расцну
И хто цябѣ паливàу?

Хрѣнъ поетъ хоромъ:

Садзиу мянѣ Селиванъ,
Паливау мянѣ Иванъ,
Селиванава жана
При гардзи была,
Пирисаджавала, пирявражавала.

---

[1]) Пригалъ. [2]) На колѣни.

1-й играющій: Ты расци, расци мой хрѣнъ
Жь жардзѝну у дбужки [1])
Съ калоду у тоушки [2])
2-й играющій: Стуки—грюкй...
Хрѣнъ: Хто тамъ.
1-й играющій: Самъ панъ дварянинъ.
Хрѣнъ: За чымъ?
2-й играющій: Пани лижала,
Хрѣну бажала
Хрѣнъ: Ирви, да корня ни прырви.

И панъ тянетъ за руки перваго сидящаго, затѣмъ второго и т. д.

(д. Бородиевки, Мглинскаго уѣзда со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Игра «у гусей».

Всѣ бѣгаютъ между кустами, затѣмъ одинъ изъ играющихъ сзываетъ:

Гуси лебядзи дамбу.
Зачымъ?
Воукъ за гарбй,
За якой?
За камянбй.

Всѣ садятся подъ одинъ кустъ, мать тоже садится въ сторонѣ и засыпаетъ. Волкъ подкрадывается и крадетъ одного. Проснувшись, мать плачетъ:

Дзѣтки майе,
Галубъятки майе,
На штожъ я васъ кармила,
На, штожъ я васъ пайила,
Вбукъ пришбу,
Дзицця украу,
А я малада ня чула,
На припячку заснула.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 14 лѣт. хлопца, въ 1895 г.).

---

[1]) Въ длину. [2]) Въ толщину.

На Вялйкадня (На Пасху).

Наконецъ разговѣлись наши постящіеся по неволѣ, по суровому Аѳонскому уставу. Зато къ этому дню уже у каждаго припасено или кусочикъ солонины или «сцягенци капчонай баранины», а иногда и парасеночекъ. Кромѣ того, въ каждой избѣ на столѣ видѣнъ бѣлый хлѣбъ. Странно и необычайно!

Это рѣдкое событіе бываетъ только разъ въ годъ. Въ пасху (т. е. куличъ) хозяйка уже непремѣнно положитъ чего нибудь скоромнаго, въ родѣ яицъ, или молока, на томъ основаніи, что и въ церкви «читаюца пасха святая, пасха усечастнàя пасха ни парожняя».

На первый день, какъ и повсюду, никакихъ общественныхъ увеселеній не полагается. Вотъ въ полдень всѣ высыпали на улицу, къ солнышку: малые бѣгаютъ, старые сидятъ за воротами на колодочкахъ и «гамонюць [1]). Молодые тоже гдѣ-нибудь на бугрѣ сидятъ или ходятъ партіями въ «проходку» по лѣсу.

Только на 2-ой день послѣ обѣда начинается оживленіе и слышатся пѣсни:

Давàйця, дзѣуки,
На калдаццы сѣдзимъ
Пѣсянки зацягнимъ.
Вы, старыя дзяды;
Бярыця сваѝе кійи,
Идзиця вы у пòля
Зилянòга жыта глядзѣци
Да рàдзцье [2]) вы рàды
Усе харòшыя,
Якъ сынòу жанйци.
Радзьцье вы вясельля, [3])
Жòднаго скрысѐньня, [4])
Штобъ людзи глядзѣли
Жодныя нядзѣли.

(въ с. Гарцывѣ, Стародуб. уѣзд. со сл. 27 л. женщ. въ 1899 году).

Вотъ гдѣ-нибудь подъ дубомъ парни устраиваютъ общеизвѣстную забаву «арэли» [5]). Тутъ же невдалекѣ собираются дѣвки, вмѣсто музыки одинъ изъ хлопцевъ имѣетъ только бубенъ.

«Давайця сялязьня вадзиць», кричитъ большинство. Вотъ становятся въ хороводъ и начинаютъ протяжно:

Силязенька касатый,
Маладзецъ кудрыватый,
Скажы, силязенька,
Якъ старыя бàбы скачуць?

Тотчасъ текстъ изъ протяжнаго переходитъ въ плясовой. Въ срединѣ хоровода танцуютъ, подражая старымъ бабамъ. Бубенъ дѣйствуетъ исправно, хоръ поетъ:

---

[1]) разговариваютъ.
[2]) совѣтуйтесь [3]) свадьбы [4]) воскресенье [5]) качели.

Вотъ такъ
Таукуць макъ,
Вотъ и йетакъ.
Вотъ и такъ

Гарбамы киваюць,
Дзядоу падманяюць,
Лёнъ пры дарози
Вѣцяръ павевае!

Хоръ.

Силязенька касатый,
Маладзецъ кудриватый,
Скажы, силязёнька,
Якъ старыя дзяды скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ,

Вотъ такъ
Няпрыгожа,
Вотъ такъ
Нихароша,
Лёнъ пры дарози
Вѣцяръ павивае.

Хоръ.

Скажы, силязёнька,
Силязёнька касатый,
Якъ рыбяты скачуць.
Вотъ такъ,
Вотъ и йетакъ;
Вотъ такъ
Харашёнька.

Вотъ такъ
Пригажёнька.
Бравамы маргаюць,
Кудрямы махаюць,
Дзпучатъ падманяюць.
Ленъ пры дарози
Вѣцяръ павѣвае.

(Записано въ с. Гарцовѣ, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Хаджу я, гуляю
Па усёмъ карагоду,
Хаджу, выглядаю
Харошаю цьещу.

Заинька сѣрянькій,
Будзь ты мнѣ цьеща,
А я табѣ зяць буду,
Твайю дачку узяць хочу.

Когда хоръ называетъ тёщу, тогда гуляющій въ кругу беретъ себѣ по выбору дѣвку и водитъ ее за руку; такимъ же манеромъ выбираютъ по симпатіи деверя, золовку и невѣстку.

Хаджу я, гуляю
Па усёмъ карагоду,
Хаджу, выбираю
Харошаго шурына,
Будзь ты мнѣ шуринъ,
А я табѣ свайякъ буду,
Твайю сястру узяць хочу,
Заинька сѣринькій!...

Хаджу, я гуляю
Па усёмъ карагоду,
Сабѣ выглядаю
Харошу нявѣсту,
Будзь ты мнѣ жана,
А я табѣ мужъ буду,
Замужъ цябе узяць хочу,
Заинька сѣрянькій и т. д.

(с. Лойцычы со сл. 27 л. 1898 г.)

Хороводная:

Што-й у нашамъ у сялѣ
Стайяць возера вады,
Ой лёнъ, мой лёнъ,
Ленъ зилиный,
Стайяць возера вады.
Зь биряжкамы на раунѣ.
Маладзецъ каня пайиу
Каня воранога (bis)
Выкругъ кованнаго,
Ой ленъ, мой лёнъ и т. д.
Конь вады ня пье,

Капытамы бье (bis),
Молойца горя бярè,
Ой лёнъ, мой лёнъ....
Нечымъ пашаньки рабиць,
Чыста поля баранйць,
А я пахаря найму,
А я яму заплачу.
Ой ленъ, мой ленъ...
Якъ пасѣю я ляндокъ,
У чыстамъ поли кужалёкъ,
Ты радзи, радзи, мой лёнъ,

Тонокъ, довгъ и высокъ
Изъ кореня карянистъ,
Изъ галдуки симянистъ.
Якъ праслышу пра свой лёнъ,
Увесь патоптанъ, паваленъ
Тры дарожки пралежало,
Тры дзѣвачки прабяжала
Ой ленъ, мой лёнъ....
Адна Саша,
Друга Маша,
Трецьця душачка Кацюша.

(д. Далматово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 30 лѣт. женщины въ 1896 году).

Многія хороводныя пѣсни, которыя поютъ въ селахъ, какъ мнѣ кажется позаимствованы изъ ближайшихъ русскихъ раскольничьихъ слободъ, именно изъ Елёнки, Воронька (Стародубскаго уѣзда), Клинцовъ (Суражскаго у.)

Охъ ты, мацъ майя,
Балиць галава,
Ой-ли, вой люли,
Балиць галава,
Гуляць хочыцца,
Да ня можыцца,
Я й аткрадуся,
Й пагуляюся.
Ой ли, вой—люли,
Пры цямной начы,
Пры ярой свячы,
Ой ли, вой люли,
Ой люлёшачки,
Што-й съ падъ лѣсаньку,
Лѣсу цёмнаго,
Изъ падъ садзику,
Съ падъ зялёнаго,
Ой-ли, вой-люли
Ой люлёшачки,
Выкацилася сонца
Жаркая, расприкрасная,
Што-й за соньняйкамъ
Вясёлъ мѣсячка,
Ой ли—, вой люли,
Ой люлешачки,
Што-й за мѣсячкамъ
Дробны звѣздачки.
Тамъ ишли, прайшли
Да тры молайцы.
Парни бравые, кучерявые,
Ой ли, вой люли,
Ой люлёшачки,
Яны йшли—прайшли,
Станавилися,
За адну дзѣвачку
Пасварылися.
Выхадзила къ йимъ
Красна дзѣвица,
Выхадзила къ йимъ,
Гаварыла йимъ:
Што вы глупыя,
Ниразумные,
Вы ня бйцися, ни браницися,
Аднаму каму я дастануся.
Досталася дзѣука красная
Парню бравяму, кучарявому.
Йонъ узяў яйе
За праву ручаньку,
Йонъ павёў яйе
У карагодъ гуляць,
Усимъ таварышамъ,
Выхваляйицца—
Хараша, брацццы,
Душа Кацинька,
Майя милая,
Чарнабрывая,
Глаза карыя,
Развяселыя.

(со сл. 30 лѣт. женщ. въ х. Верканька Стародубскаго у. въ 1899 году).

У майго у бацюшки
У варотахъ гуляньняйка,
Заря майя вячёрняя,
Гульня майо вясёлая!
Мой бацюшка у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Заря майя вячерняя,
Гуляньня майо вяселая,
Я бацюшки ня слухала,
Гуляньняйка ня кидала.
Заря майя вячёрняя,
Гульня майя вясёлая.
У майго у свекарьки
У варотахъ гуляньняйка,
Мой свёкарька у варотахъ
Дамоу мяне клича.
Я свёкра паслухала,
Гуляньняйка пакинула.
Заря майя вячерняя.
Гуляньня майо никчёмная.

(Въ 1899 году отъ той же).

Што-й па морю,
Морю синяму,
Па синяму, па хвалыньскаму
Плыве стада либядзиная
И зъ малыми либядзятамы,
Па пѐреду лябедушка бѣлая.
Аткуль узяуся
Сызикрылый арёлъ,
Разбйу стада либядзиная
Да-й зъ малыми либидзятами,
Пусциу руду да й па синяму морю,
Бѣлый пушокъ на крутый биряжокъ,
А крылушки па далинацци,
Пила ваду бѣла рыбица,
Брала ваду красна дзѣвица,
Аткуль узяуся разудалый маладзецъ—
Богъ на помачъ красна дзѣвица душа.

(д. Выстриковъ, Стародубскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины, въ 1896 году).

Куды ѣду, куды йду,
Къ душѣ Кациньки зайду,
Ой калина, ой малина,
Здрастуй, Кацинька душа,
Дома маминька твайя?
Ой калина, ой малина,
Нѣту бацюшки, нѣту матушки,
Нѣту дома никаго,
Узъѣжджай ка мнѣ на дворъ,
Станови свайго коня
Сирядзй майго двара,
Проци чòрнаго стаубà.
Благадарю, красавица,
За пріятство за твайо,
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ плѣць павѣсиць?
Павѣсь, павѣсь, дружокъ мой,
У майихъ сѣнячкахъ навыхъ [1])
Да-й на нòвинькай сцянѣ,
На сяребряномъ гваздзѣ.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо,
Да скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ шляпу палажыць?
Паложъ, паложъ, дружокъ мой,
У майой комнацци навой,
На столикѣ цясовомъ.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Ну скажы ка, душа Каця,
Идзѣ мнѣ спаць, пачивацъ?
Лажысь, лажысь, дружокъ мой,
У майой спаленьки навой
На пяринѣ пухавой.
Благадарю, красавица,
За пріятства за твайо.
Кацинъ бацюшка пріѣхау,
Кацю спрашивая—
Ты скажы-ка, душа Каця,
Што за лошадзь на дварѣ.
Прасци, бацюшка радзимый,
Рана на базаръ хадзила,
Варану лошадзь купила,
Рòуна тысячу дала,
Разсярдиуся, разбраниуся,
У нòву спалинку пашоу,
Добра молайца нашоу,
Расскажы ка, душа Каця,
Што й за моладецъ ляжыць?
Прасци, бацюшка радзимый,
Рава на вутринъ пашлà,
Сирацинячку знайшла,
На спитанья [2]) узяла.

(с. Гарцово, Стародубскаго уѣзда, со словъ 24-лѣтн. женщ. въ 1898 году).

Ой выходьця, дзѣвачки,
На шырокую вулицу,
Люли—люлёшачки,
На шырокую вулицу.
Выносьця, дзѣвачки,
Салауя на ручачкахъ.
Люли—люлешачки,
Салавейка защабеча,
Дзѣуки пѣсни запяюць.
Разгадай-ка, салавейка,
Ты нашу загадачку,
Якъ за старымъ жыци?
Люли—люлёшачки
А за стариникимъ быци
Горьку рѣдзячку грызци,
Што-й за рàунымъ быци
Мёдъ—гарэлачку пици,
Чырявички насици.
Люли люлёшачки.
Малодый бяжыць, якъ заячка, [3])
Я за йимъ якъ павачка,
Маладому прыгадаю, [4])
Гарцòкъ кашы замяшаю,
Люли—люлёшачки.
А стараму прыгадаю,
У дуброву атвяду,

---

[1]) нòвыхъ. [2]) Воспитаніе. [3]) Заяцъ. [4]) Придумаю.

Къ сыру дубу привяжу,
Камарыкамъ прыкажу—
Ѣжъця вы-камарыки—мошки,
Ни стауця [1]) ни трошки, [2])
Люли, люлешачки.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда отъ 16-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Старе̂нькій дзѣдзька
Па гора̂ду хо̂дзя,
Канапе̂льки сѣя,
Маладая малодка
У варо̂тахъ стаяла,
Галубо̂у зманя̂ла—
Шуги, шуги, галубы,
На дзѣдавы кано̂пли,
Канапель клива̂ци,
Дзѣду журбу [3]) задаваци,
Штобъ мнѣ маладо̂й
Канапель ни браци,
Бѣлыхъ рукъ ни драци.

Ранней весной, вскорѣ послѣ пасхи всегда въ большомъ ходу слѣдующая пѣсня:

А чаго ты, канапелька,
Ни зялёна стайнишъ.
Да якъ жа мнѣ канапельки
Зилянда̂й стая̂ци,
Люли люлёшачки...
Съ корня канапельку
Вадзица падмыла
Па се̂редзи канапельку
Буря зламила.
Люли, люлешачки,
Зверху канапельку,
Вирябейки ссьили,
Люли люлешачки,
Чаго ты, Лукерачка,
Ни вясёла гуляйнишъ?
Якъ жа мнѣ, дзѣвачки,
Вяселай гулянь,
Люли люлешачки,
Пабицауся татухна
За князя атдаць,
Люли люлешачки,
Ро̂дная матухна
У чарничаньки [4])
Люли люлешачки,
У чарничаньки.
Скрипнули варо̂ты,
Раство̂рчастыя,
Я жъ думала—
Бацька идзець
Да-й князя вядзѐць,
Ажъ матухна
Чарничаньку вядзье,
Хо̂ча мая мацъ
Мнѣ косы пастрычъ,
У чарницы атдаць.

Игры и пѣсни продолжаются только первыхъ три дня, а на 4-й день каждый занимается своими работами «да яркуснаго скрысеньня (артусное воскресенье). Затѣмъ на Ѳоминой во вторникъ Ра̂дуница. Названіе радуницы объясняется тѣмъ, что это есть самый радостный праздникъ умершихъ: йета йихъ велйка дня.

Съ утра на Ра̂дуницу всѣ мужчины на работѣ, даже пашутъ въ полѣ. Бабы заняты стряпней, но какъ только ударилъ колоколъ къ обѣднѣ,—съ каждаго двора несутъ въ церковь 5 сковородницъ на панихиду, поминальничку и рюмку меду. По окончаніи обѣдни считается за грѣхъ работать. Всѣ отъ мала до велика идутъ на кладбище. Каждый застилаетъ на своей могилкѣ скатерть, кладетъ кусочекъ «пасвица̂най» [5]) пасхи, красныя яйца, говядину и творогъ. Въ городахъ этотъ день или «дѣды», какъ ихъ тамъ называютъ, похожъ на шумную, пыльную ярмарку съ вмѣшательствомъ полиціи. Въ деревняхъ же и селахъ все это происходитъ спокойно, безъ суеты, и даже первое время безмолвно. Только кое-гдѣ надъ свѣжей насыпью вырываются наружу чувства недавно осиротѣвшихъ.

«Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! майо дзицятачка!» припадая къ могилкѣ съ краснымъ яичкомъ въ рукахъ, обливается слезами неутѣшная мать.

Вотъ окинула она взглядомъ возрождающуюся весеннюю природу: все начинаетъ цвѣсти и зеленѣть подъ теплымъ солнышкомъ... Матери становится еще тяжелѣе, и отъ избытка чувствъ она продолжаетъ свою мысль громко.

---

[1]) Не оставьте. [2]) Немножко. [3]) Заботу. [4]) Въ монахини. [5]) Освященной.

«А укругъ жа цябе, майго дзицяточки, да усё такъ прыгожинька, цяперь и бяразочка ужо у лисцяйку, и ты жъ и ни устанишь, сирацинка майя бѣдная! А цяперь жи и мотачка на свѣтъ божый выходзя и цыплёначакъ зъ яйечка выклюйёцца и листочыкъ и травиначка вылазя на цеплая соньняйка, адзинъ жа ты горькій мой сынӧчыкъ зъ зямельки ня выйдзишъ» и т. д.

Затѣмъ пріѣзжаетъ священникъ съ причтомъ служить панихиду, а послѣ его ухода всѣ явства сносятся въ одно мѣсто. Христіанскіе обряды кончились, начинается по старой древней памяти языческая тризна: ѣдятъ, запиваютъ и, пивши, приговариваютъ: накойничакъ Аутухъ Сидаровичъ, няхай яму тамъ легинька згадвицца, люби у гарэлачку,—заупакой жа яго душачки, царства яму нябесная».

Поѣвши и наполучавшись порядочно, уходятъ съ кладбища на веселѣ, и по дорогѣ гдѣ-нибудь на пригоркѣ, какъ престарѣлыя бабы веселухи (конечно изъ тѣхъ у которыхъ нѣтъ свѣжихъ моги локъ), такъ и дзѣуки, вмѣстѣ принимаются за хороводъ. «А ну-ця, тайчки, на доугій лёнъ, штобъ лёнъ радзиу».

Пасѣяли дзѣуки лёнъ,
Дзѣуки лёнъ,
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гаварӹ, што сѣяли,
Пасѣяуши, палоли,
Палоли, палоли.
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гаварӹ, што палоли,
Бѣлы ручки калоли,
Калоли, калоли.
Стой пряма,
Дзяржысь брава,
Гаварӹ, што калоли.
Аткуль узяуся парянёкъ,
Звизау лянӧкъ у вянокъ,
Стой пряма,
Дзяржысь брава.
Гавары—звизау увянокъ.

(с. Невзорово, со сл. 20 лѣт. дѣвки, въ 1899 году.)

А иная болѣе охмѣлѣвшая и въ присядки пустится, припѣвая:

У вяликамъ у гӧрадзи,
На прикраснай вуляцы,
Тамъ и Ганна гуляла,
Тамъ Иванауна гуляла
И арэшки [1]) цатала
Съ сямъю картамы йграла,
Казыряла, падказыривала.
Якъ пришоу къ йой татухна—
Польна Ганна, гуляць,
У арэшки цатаць,
Сямъю картамы играць
Казыряць, падказыриваць.
Ни увӧймишъ мяне, татухна,
Ни увоймишъ мяне, родненькій,
Тутъ и мёдъ салодкій,
Парнишачка маладӹй,
Падъ йимъ коникъ вараный,
Сядло кӧванная,
Атмулёванная,
Самавары залатыя,
Пивавары маладые.
Якъ пришля къ йой матухна,
Якъ пришла къ йой рӧдная—
Польна Ганна гуляць,
У арэшки цатаць.

Затѣмъ приходятъ братецъ, сестрица и проч. родня, а отвѣтъ Ганы одинъ и тотъ же.

(с. Анушино, Стародубскаго у. со словъ 20 лѣт. женщины въ 1889 году).

И такъ, вотъ каково бываетъ поминовеніе усопшихъ. Евреи иногда, иронизируя спрашиваютъ мужиковъ: «слухай, калӥ у васъ буде тӧе свято, што вутрамъ папуть, у в абѣда плачуць и у вечару скачуць?»

Радуницей оканчиваются и остальные святки.

Женщины продолжаютъ сновать и ткать кросны, бѣлить полӧтна, мужчины огораживаютъ плетнями и пряслами огороды, но съ посѣвами не торопятся, не смотря на то, что тепло, и снѣгу давно нѣтъ.

---

[1]) Игра въ четь и нечетъ.

Овесъ начинаютъ сѣять въ концѣ апрѣля, а картошку еще позднѣе, и всякій увѣряетъ, «што у нашыхъ мястахъ пѝкуль зямля харашо ни нагрѣицца, дотуль сѣмя ня пусця растка и картошка тольки закляння у халоднай зямлѣ, а узойдзя и раньняя и позняя у в'адно уремъя». Гряды рѣшаются садить лишь въ Маѣ. Но иногда утренники вымораживаютъ «грядавину и 10-го Мая, такъ что приходится вновь отсѣвать огурцы, фасоль и пр.

Изъ весеннихъ праздниковъ за апрѣль мѣсяцъ чтятъ Юрія 23 числа. Каждый хозяинъ встаетъ до свѣта и пасётъ скотъ на росѣ, потому что роса на Юрья считается цѣлебной для всякой скотины. Такъ какъ Георгій побѣдоносецъ изображается на иконѣ всадникомъ, то его считаютъ покровителемъ лошадей, и тотчасъ по окончаніи обѣдни всѣ съ хоругвями и иконами, съ священникомъ во главѣ, двигаются за село служить молебенъ надъ табуномъ лошадей. Бываетъ также въ этотъ день водосвятіе и молебенъ въ полѣ надъ зелеными всходами ржи.

Въ простотѣ сердечной всѣ молятся очень усердно, «штобъ и жыцячко урадзило и скацинка здарова была.

Внимательно стараются они повторять шопотомъ каждое слово, произнесенное священникомъ, а по окончаніи службы нерѣдко можно услышать такого рода разсказы.

«Я жъ, тайячка ты майя, два разы знаймавалась у в'ыкону, й капыцячки й гриўку святога коника пацалавала, усё да чыста пацалавала».

М а й.

8-го празднуютъ Іоанна Богослова, 9-го Миколы вяснянаго. Съ этого дня шабашъ гонять коней на ночлегъ: сѣнокосы запускаются на траву.

11-го обновленіе Царьграда (послѣ землетрясенія). Воспоминаніе этого событія наши крестьяне переименовали «въ градободзье» и почитаютъ «Царяграда» за главнаго начальника или царя всѣхъ градовъ и градобитья, въ особенности пахать нельзя на градабодзье.

21-го празднуютъ царя Константина и Елены.

Въ Маѣ засѣваютъ ячмени, горохъ, просо. Въ послѣднихъ числахъ идетъ возка навозу и посѣвъ конопли почти до 5-го іюня.

Кромѣ того весной происходитъ въ Полѣсьѣ довольно важная въ экономическомъ отношеніи работа: это кража лыкъ.

За лыко, особенно въ весеннюю безхлѣбицу, имѣетъ онъ существенные предметы необходимости, какъ напр. соль, деготь, хлѣбъ и т. п. Такъ же дубовая кора, лоза для дубленія овчины, все это довольно охотно покупается на базарахъ ближайшихъ городковъ.

Кромѣ того, теперь же каждый дѣлаетъ запасы лыкъ для обуви на круглый годъ, хотя своего собственнаго лѣса и не имѣетъ.

Ежедневно цѣлый мѣсяцъ и болѣе съ каждаго двора по двѣ, по три души, забираются въ глушь панскихъ лѣсовъ, гдѣ нѣтъ лѣсничаго, и вечеромъ уже несутъ по тихоньку лыки въ село, однимъ словомъ—въ свою норку тащатъ корку, да и въ самомъ дѣлѣ:

Неужто лыкъ тебѣ не взять въ запасъ,
Когда такая благодать въ лѣсахъ у насъ.

Похищать лыки очень удобно: они ростутъ въ страшной гущѣ. Полѣсцы на этотъ промыселъ забираются «у такую нимярѣчу, что вужъ ня прапаузе. Чуйимъ штось шамая, глядзь—ажъ воучанятки, жо тузъ и гняздо вaучиная».

Но къ этому явленію наши привыкли: не очень-то пугаются и, перейдя на другое мѣсто, продолжаютъ работу, напѣвая не громко конечно:

А и дзѣ-жъ тая липиначка,
Што лыки дзеруцца?

А й дзѣ-жъ тая дзяучынача,
Што людзи смяюцца,

А ужо-жъ тая липиначка
Дауно абадрата [1]),
А ужо-жъ тая дзяучыначка
Дауно замужъ узята.

(с. Разсухи, Мглинск. у. со словъ 40 лѣт. женщины въ 1899 году).

Дзяучо̀нка красна
Па гаю хадзила,
У гаѣ заблудзѝла,
Хлапчышачка малѐдзинькій,
Выведзь мяне з'га̀ю.
Дзяучонка красная,
Даро̀ги ни знаю,
Скажы, красная дзѣука,
Што за вывадъ бу̀дзье?
— Атласць табѣ татухна
Каня варанѐга.
—Дзѣвачка красная,
У майго у татухны
Коній багата.

(Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

Што-й купечаськая дочъ—
Па го̀рыньки хадзила,
Пару сыноу радзила,
Охъ, охъ, охо-охо-хо-хо (припѣвъ),
Пару сыно̀у радзила.
Сама бабушкой была,
Сама йименья дала,
Иванюшу й Василья
У пяленачки спавила,
На цихій Дунай атвясла,
Охъ ты, цихій Дунай,
Ускалыши майнхъ дзяцей,
А ты, траушка камышъ,
Майихъ дзѣтакъ прыкалышъ,
Охъ ты, ницая лаза,
Ни павыкаль йимъ глаза,
Охъ вы, дикія пяски,
Ни задайця йимъ таски,
Охъ ты, рыба бялуга,
Ускарми майихъ сыно̀у
Да шаснадцаци гадоу.
Ни хадзила малада,
Лѣтъ шаснацпаць на ваду,
На симнацатамъ гаду,
Выйшла дзѣука па ваду,
Стала дзѣука ваду брапь,
Стау караблнкъ прыплываць,
Што-й на томъ жа карабли
Двое мо̀лайцоу сидзяць.

Эта пѣсня позаимствована въ 1861 году у дворовыхъ крестьянъ въ с. Росухѣ. Съ теченіемъ времени къ ней присоединился слѣдующій конецъ, записанный мною въ 1899 году въ с. Горянахъ, Мглинскаго уѣзда отъ 19 лѣт. дѣвки.

Адзинъ сядзиць на насу,
Чеша русаю касу,
Другій сядзиць на кармѣ,
Пряма смотря на яйе.
Распытуя у яйе,
Ци пойдзишъ ты за мяне?
За (а) днаго сама пайду,
За друго̀га дочъ атдамъ,
Пріѣхаушы съ падъ винца
Стау моладзецъ гаварипь—
Скажы ка ты, дзѣвачка,
Зь'яко̀га ты роду?
Я зь Кіява папо̀уна,
Па бацюшки Пятроуна,
—Скажы ты, маладзѐцъ.
Якога ты роду?
Изъ Кіява паповичъ
Па бацюшки Пятровичъ.
Охъ, якій то свѣтъ настау,
Што братъ сястры ня упазнау,
За сябѣ замужъ узяу.
Гасподзь мянѣ сабярёгъ,
Што съ сястрою спаць ня легъ,
Бадай папы̀ прапшали,
Брата сь сястрой звинчали.
Идзи, сястра, у намастырь,
Малиць Бога за увесь міръ,
А я пайду у цемный лѣсъ,
Няхай мяне звѣрь изъѣсць.
Идзи, брацецъ, гарою,
А я пайду далинаю,
Скинимся травинаю,
Ты цвѣтикамъ си233неныкимъ,
А я цвѣтикамъ жоуцинькимъ,
Парасцёмъ мы падъ кустомъ,
Накрыйимся хварастѐмъ,
Будуць людзи траву йрвапь
Брата съ сястрой паминаць:
Йста тая травица
Што братъ и сястрица,
Будуць людзи касиць
И за насъ Бога прасиць.

[1]) ободрана.

Выше означенная пѣсня въ с. Росухѣ и окружающихъ ее селахъ поется только со слѣдующихъ строкъ:

Охъ якій-та свѣтъ настау,

а въ селахъ: Горянахъ и Кожемякахъ первая и вторая половина поется за одну пѣсню «Иванъ да Марья».

Охотнѣй всего поютъ пѣсни на общественныхъ работахъ; но такъ какъ весной всякій имѣетъ свое занятіе «кала двара» въ одиночку, то въ будніе дни не слышно совмѣстнаго пѣнія, развѣ какая, - нібудзь дзѣука сабираушы щавель на лугу или сглавши полотны кала двара», запоетъ про милаго или про соловейку:

На вадзѣ вутка купалася,
На биряжочку сушылася,
Я малада журылася,
Ци было лѣта, ци ни было.
Я на вулицы ни гуляла,
Мяне мамухна ни пущала,
У камораццы закутала,
Залатымъ замкомъ замыкала.
У камораццы кватырячка,
Шыю, пашыю шырыначку,
Гляну, пагляну у кватырячку,
Ходзя, мой милый, па рыначку,
Тамъ мой милый танокъ водзя
З'майой прежняй падружачкай.
Каго у танку нема,
Да каго у караходзи?
Майго милаго у танку нема,
Майой падружачки у карагодзи.

(с. Росуха, Мглин. у. со словъ 35 лѣт. женщины въ 1899 г.).

Салавей мой малинькій,
Ни лятай рана на зарѣ,
Ни замакавай дарожачки
Ко мнѣ маладзѣ.
Зарасла майя дарожка
Частымъ ельничкамъ,
Бярезничкамъ маладымъ.
Охъ ты, татачка гаспадзинъ,
Састрой гореньку у саду
Зъ вакошкамы, на сяло,
Штобъ жыць было висяло,
Штобъ милинькій ни прайшоу,
Падарачка ни пранёсъ,
Падарачка дарагòга,
Зъ руки персня залатòга.

(с. Новоселки, Стародубскаго у. со сл. 45 женщ. въ 1891 г.).

Павѣй, павѣй, бўйенъ вицяръ,
Зъ зялёнага гаю.
Прибудь, миленькій дружочыкъ,
Зъ далекаго краю.
Радъ бы, дзѣвачка, прыбыць,
Вочинь край далекій,
Глыбокія рѣчки,
Да мелкія ключы.
С'скучылась дзяучоначка,
Малодчыка ждучы,
Сярдзитъ бацька,
Мачыха лихая
Ни пускаюць на вулицу,
Што я маладая,
Пусци мянѣ, маци,
На тэй лужокъ прясци,
Ци ня принясе буйонъ вѣцьеръ
Атъ милага вѣсци.

(с. Росуха, Мглин. у со сл. 45 лѣт. женщины въ 1891 году).

А вотъ вышла на лужайку и молодка молодая. Еще въ прошломъ году пѣла она о желанномъ дружкѣ, а теперь у нея уже другое горе, другая мечта: не ладная жизнь въ чужой семьѣ и стремленіе къ прежнему родимому гнѣзду.

Охъ, якъ бы мнѣ маладзюсенькай
Да цяцвѣряччы крыльля
Да пирялёляччы перъя.
Я... я... я... я, малада,
Палящѣла бъ я, маладзюсинька,
Падъ бацькавы сѣни.
Охъ я... я... я. . я, малада,
Мой татачка новы сѣни строя,

Святлицу будуя,
Охъ я... я... я... я, малада,
Святлицу будуя,
Мяне спаминая,
Охъ я... я... я... я, малада.
Нема майой душачки
Нема майой гарюшачки.
Охъ я... я... я... я, малада,
А я, малада, слязой абальлюся,
У ножки укланюся.
Охъ я... я... я... я, малада..

(с. Анушино, Страродуб. у. со сл. 30 лѣт. женщ. 1889 году).

Ня силну мяне бацька,
Ня силила мянѣ-й-матка,
Сама дура здуравала
Лидащыцу злюбавала,
Ни глядзѣла малада́,
Ни на станъ, ни на рожу,
Пагалилась малада
На вяликаю худо̀бу [1]).
Вяликая худо̀ба,
Живату-серцу-зазноба,
Чаго ты, мой бацычка,
Скрозь Дунай ни хадзиу,
Горькай майой долячки
У рэчачки ни утапиу.

(с. Невзорова, Стародуб. уѣзд. со сл. 50 лѣт. женщ. въ 1895 году).

Выду я на го̀рачку,
На тую круту̀ю,
Зирну̀, гляну на рѣчачку
На тую быстру̀ю.
Ци ня уба̀чу
Ци ня уба̀чу
Чаго на ряцѣ?
Тольки бачу
Тольки й ви̇джу
Саловейку на кусьцьѣ.
По̀льна, польна, салавейка,
У ку̀сьци щабита̀ци,
Хочуць ужо̀ ахотнички
Ру̀жжа зариджа̀ци,
Хочуць цябе, салавейку,
Сь сьвѣту жжыць,
Сь сьвѣту жжы̀ць,
У ку̀сьци застряли̇ць.

(с. Михайловецъ Стар. уѣзд. 1900 г. отъ 18 л. дѣв.).

Дали̇на дали̇начка,
Раздо̀льле шыро̀кае.
На той, на дали̇нацца
Ничо̀го ня ро̀дзье:
Ни грибки̇ ни ягадки,
Ни чо̀рна смаро̀дыня.
Тольки заурадзи̇лася
Игруша зялёная,
Што й падъ той игрушаю
Заря занималась,
Съ падъ тыя зо̀рячки
Сонца вы̇кацялось.
Играй, играй, сонькяйка,
Играй играй жаркое,
Играй не по лѣтнему.
Лю̀бя парень дзьѣвицу
Ни па прѐжнаму...

(Отъ той же).

Какъ въ одиночку, такъ и хоромъ поютъ всегда дѣвки громко, во все горло, чтобы было слышно и въ селѣ и за селомъ.

Въ концѣ каждаго стиха вмѣсто паузы тянутъ голосомъ у-у-у-у! Этимъ отличаются мотивы весеннихъ пѣсенъ и лѣтнихъ.

Хмарна тучка, дробинъ дожджыкъ,
Крапи, крапи, дробинъ дожджыкъ,
На майо бѣла лицо,
Я умыюсь, набялюся,
Пайду у мамухны спрашуся,
Радзимая мая маци,
Пусци вечаръ пагуляци.
Гуляй, дочка, да пары,
Ни прагуливай зары̀,
Идзѣ ходзишъ, идзѣ гуляйишъ,
Начавацъ у дварѣ.
Я па садзику хадзила,
Па зяленаму гуляла,
Тамъ я цвѣцики ирвала,
Дли дружка прымѣты клала,
Штобъ мой милый дагадауся,
Па прымѣтамъ мяне шукау,
Ни знайшоу милый примѣты,
Знайшоу Машачку у саду.

(с. Новоселки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 45-лѣтн. женщ, въ 1899 году).

[1]) добро̀.

Итакъ далѣе, всѣ «дзявоцкія» вясняныя пѣсни на одну тему: любовь и милый.

На калини салавей напѣвая,
На малини дробныя пташки пяюць,
Добру молайцу зазнобу задаюць,
Добрый молодьвецъ и ночку ни спау,
На дрыбчастыя гусельки играу,
Красну дзѣвицу душу забауляу.
Ни журыся, красна дзѣвица душа,
Вотъ тады ты наплачыся,
Якъ са мной ни пабачыся.

(с. Анушино, Стародуб. уѣзда, со сл. 45-лѣтн. женщины въ 1892 году).

Стаптáна трава зиляная,
Хто жъ тую траву стаптау?
Стаптау траву дзяцинaчка,
Стаптау траву малодзьенькій.
Й онъ да дзѣвачки хадзиу,
Пиряпелачакъ лавиу,
Ни улавиу пиряпелачки,
Ни улавиу карасцьельки,
А улавиу дзяучоначку
Да-й за правую ручачку,
За залатый персцянёчыкъ
За шауковый паясочыкъ.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 20-лѣтн. дѣвки въ 1894 году).

Свяцйу, свяцйу ясенъ мѣсячка
Да-й прымерькаць стау,
Любйу парень дзѣуку
Да-й пакидаць стау:
Ни ты ка мнѣ,
Ни я къ табѣ,
Ня будзимъ хадзици.
Ни ты мяне,
Ни я цябе
Ня буду любици.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. женщины въ 1899 готу).

Яблапя мая зялёная,
Дакуль табѣ у садзи стаяць, у зялёнамъ?
Стаю лѣта, стаю лѣта,
Стаю-й другòя,
На трецьця пущу
Кареньня глыбокàя
И гольляйка да дòланьку
И лисцяйка шырокòя.
Ты, красная Тацянaчка,
Дакуль табѣ
У бацюшки жыци, у рòднаго?
Жыву лѣта, живу лѣта,
Жыву-й другòя,
На трèцьця дажду
Свата дарогòга
И поязда, и поязда багатòга,
Пляту касу да пояса,
Пляту уплёты шауковые
Дзяцинаццы маладòму.

(д. Лупеки, Стародуб. уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщины въ 1899 году).

Цякла рэчка ни вяличка
Зь вишнёваго саду,
А я тую быстру рэчку
Схочу—пиряскочу.
Атдай мяне ацецъ-мацн
За кагò я хòчу,
Идзѣ хата и камната
И дзивярёу багàта.
Дзивярёчки маладые,
Яны ни жанàты,
Любюць жартаваци:
Адзинъ киуне, другій маргнѐ,
Трецьцій засмяйёцца.
Мой милинькій—ряунйвинькій
Иетаго ня любя,
Зъ падъ правыя, зъ падъ ручачки,
Нагайку гатуя,
Нагаячка ни прастая,
Яна драцянàя,
У три ряды звита,
Будзишъ, мая миленькая,
Што вèчара бйта.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 35-лѣтн. женщ. въ 1896 году).

Охъ ты, дзѣука, дзѣука красная,
Твайя доличка бишасная, [1])
Яще дзѣука у пялёначкахъ
Яйе горячка у галовачкахъ.
Ночка цёмнинькая, ни веселинькая,
У мянѣ мамачка ня роднинькая
Ни савѣтливая:
Пасылала мянѣ маладу
Позна ноччы па ваду,
Ни да рѣчки, ни да возяра,
Да глыбокаго калодзизя.
Яна па ваду идзѐ,
Гарючыя слёзы ильлѐ, [2])
Пасылала яйе маци
У высокъ цьѣримъ пасцѣлячки слàци—
Таму госцяйку низнакомаму
Салдацику заслужонаму...
Ужо й соньняйка узыходзила,
Дзѣука сь цьерема ни выходзила,
Ужо й на дварѣ свѣтъ бялюсинькій,
Краснай дзѣуки съ цьерема немà.
Ужо на дварэ позніяя абѣданьки,
Дзѣука съ цьерема идзьѐ
Яйе каса растрѐплина, ни заплѐцьена.
Яйе глазачки призаплàканы,
Рубашачка папарваная,
Сярёжачки паприлàманыя...

(с. Грыденки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

Якъ пайду я гарой—гарой,
Майе валы на прыгорьяйку,
Уси людзи добры жывуць,
А я млада на бяздольляйку,
Нехай жывуць, кали пажылося,
А я буду гаряваць,
Кали горя прышлося.

(д. Лужки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Охъ ты Ваня, разудалый маладзьецъ,
Куда ѣдишь, атъйижджайишъ далякà,
Каму мяне приручайишъ маладу?
Сь кимъ я буду вясну красную гулàць?
Сь кимъ я буду лету зиму зимаваць?
Гуляй, гуляй цвѣцикъ розачка адна,
Йесць у мянѣ ще-й на луччы за цябе,
И вачàмы и бровками пачарнѣй,
Ще-й личанькамъ румянѣй.

(с. Матоки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 17-лѣтн. дѣвки. записано въ 1898 г.).

Троица.

Св. Духъ и Троица два праздника подъ рядъ. Наканунѣ за нѣсколько часовъ до захода солнца, селяне перестаютъ работать. Мужчины идутъ въ лѣсъ сѣчь «Май», бабы и дѣвки жать яворъ на лугахъ, собирать травы и цвѣты въ лѣсу. Къ вечеру вездѣ у воротъ и въ дворахъ появляется цѣлый лѣсъ вбитыхъ въ землю клёновъ, берёзокъ, дубковъ и пр. Въ хатахъ вся божница тоже убрана зелеными вѣтками и преимущественно цвѣтами пахучей какалуши [3]). Утромъ въ день праздника, прежде чѣмъ заблаговѣстили къ обѣднѣ, изъ 4—5 приходскихъ деревень—всѣ двинулись въ село къ церкви.

Но это не означаетъ, что вся масса народа попадетъ во храмъ, нѣтъ тамъ въ господскіе праздники ужъ очень тѣсно и душно, такъ что часть молодежи и бабы съ грудными младенцами больше просиживаютъ на крыльцѣ и на цвинторѣ [4]). Старики же и пожилые стоятъ безвыходно въ храмѣ и молятся усердно. Станьте рядомъ, прислушайтесь: онъ знаетъ наизусть всю обѣдню и прекрасно суфлеруетъ священнику и клиросу каждую фразу.

Какъ только пообѣдали, дѣвки гурьбой идутъ въ березникъ завивать вѣнки, захвативъ съ собою яицъ, сала на яичницу, по дорогѣ громко поютъ, «штобъ усимъ было чутна, и которая не успѣла выйти изъ хаты—нехай даганяя».

---

[1]) Несчастная. [2]) Льетъ. [3]) Черемуха. [4]) Кладбище—cmenarz (Польск.).

Вы дзѣуки—дзѣвачки,
Пойдзимъ у луждчки,
Мы зауйёмъ вяночки
Да-й на уси святочки.
Да-й на уси святые,
Да-й на Духовыя.

Хлопцы выходятъ на гулянье отдѣльно, своей компаніей, но они «духамъ чуюць, идзѣ дзѣуки» и непремѣнно очутятся въ томъ березнику, гдѣ вѣнки завиваютъ, они берутъ съ собою горѣлку и бубенъ.

А бабы на духовые святки идутъ туда же кумиться, т. е. жарыць у лясу яйешню, пиць и закусываць.

Подъ бубенъ исполняютъ извѣстный танецъ казачокъ. Дѣвки танцуютъ очень скромно, глаза внизъ, руки спущены, но танцы замужнихъ женщинъ, особенно «падъ чарачкай», довольно оживлены, онѣ пляшутъ и въ то же время припѣваютъ, сопровождая пѣсни различными тѣлодвиженіями: то руки въ боки, то хлопаютъ въ ладоши, приподнимая руки по разнымъ направленіямъ и т. п. Впрочемъ, такихъ веселухъ мало: одна, двѣ на все село, такъ что зрителей всегда больше, чѣмъ дѣйствующихъ лицъ.

Я й за старымъ нажывуся,
Напляшуся, найграюся,
Нагуляйюся.
Охъ ты, старецъ мой,
Лихамарецъ мой!
Ни вялиць мнѣ бялицца
И румянцца.
Стайиць старицъ падъ вакномъ,
Богу молицца,
А мнѣ, маладой,
Гуляць хдчицца.
Захацѣлась маладзѣ
Да папѣць, пагуляць
Папразнаваци,
Пабясѣдаваци.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 48-лѣтн. женщины записано въ 1898 г.).

Кумилися, любилися
И съ кумою пасварылися:
Тры дни, два дни яднàлися,
Гарэлкаю пахмилялися.
Кумŷсичка, любŷсичка,
Ня би майихъ вуциняѣтъ,
Майе вуцинятки
Табѣ шкоды да ни нарабили:
Паядàŷшы грэчки,
Паляцѣли да рэчки,
Паядàушы пшаничаньки,
Паляцѣли да крыничаньки.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со сл. 78 лѣтн. стар. въ 1898 году).

Ходятъ также завивать вѣнки въ жито (рожь), особенно въ Стародубскомъ уѣздѣ, гдѣ села расположены въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ лѣса. Въ вѣнокъ изъ васильковъ вплетаютъ ленту и перстень и затѣмъ кладутъ его въ жито на ниву.

Поютъ слѣдующую пѣсню, о которой сама пѣвица выразилась такъ: «Якъ идуць у жыта да пяюць йету святую пѣсню гурьбой, дыкъ вд якъ харашо, такій голасъ жаласный, да харошый».

Што-й на гарѣ на Раманавай
Стайиць церьква муливàпая,
Алилуй памилуй.
Што-й у той церкви
Прястдлъ стайиць,
На прястоли мацъ Марыя,
Алилуй, памилуй.
Мацъ Марыя сына радзила—
А радзиŷшы, папдŷ, дзякоŷ сабирала,
Алилуй, памилуй.
Сабраŷшы, йена рáду радзила,
Якдя йимъё налажыць.
Налажыли йимъё Святый Илья,
Мацъ Марыя няŷзлюбила,
И свѣчачки патушыла
И церькаŷку зачынила,
Алилуй памилуй.
Сабралисъ къ йой папы, дзяки, архирэйи,
Налажыли йимъё святый Иванъ Хрясціанъ,
Мать Марыя няŷзлюбила,
И церькаŷку зачынила
И свѣчачки патушыла,
Алилуй, помилуй
Сабралися икъ йой
Да дванаццаць папдŷ

Да двананцаць архирэяў,
Налажыли йимъё
Святый Хрыстосъ.
Алилуй, памилуй.
Мацъ Марыя спалюбила
И свѣчачки запалила
И церькауку атчынила,
На каленячки стала,
Алилуй, памилуй.
Йена Бога малила,
У свайомъ серцы
Радасць 'мѣла,
Што-й яйе сына
Хрыстомъ празвали,
Алилуй, памилуй.

(с. Гриденки, Стародубскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Гряная.

8-ая недѣля послѣ пасхи, вслѣдъ за духовыми святками, называется гряная.

Это «русальная недѣля». Народное воображеніе полѣсскихъ обитателей рисуетъ русалокъ нагими женщинами, которыя живутъ въ лѣсахъ, на деревьяхъ проводя время въ забавахъ, качаясь и завивая вѣнки на вѣткахъ. Это души некрещенныхъ младенцевъ.

На гряной нядзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана
Русалки сядзѣли (bis)
Халадокъ капали,
Ой рана рана
Халадокъ капали
Да-й дзѣвакъ гукали, [1])
Дзѣвачки—красачки, [2])
Дайця намъ сарочку,
Ой рана, рана,
Дайци намъ сарочку,
Сядзимъ у халадочку,
Да-й зауйомъ вяночки.
Ой рана, рана,
Да зауйомъ вяночки
Мы на ўси святыя
Да-й на духавыя,
Ой рана, рана
Да-й на духавыя.
Бабачки цётки
Дайця мнѣ намётки, [3])
Ой рана, рана
Дайця намъ нямётки.

(д. Водвинка, Мглин. у. со сл. 40 л. женщ. въ 1897 году).

Еще эта пѣсня поется съ слѣдующими измѣненіями.

На гряной нядзѣли
Русалки сядзѣли,
Ой рана, рана...
Халодокъ капали
Да й ня выкапали,
Ой рана, рана,
Тольки выкапали
Баравую вѣтку.
Баравая вѣтка
Ни красна, ни ясна,
Ой рана, рана,
Што-й крашы таго
Адарка у бацьки.
Ой рана, рана
Па двару хадзила
Бацькау дворъ красила,
Ой рана, рана
На ганки уступила,
Ганки асвяцила,
Ой рана, рана.
Ганки асвяцила.

(с. Разсухи, Мглин. у. со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

А ужо пѣўни папѣли,
А я дамоў ни-йшла,
Ужо-й другія пяюць,
Я й ня думаю ицидь.
Ужа заря узыйшла,
Я дамоу прышла
И свякруха разбурчалася,
А мой милый и 'зъ нагайкай идзьè,
Якъ ударыу мяне разъ,
Пакацились слезы, зъ глазъ,
Якъ ударыу у други,
Падламилися ноги.

---

[1]) звали [2]) краска-цвѣтокъ [3]) покрывало.

На гряной недѣлѣ нельзя ничего вить, крутить, гнуть, городить, кросны сновать. Изъ молодыхъ рѣдко кто теперь объяснитъ, почему чтятъ эту недѣлю Только кто нибудь изъ стариковъ объяснитъ, что «у старину прайцяць ня можна было на лясу за русалкамы. Качающа бывала да вянки уюць ...ну на гряной и всёредной йета ужо йихъ празникъ, во яны и ня любюць, штобъ работали и падшучавающь часта».

Если соберется нѣсколько человѣкъ, стоитъ только предложить вопросъ, почему на гряной у васъ не работаютъ, то каждый изъ присутствующихъ засыпетъ васъ разсказами, что случается въ хозяйствѣ, если кто вздумаетъ работать въ это время.

«О! йета нядзѣля ўредная, упрацўуння, я разъ дзѣлау рагачъ для сахй. Якъ акацнўся тыго гōду ягнёнакъ, какъ разъ якъ вы бачыця сахў, качанцца бурдюкомъ на спинѣ, а ножки у гōру, наурōдни сахи, да ци ни ягнёнакъ жа! жырный, поўный такій! Дўмау, дўмау, што тутъ дзѣлаць?... аджа муспу прырѣзаць, ня ѣсць жа ничого, дай-годзи»..

«Нѣ, баронь Божа што нѐбудзь дзѣлаць, усе на скацыни акажыцца, ни з'роду ня минецца, а цяперъ жа, звиняйцы, такая вясенняя уремъя, чито уськая скацинка у заняцци [1]), кароўка ужо цылна, авѐчачка тожъ»...

«Да во-й са мной у томъ гадў прыключылась аказія, начинаетъ разсказъ кто-нибудь изъ присутствующихъ: сагнуу я вязокъ къ санямъ, да яще тады и падумау: пусцякъ йета усё, болшъ ничого, якъ бабскія прихамацй. Што жъ бы вы думали! Тожъ авечка акацила ягнёнка, пара пяреднихъ ногъ ни даць, ни узяць—вязокъ: ножки сагнуты, ни магець хадзиць ни калеўца [2]). Жалка мнѣ стала ягнёнка; нѐчага дзѣлаць, зняў съ саней тэй вязокъ, што здѣлау и папасѣкъ на шматки. Глянуу у вечары на ягнёнка, ажъ йонъ ужо и пабрыкуя и ножки спрямились». «Нѣ, вы мянѣ паслухайцы, спѣшитъ добавить третій разскащикъ: «вотъ-то насѣкъ я абручōу, да тамъ жа у лѣси кругомъ пня и загнуу ихъ. Прыходжу йета у дворъ... Што такōя цьёлка ходзье кругомъ шулы, якъ дурная, якъ разъ якъ я хадзиу кругомъ пня, гнўушы абручы. Думау, думау, што рабиць? Узяў, да й пасѣкъ абручы и цьёлка атъишлась атъ шулы и стала сѣна ѣсць».

Затѣмъ слѣдуютъ безконечные разсказы о томъ, что случалось у сосѣдей, какъ у Платона цыплята крутились, потому что онъ лыки вертѣлъ. Какъ «покōйный бацька на всёряднай заверты гнўу», отчего сестра Аудоцця радзилась съ сагнўтай нагой; какъ Адарка Жураўцова сновала крōсны, и потому быкъ ходилъ, опустивши голову, отъ одного угла къ другому и т. д. и т. д.

Всѣ съ удовольствіемъ слушаютъ подобные разсказы и безусловно вѣрятъ имъ. «А я во што вамъ, брацпы, скажу, добавляетъ одинъ изъ подгородныхъ жителей г. Стародуба, «Гряная такова, кали хто йетаго ни примѣчая, работая сабѣ па цихиньку, ничōта яму зъ тагō ни бывая; а ни дай Богъ падумашъ абъ грянōй за работай, ци хто скажя кинь, ня раби на йетай нядзѣли, ну тады ужо яно ня пройдзя дарамъ».

Іюнь.

Слѣдующее воскресенье за Троицей на 9-й недѣли отъ Пасхи-праздникъ «Всѣхъ Святыхъ и заговѣны на Петровскій постъ.

Наша окраина отличается обиліемъ праздниковъ, не установленныхъ церковью. Наши крестьяне не работаютъ въ такіе дни, когда въ городахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и даже въ монастыряхъ не полагается никакого празднества. Назовемъ для примѣра нѣкоторые изъ нихъ: положеніе ризъ (т. е. перенесеніе хитона Христа Спасителя) нерукотвореннаго образа, Одигитрія, Тихвинской Божьей Матери, Св. Пантелеймона, Кузьмы и Демьяна и проч. По этому поводу существуетъ слѣдующій разсказъ: каждый разъ, какъ мужики являлись къ нѣмцу-управляющему съ докладомъ, что завтра праздникъ, нельзя работать, нѣмецъ сердился, но покорялся обычаю.

---

[1]) въ ожиданіи приплода [2]) крошка.

Наконецъ приказчикъ объявляетъ, что завтра праздникъ всѣхъ Святыхъ.

Обрадовался нѣмецъ: вотъ это очень хорошо, въ одинъ день всѣхъ отпраздновать и конецъ.

Но не въ продолжительномъ времени ему опять донесено было о предстоящемъ праздникѣ Ивана Купалы.

— Гдѣ-жъ былъ этотъ, когда недавно всѣхъ святыхъ праздновали, кричалъ онъ, потерявши всякое терпѣніе, ахъ, вы лѣнтяи! Оттого вамъ и ѣсть нечего, что вы все праздники себѣ дѣлаете.

Еще кромѣ церковныхъ праздниковъ крестьяне сами себѣ установили пятницы, въ которыя нельзя бабамъ прясть, а мужчинамъ пахать. Никто не раскажетъ вамъ, почему это, но всякій отвѣтитъ: у «пятьницу ни пашуць, ни намы йета заведзена, ни намы и кончицца».

Пятницу называютъ святою въ прискази:

Ейну, разгулялися сляпыя,
Проци пяценки святыя.

Бабы, большія любительницы «кляцьбы», если ее подозрѣваютъ напр. въ воровствѣ пряжи, клянется такъ:

«Святая пяцьенка, калѝ я яйе бачыла, павылѧзь мнѣ вочы, штобъ я свайго дзицьёнка ни разу болій ни пабачыла, штобъ мяне и самую такъ скруцила, акава тая пряжа, а хто яйе узяу, нехай таго за пяточки возьмя, штобъ йонъ и да вечара нидадыхау, хто яйе украу, нехай надъ тымъ вараньнё крахая».

Причину, почему въ пятницу не пашутъ и не прядутъ, между тѣмъ какъ прочими работами занимаются, мѣстные священники объясняютъ такъ: если татары заставляли и русскихъ князей кланяться своему Богу, то могли же они повелѣть, чтобы и народъ чтилъ и праздновалъ ихъ пятницу. Приказанія этого народъ, конечно, не слушалъ и, только завидя въ пятницу татарина, бросалъ свою работу. А такъ какъ громоздкую соху съ лошадью и гребень съ стойномъ [1]) трудно было тотчасъ спрятать, то и рѣшили по пятницамъ не пахать и не прясть.

Когда-же народъ узналъ, что въ святцахъ есть святая Параскева, нареченной Пятницы, тогда онъ день пятничный и Святую Параскеву соединилъ въ одно понятіе, а бабье воображеніе сдѣлало ее покровительницей пряжи. Они и теперь разсказываютъ что, «у якомся намастырѣ йикона святой пяцьенки бывая уся у пылу [2]), якъ бабы мычуць мычки и прядуць по пятницамъ».

12-го іюня Св. Онуфрія. Съ этого дня начинается посѣвъ гречки, которая, если уйдетъ отъ морозовъ—утренниковъ, то родитъ лучше, чѣмъ рожь.

24-го Ивана Купалы (т. е. рождество Іоанна Крестителя). Наканунѣ Купалы каждый домохозяинъ везетъ или несетъ выкопанную съ корнемъ осинку и кладетъ на ворота. Въ эту ночь ходятъ вѣдьмы, которыя боятся лишь осиноваго кола. По той же причинѣ хозяйка дома кладетъ съ вечера крапиву жигучку на окно кватырки [3]), «штобъ дьм п стрикала морду, якъ будзя лѣзть».

Вѣрятъ также въ расцвѣтаніе папоротника въ эту ночь, и кому удастся сорвать этотъ цвѣтокъ, того всѣ желанія сбудутся. Собираютъ знахарьскія [4]) травы, особенно кто водится съ нечистымъ. Есть напр. такая трава «любжа»; корень ея представляетъ двѣ руки съ растопыренными пальцами. Но бываетъ такъ, что эти пальцы «сощепнуты», вродѣ того, какъ иногда складываютъ на молитвѣ. Это и есть приворотное зелье. Если дать кому этого корня, то съѣвшій его полюбитъ васъ смертельно. Одна старуха расказывала и конечно, какъ это всегда бываетъ, увѣряла, что сама была очевидцемъ, якъ адна женщына хацѣла даць привордтъ пану, да передъ тымъ дли пробы дала каречнёкъ у хлѣби зъѣсць нищай павадырки. Што жъ бы вы думали? Дзяўчонка кинула свайихъ старцоу, пришла къ йой жиць, да-й кажа: цьётачка, я жъ

---

[1]) стойно—доска съ дыркой, куда вставляется гребень.
[2]) пыль. [3]) форточка. [4]) лѣчебныя.

якъ ни пабачу цябе, дыкъ гатова усё на сябѣ парвацъ, тошна мнѣ, нудна мнѣ, пакуль къ табѣ ни прыду». Эти самые корни въ видѣ растопыренныхъ пальцевъ есть отворотное зелье. По этому поводу слѣдуетъ такой расказъ: «а во жъ мужыку Адашки Зубаревой хто-сь дау атвардотъ, дыкъ йонъ яйе ни вочы ни успуская, бйў, праганяу зъ двара, адли яйе матка поѣхала ажны у Суражъ. Ой! Тамъ знахарь хорошій, йонъ такъ йой сказау: я худо́га ничога ня знаю, ну, по́мачъ чалавѣку дамъ. Дау йонъ йой ва́ды на тры зарй, а на чацьвёртую зарю кажа: йдзи у клѣць, тамъ надъ луткай у щѐлцы скручано валосься, вотъ ты тоя валосься вынь, да заразъ и спалй». Што жъ бы вы думали, посля йетаго стали такъ дружна жыць, якъ галубятки.

«Йосць, йосць худые людзи (и ни мало) продолжаетъ баба свой расказъ, што насыпаюць усякую усячыну. Ажа-жъ у Калодзезькахъ насланы были черви куды ни гляня хазяинъ —у муцѣ черви, у сали черви, дзежку баба craня мѣсиць—и тамъ черви. Дыкъ тэй хазяинъ да бацюшки хадзиу. Бацюшки атчитавау, малебинъ правиу. Да тыки йонъ зъ Барщова и знахаря прывозиу, дыкъ ужо ни знаю, атчаго́ получчила, ци атъ бацюшки, ци атъ знахаря».

Въ многихъ сёлахъ священники неоднократными запрещеніями вывели обычай раскладывать огонь подъ Ивана Купала, но въ иныхъ деревняхъ и по сіе время молодежъ собирается съ вечера, раскладываютъ костёръ гдѣ-нибудь на лугу близъ села, скачутъ, перепрыгиваютъ черезъ огонь, при пѣніи пѣсенъ купальныхъ:

Ой рана на Йвана
Проци Йвана ночка мала,
Ой рана на Йвана,
Идзѣ купала начавала,
Ой рана на Йвана
Начавала у чыстамъ по́ли,
Ой рана на Йвана!
У чыстамъ поли, у густомъ жыци,
Ой рана на Йвана
Што купала вячёряла,
Ой рана на Йвана
Вячеряла вареники,
Ой рана на Йвана
Чымъ купала запивала?
Ой рана на Йвана
Запивала гарэлачкай.
Ой рана на Ивана.

Трава «любжа» еще называется Иванова голова, растетъ она на лугахъ близъ рѣчки или болота. Вотъ къ ней и припѣвъ:

Иванава галава
У балоцы была,
Семъ дзёнъ скака̀ла,
Семъ дзёнъ вымякала,
Семъ дзёнъ высыхала.

Если этотъ припѣвъ относится къ головѣ Іоанна Крестителя, то можно предположить, что онъ сложился при введеніи христіанства, такъ какъ въ немъ видно озлобленіе язычника къ евангельскимъ событіямъ.

Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да тамъ яны заблудзились,
Ой рана на Йвана
Прыблудзились яны къ рѣццы,
Ой рана на Йвана
И къ рѣчаццы Дунаю,
Ой рана на Йвана
Прышлось дзѣукамъ Дунай плысць,
Ой рана на Йвана
Уси дзѣвачки пиряплыли,
Ой рана на Йвана
Сиротачки затонули,
Ой рана на Йвана
Прышли вѣсци да мачыхи,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сиротачки,
А жаль жа мнѣ сорочачки,
Ой рана на Йвана
Сорочачка пасканная,
Ой рана на Йвана
Паясочыкъ—матузочыкъ.
Ой рана на Йвана
Пашли дзѣуки у ягадки,
Ой рана на Йвана
Да у чорную смародыню,
Ой рана на Йвана

Да тамъ яны заблудзились,
Прыблудзили къ рѣчанцы,
Ой рана на Йвана
Уси дзѣвачки пиряплыли,
Ой рана на Йвана
Адна дзѣвачка затанула,
Ой рана на Йвана
Прышли вѣсця да рȍдныя маци,
Ой рана на Йвана
Ни жаль жа мнѣ сарочачки,
Ой рана на Йвана
Сарочачка альляная,
Ой рана на Йвана
Саяночыкъ мушкаваный,
Ой рана на Йвана
А платочыкъ шауковый,
Ой рана на Йвана
А жаль жа мнѣ дачушачки.
Ой рана на Йвана.

(со словъ 48 лѣтн. женщ. въ д. Барадинко, Мглинск. у. въ 1898 году).

Ой рана на Йвана,
Соньняйка йграла
Дзѣвачка ваду брала,
Ой рана на Йвана
У ваду упала,
А за йою козачанька,
Ой рана на Йвана
Хоча яйе рятаваци,
Ой рана на Йвана
Лу̂ччы буду, дзяучоначка—
Увадзѣ патапа̂цы,
Чым сь табою, казачынька,
Дружы̂наю ста̂ци
Ой рана на Йвана.

(отъ той же въ 1898 году).

Кромѣ священниковъ, въ настоящее время въ нѣкоторыхъ селахъ сельскіе старосты, какъ блюстители порядка и общественнаго спокойствія, стали запрещать раскладывать огонь на купалу. Но молодежь не можетъ отрѣшиться отъ стараго, любимаго обычая и, не смотря ни на что, все таки сборища устраиваются. Но вмѣсто костра отправляются гурьбой на огороды «красць цыбулю» (лукъ). И прежде всего выкапываютъ весь лукъ у батюшки, какъ бы въ отмѣстку за запрещеніе забавы. Недавно (въ 1897 г.) разбиралось у земскаго начальника дѣло по жалобѣ жителей д. Бородинки за кражу луку подъ Ивана Купала.

Что въ селахъ непремѣнно есть нѣсколько бабъ, которыя по временамъ «скидаюцца вѣдьмой» и ходятъ по ночамъ отнимать молоко у коровъ, въ томъ по деревнямъ и по сіе время рѣдко кто сомнѣвается. Кто изъ бабъ этимъ занимается, узнать по виду трудно; но если набрать золы съ костра на Ивана Купала и стать съ ней на «рȍстанькахъ [1]), сейчасъ сюда сбѣгутся всѣ сельскія вѣдьмы и будутъ просить отдать имъ золу. Вообще мѣсто скрещиванія переселочныхъ дорогъ считается мѣстомъ нехорошимъ, оттого и принято ставить тамъ распятіе и крестъ для устраненія сборища вѣдьмъ. Молоко отнимаетъ вѣдьма не у однихъ коровъ: такъ, побывавши къ гостяхъ у подозрѣваемой въ вѣдьмовствѣ, сосѣдки говорятъ: «яна мянѣ мытавала [2]) малакомъ частаваць, да я гребую ѣсць, затымъ, што тамъ ужо у яйе каровы и соба̂ччa и коша̂ччa и кабы̂льля, усякая малако, тоя, што яна ходзя па начамъ да атымáя».

Вообще коровы считаются очень «урȍшливы», стоитъ ее похвалить, позавидовать количеству молока или только посмотрѣть завистливымъ окомъ, т. е. сглазить, то она тотъ же вечеръ не дастъ молока «ни рȍсачки».

Поэтому, всякая старается пронести доёнку съ молокомъ такъ, чтобы туда «Божа храни» кто ни заглянулъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ каждая увѣряетъ сосѣдку, что ея корова «трясца дае̂». Попроситъ ли ребенокъ при комъ нибудь чужомъ молока, хотя бы молоко было въ изобиліи, но хорошая хозяйка при постороннемъ лицѣ даетъ большею частью отвѣтъ въ родѣ слѣдующаго: «пагуляйжа сынокъ, молока?—подоимъ быка», и затѣмъ говоритъ въ сторону: «мая корова хваробу» таго малака дайе̂, тольки што даёнку памочышъ и кашы нечымъ забялиць!»

[1]) на перекрестныхъ дорогахъ.
[2]) пробовала.

Или, напримѣръ, такого рода разговоръ: «Приходитъ кума Домна къ кумѣ Ганнѣ. сидятъ во дворѣ на «сѣняшномъ» парози [1]) гамо̀нюць, и видя передъ собою рыжаго теленка Домна кажа: да якая жъ, кума, твайя цьѣлачка пригожынькая, поунинькая, якъ гурочыкъ, а у майю, дыкъ хто яго вѣдая, баки чагось пауцяга̀ла».

«Ганна: нѣ, кумачка, йега жъ твой бычокъ сюды зайшо̀у».

«Во нячыстая сила, а мнѣ жъ то прычудзилась! Якій йонъ тамъ жырный, хтобъ и пра̀уду падумау, у яго жъ вонъ маглы тарчаць, такій нифудалый чагось урадзйуся.

Если хозяйка слышитъ, что хвалятъ ея скотину, или даже ребенка, то сейчасъ же сама про себя шепчетъ: «соль табѣ у вочы, галауня у зубы» и старается три раза плюнуть.

Петро̀вка.

Іюньскій постъ передъ Петромъ и Павломъ (29-го Іюня) называется «Пятро̀ука». Этотъ постъ совмѣстно съ спасовскимъ постомъ передъ Успеньемъ, въ народѣ характеризуется такъ: Пятро̀ука—галадо̀ука,—Спа̀саука—ласаука.

По истинѣ голодовка—это вѣрно.

Еще съ великаго поста бабы жалуются што ні съ чымъ къ пеццы приступицца: усё бульба, да бульба, да и тая нищимная, но дальше—еще хуже. Вскорѣ послѣ пасхи и бульбу прыкончили, а што засталась—то пасѣяли. Доѣли и варево, значитъ—въ погребѣ ни бураковъ, ни капусты, и потому и борщу не съ чего варить. «А ну, зирьнемъу клецъ, ци ни ма тамъ чаго?—у дзѣжку съ крупамы шкрабъ [2]) увалиуся, а у бочку съ аржаной мукой и дауно». Значитъ, за провизіей ни въ погребъ, ни въ амбаръ не ходи. Взамѣнъ всего Богъ весной посылаетъ щавель на лугахъ, его то и варятъ въ соленой водѣ и «затаукаюць крошкой сала, а у каго сала нема—зибяляюць малакомъ, это и есть борщъ, то-есть пребезвкусная похлебка. Но и безъ этой за̀пиуки—сухой хлѣбъ жевать было бы неприглядно—а тутъ «сербанешъ цёплаго и на жывацѣ якась удабнѣй стано̀вицца».

Когда же наступаетъ Петровка, то провіантъ еще сокращается, и остается одинъ ща̀вель, который «хоць и атварытъ и будзье йонъ цёпленёкъ»; но заправить ни саломъ, ни молокомъ нельзя, затымъ, што грѣхъ, тольки жыды, да паны ѣдзяць у постъ скаро̀мная. И вотъ для этого у нихъ съ Марта мѣсяца въ погребѣ заготовленъ березовый квасъ. Къ этому времени выростаетъ на грядахъ лабода, которую тоже отваривають, разбавляютъ березовымъ квасомъ и тогда получается холодецъ, благо на дворѣ въ Іюнѣ довольно жарко, а потому уже «халодная якась пріятнѣй на живацѣ». И вотъ изо дня въ день всю петровку хлѣбъ и холодецъ, холодецъ и хлѣбъ и т. д. Единственной доступной приправой къ такой лабодѣ съ квасомъ могъ бы служить лукъ зеленый, но въ нашей землѣ съ глинистой подпочвой корнеплодныя растенія плохо родятъ, и потому изъ нашихъ бабъ только кое кто садитъ лукъ, и то въ такомъ маломъ количествѣ, что его, какъ любимое лакомство, сейчасъ же дѣти и свои и чужіе повытаскиваютъ и поѣдятъ.

Ну, какъ тутъ при такой скудости не залѣзть въ чужой лѣсъ и надрать хоть лыкъ на покупку съѣстного для подкрѣпленія. Вотъ, дождавшись базарнаго дня и «навёзъ йонъ по̀у воза лазы и дзесяць копъ лыкъ. То-то гостинцевъ въ дворъ навезъ! «Акрамя аржанай муки яще цѣлый пукъ зялёныя цыбули. Во натаукли бабы перъяу [3]), трохи пасалили, да и ѣли уси съ хлѣбамъ, такъ смашна, што ажны за вуша̀мы трящыць. Яще привезъ тры хунты шпана, то ужо дли дзицёнка, а яще жъ дисятакъ таранакъ купиу». И вотъ по этому варится борщъ изъ той же лабоды и

---

[1]) На порогѣ въ сѣняхъ.

[2]) Когда въ пустую дежку опуститъ руку или посуду, то она поскребетъ дно, «шкрабня».

[3]) Зеленые стволы лука.

квасу и на ведерный горшокъ расталкивается одна полутора копеечная рыбка. «Ядзяць и спасибкаюць, во слава Богу хоць трохи жывоть папарыць, а то усё йетый халадзецъ, да халадзецъ, ужо кiшки папримываy; бизъ гарячаго, па йетамъ щаумо и ногъ ня пацягнишъ, абрыдъ ужо йетый халадзецъ». Бабы въ Петровку заготовляютъ сухой соленый сыръ къ маслянкѣ, складываютъ его въ дежку и сверху, во избѣжанiе плѣсени, заливаютъ масломъ въ палецъ толщиною. Которая же изъ нихъ соберетъ трохи маслячка, то опять таки «ни дли свайой души», а скорѣй его свѣженькимъ« прадасць ци панамъ, ци жидамъ, да й хлѣбца купя».

Оттого-то въ Петровку мало и пѣсенъ слышится, развѣ какой нибудь подростокъ съ юной радости затянетъ пѣсенку, рвавши щавель, да скоро и затихнетъ.

На просьбу спѣть онъ отвѣчаетъ:

У Пятроуку усе ни прыгожыя пѣсни, кароткiя, ни складныя.

Однако же какiя?

Да ну—йихъ! Тамъ йетыя дзѣуки пяюць:

Кацилися вазы зъ гары,
Разсыпались перени,
Минулися дзявицкiя
Пятроуськiя пѣсни.

Ѣхали вазы зъ гары̀,
Разсыпались иглы,
Минулися дзявдцкiя
Пятроуськiя йгры.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда).

Во йету пяюць:
Я жыта пасѣяла,
Майо жыта рȍдзя,
Я казака спалюбила
Йонъ да мяне хȍдзя.
Я ни стала жыта сѣяць,
Ни стала радзици,
Пиристала казака любици,
Ни стаy йонъ хадзици.
Я табѣ ни зяць,
А ты мнѣ ня цьёща,
Вышли дачку на вулицу,
Уцьешъ майо серца.
Вышла дачкà на вулицу,
Стала падъ вярбою,
Нихто яйе ни чапая,
Пашла яна у двȍру.
Катилися вазы̀ зъ гàры,
Паламались сьпйцы.
Пашли нашы рыбятачки
На украйину жы̀ци.
Пойшла жъ бы я даганяти,
Да боюся мати.
Била мине мая мàци
У нȍваи камнàци.
Ня би, мàци,
Ня би, мàци,
Цяперь ни навучышъ,
Спалюбила лидачаго,
Цяперь ни разлучышъ.

(Отъ 18-ти лѣтн. дѣвки, въ с. Михайловкѣ, Стародуб. уѣзда).

Хаджу, хаджу кала стàну,
Вады̀ ни дастану,
Сватай мянѣ, разсукинъ сынъ,
Ня уводзь у худу славу.
Хаджу, хаджу кала гаю,
Гаёчыкъ ня гнецца
Прȍйдуць лѣта малады̀е,
Славачка минецца,
А я худой славы
Па вѣкъ ни баюся,
Ну, якъ выйду за вороты,
Атъ вѣтру валю̀ся.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда).

29-го Iюня Петра и Павла. Разговѣны. Говядины за неимѣнiемъ таковой не полагается, развѣ у кого курочка ильлецца (т. е. несетъ жировыя яица), тогда зарѣжутъ ее; разговляются же больше «кароунымъ», т. е. молочнымъ.

Въ этотъ день съ каждаго двора несутъ пастуху кувшинъ молока и нàвадзень хлѣба, въ то время, когда онъ возлѣ своей хаты начнетъ трубить въ трубу изъ бересты.

Іюль.

1-го числа Козьмы и Демьяна. Это простонародный измышленный праздникъ, такъ называемый Кузьма-сѣкачъ, который не щадя посѣчетъ все градомъ, если въ этотъ день работать.

Лѣтомъ, когда все земледѣльческое богатство сдано подъ открытое небо, въ охрану Божію, крестьянинъ съ надеждой и боязнью взираетъ на собирающіяся облака: поднимется ли вѣтеръ, зайдетъ ли солнышко въ хмару, уже у него болитъ сердце: «ци ня градавая туча, нехай Богъ крыя».

И дѣйствительно, какъ не бояться такой кары, которая въ одинъ часъ можетъ безъ всякой жалости уничтожить всю лѣтнюю работу и все годовое продовольствіе. Оттого, въ лѣтніе мѣсяцы, особенно въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ самую рабочую пору, народъ старается чтить каждый праздникъ, боясь прогнѣвать какого нибудь святого. Въ Іюлѣ у нихъ насчитывается одиннадцать праздничныхъ дней, плюсъ четыре воскресныя и еще тезоименитство Государыни (22), что составитъ 16 праздниковъ, итого изъ 31 дн.=16 надо прогулять въ самую горячую, страдную пору.

2-го празднуютъ «риз-палаженьня» положеніе ризы пресвятыя Богородицы.

8-го «Казаньскія»—Казанской Божіей Матери.

10-го то же «риз-палаженьня» Положеніе ризы Господа Іисуса Христа.

11-го Вольги, т. е. Св. Ольги.

15-го Владымира—т. е. Св. Князя Владиміра.

20-го Ильли пророка. Этотъ день особенно чтятъ, боясь прогнѣвить пророка, который ѣздитъ по небу и производитъ громъ, градъ и проч.

22-го Тезоименитство нынѣ вдовствующей Государыни.

24-го Глѣба—Бориса, т. е. Бориса и Глѣба. Празднуютъ этихъ святыхъ только по случайному созвучію словъ Глѣбъ—хлѣбъ и возвели его въ покровители хлѣба и въ этотъ день особенно боятся града и грозы.

28-го Ягитрія, т. е. Одигитрія иконы Божіей Матери.

30-го Ивана-воина. Если желаютъ наказать и отмстить злѣйшему врагу и обидчику, то нанимаютъ священника отслужить молебенъ Ивану-воину, который послѣ молебствія пошлетъ обидчику страшное наказаніе.

На сѣнокосахъ.

Съ уборкой сѣнокосовъ у насъ не торопятся. Начинаютъ косить не раньше 10-го Іюля. Ждутъ, чтобъ трава пастарѣла, оттого, что такое сѣно, говорятъ они, спорнѣй, чѣмъ съ молодой травы и «скацына здаравѣй на живацѣ».

Падкашòна, падвалёна
Трàвушка зялёна,
Стала трàука пасыхàци,
Тумàнъ палягаци,
Дрòбинъ дòжджыкъ закурыуся,
Пàрынь зъ дзѣвицай злюбиуся,
Йонъ и вòлячки рàшыуся [1]).

Охъ и што каму за дзѣла,
Што дзѣвачка съ парнямъ сѣла,
Яна сѣла, пасядзѣла,
Пѣсянки запѣла,
Пра лѣсъ пра дубрòву,
Пра зялёную мурòву,
Траука зяленàя—дзѣука маладàя.

(въ с. Росухѣ въ 1897 г., отъ 65-лѣтн. женщины).

---

[1]) Отрѣшился.

Што-й у лѣси, да й на сѣнакоси
Парнишачка да траву кося,
Ѣжъ, мой коникъ, траву зиляную,
Привяжешъ мнѣ у дворъ
Жану маладую,
Харошую да прыгожую,
Вумную да разумную
Маладую да Адарачку.

(Отъ той же въ 1897 году).

Идзѣ зь милымъ пастаяла
Тамъ траука павяла.
Што—й—за мостамъ
Трава кустамъ.
Прышоу милый
Травы касиць
Да—й стау гаварицъ:
Бадай сѣна—агнёмъ сѣла
Каса зламилася,
Да штобъ мая Тацяначка
Да—й—ни журылася.
Зъ бацькамъ, зъ маткай пасварюся,
Гриха набяруся,
Зъ милымъ дружкомъ
Сустрѣнуся, ни нагаварюся.

(д. Водвинки, Мглинскаго уѣзда, въ 1896 г. отъ 60-лѣтн. женщины).

На жнивѣ.

Жать жито и косить сѣно начинаютъ у насъ между 10-мъ и 15-мъ Іюля.

Передъ жнивомъ въ полѣсьѣ рѣдко у кого есть свой хлѣбъ. И купить его негдѣ. кромѣ, какъ у «жида», который беретъ на каждомъ пудѣ по гривеннику лишняго.

А между тѣмъ, купленный хлѣбъ «крѣпко не спорень», зато его ѣдятъ уже якъ просквурку [1]), миркуюць [2]), чтобы хватило до новины, и ждутъ, не дождутся «пакуль жита паспѣя»...

Иная, проголодавшись, не прочь бы нажать и зеленоватаго, но ей этого не позволятъ, потому что, по народному повѣрью, стоитъ хоть разъ «рязануць сярпомъ, нажаць хоць жменьку ни у уремья,—жита станя сохнуць и высыпацца».

Наконецъ давно желанный день насталъ, чуть разсвѣтало, всѣ потянулись съ серпами. Оставаться во время жнива дома по какой бы то ни было причинѣ и скучно и досадно. Каждая считаетъ за удовольствіе поскорѣй стать въ ряды «жанцоу». Не мёдъ ждетъ ее тамъ, но она любитъ свою страдную пору и ее тянетъ на ниву...

Тяжко съ ранней поры до поздняго вечера проработать серпомъ, согнувши спину, подъ палящимъ знойнымъ солнцемъ, но она никогда не промѣняетъ полевого труда на домашній, потому что въ чистомъ полѣ, на просторѣ, ускользаютъ временно и горькія думы и мелкія хлопоты о насущномъ. Остается, какъ кристалъ одинъ чистый трудъ безъ заботы.

Не даромъ въ одной жнивной пѣсни поется.

«Я тутъ заначую
И журбы нипачую».

Ой дамоу, дамоу [3]),
На дварѣ ни рана
Расица прыпала.
Дамоу ни пайду,
Я тутъ заначую
И журбы ни пачую.
Якъ ляжу я спаць
Падъ липавымъ кустамъ
Падъ шырокимъ листамъ,
Рукау пасцялю,
Другимъ напрянуся,
Я й никого ни баюся,
Тольки я баюся,
Што—й Господа Бога,
Да свайго нилюбога.
Гасподзь—Богъ высока,
А не любъ далёка.
Гасподзь—Богъ у свѣци,
А не любъ у клѣци.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 40-лѣтн. женщины въ 1897 г.).

---

[1]) Просфору. [2]) Расчисляютъ. [3]) Домой.

Долгъ и однообразенъ жаркій день на жнивѣ. Ни звука кругомъ... Безъ конца, колеблясь, шумятъ желтые колосья и убаюкиваютъ жницу тихимъ шелестомъ. Оттого подъ часъ нападаетъ на нее такого рода напасть, дремлется ей, бѣдной... она и сама не рада, но наклонитъ ея голованьку ко сну, какъ клонитъ спѣлый колосокъ къ замлицѣ, а заснешъ—на сусѣдняй палосцы будуць смѣяцца. Въ этомъ случаѣ одно лѣкарство—пѣть, и вотъ является пѣсня, по неволѣ тянетъ она ее заунывнымъ напѣвомъ, какъ тянутся страдные дни, которымъ «нима ни канца, ни беряга».

Въ этихъ пѣсняхъ содержаніе берется изъ обыденной жизни, гдѣ большею частью злобой дня является всегдашній непримиримый врагъ: свекровь и вся мужняя родня.

Была у мяне свякруха лиха,
Паслала мяне маладу
У поля адну,
Я малада—адна баюся,
Ни такъ баюся,
Якъ жаць лянюся.
Я жыта ни жала,
А усе лижала.
Прашнулась—ужо ни рана,
Стала жаць,
Стала пилнавацъ [1])
Нажала дзьвѣ капы и чатыри (снопа).
Пашла у дворъ—пахвалилася,
Ой мацъ, мая мацъ,
Я умарылася,
Якъ глянула у хату
Схамянулася [2])
На поли дзиця прызабылася,
Растакая ты, прайетакая,
Идзи, сука, б . . . дь,
Дзицятки шукаць.
Иду я поля, и другоя,
Усходжу я на трецьце,
Стаяць пялачки,
Висяць люлячка,
Кала тыя люлячки
Да тры нянички сѣрыя:
Адзинъ кажа: я забавляю,
Другій кажа: я калыхаю,
Трецьцій кажа я спавиваю,
Хто забавляу, тэй ручку зламау—
Хто калыхау—тэй ножку атарвау,
А хто спавивау, той саусимъ украу.

(с. Росуха, со словъ 30-лѣтн. женщины въ 1898 году).

Ажанила удоука [3])
Старшаго сыночка,
Узяла нявѣстачку
Ни у нарау сабѣ,
Ни на бѣла лицо,
Ни на чорны бровы.
Паѣхау сынъ у дарожачку,—
Маладая жана—у сьцьепъ лену брацъ,
А ня родная матушка
Стала яйе клясць.
О сьцьепъ, ты мой сьцьепъ
Стань далинаю,
Маладая нявѣстка,
Стань—былинаю.
Пріѣжджая сынъ зъ дороги
Да—й—пытая сваю матухну:
Ой, мацъ мая, матухна,
Да йдзѣ-жъ мая жонушка?
Твая жана у сьцяпу лёнъ бярѐ,
Охъ я тамъ у сьцяпу быу,
И жаны ни видау,
Тольки—й—видау я
Тонкую былиначку,
Ой сынокъ мой, сынокъ,
Бяры ты сякѐру [4]),
Да ѣдзи у далину,
Да—й—сьсяки былину.
Першъ [5]) цюкнуу—нахилилася,
У други цюкнуу—павалилася.
У трецьци цюкнуу—абъявилася.
Ай, мужъ ты, мой мужъ,
Я твая жана.
Йета твая маци
Такъ нарабила,
У сьцьяпу былинаю
Да—й нарадзила,
Нашихъ дробныхъ дзѣтачакъ,
Да—й пасирацила.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщ. въ 1896 г.).
(Ст. Шейнъ блр. пѣсни, т. I, ч. 1, стр. 399, № 486, 484, 489).

---

[1]) Усердно работать. [2]) Опомнилась.
[3]) Вдовы. [4]) Топоръ. [5]) Сперва.

Голубъ сызынькій—дружокъ миленькій
Завезъ мяне маладу на чужую старану,
Идзѣ роду нема, вялика семья,
Вялика семья вячерацъ стала,
А мяне маладу—паслали па ваду,
Къ вадзѣ ишла—сильна плакала,
Ваду чэрпаушы, умывалася,
Своимъ шытымъ рукавомъ утиралася
А у сѣни выйшла—прислухалася,
Што вялика семъя гаворя:
Вялика семъя мужа навдзя,
Чаму ты жаны ня бьешъ, ни дзярешъ?
За што яйе бицъ?—што умѣя рабицъ?
И усимъ наравицъ?
Пашла жана у клѣцъ,
Мужъ за йою у слѣдъ,
Зьдзѣу [1]) съ крюка плецъ,
Стау жану сѣчъ.
Узяу цапокъ,
Стау жану бицъ,
Ни папау па жанѣ,
Да па новай сцянѣ,
Новая сцяна увагнулася,
Маладая жана уляккулася [2]),
Сильна крѣпка яна занядужала [3]),
А къ нядзѣли у начы
Богу душачку атдала.

(Отъ той же въ 1896 году).

Якъ паѣхау мой мужикъ
Гарду—пахаци,
Напахау-жа йонъ гарду
На гряду квасоли,
Да—й—прыѣхау да доманьку.
Стау жонку прасици—
Идзи, жонка, идзи, любка,
Квасоли садзици.
Пасадзила я квасолю
И пайшла да дому,
Заглянула у шыночыкъ
Сядзицъ мужъ съ кумою,
Няужо-жъ [4]) табѣ, кума мая,
У дварѣ нима дзѣла,
Што-ты зъ майимъ чалавѣкамъ
У шинку засѣла?
А я свайо, кума, дзѣла
Яще учора парабила,
А я твайго чаловѣка
Дауно спалюбила.
Идзи, жонка, идзи, любка,
Вячерю варыци,
Стау яйе мужычокъ
Да сильна прасици,
Наварыла барщу—кашы
Усё поуныя чашы,
Атвярнулась у куточыкъ,
Паплакала трошки,
Нагнулася къ полу—
Упёрлась палою.

(с. Задубенье, Мглинскаго уѣзда, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 г.).

Якъ пайду я лугамъ,
Мой миленькій паша плугамъ,
Панясу яму я ѣсци,
Ци ня скажа йонъ мнѣ сёсьци,
Панясу яму я пицъ,
Ци ня будзя гаманицъ [5]).
Йонъ наѣуся и напиуся,
Сѣу на плугъ да—й—зажурыуся,
Атчаго ты, милъ, заплакау,
Ци ты лѣта свайи утрациу,
Ци вылѣзли табѣ вочи,
Ци ты сватау мянѣ ноччы?
Было свѣтла запалици,
У сусѣдзій распрасици.

(д. Новые Ивойтенки, со словъ 22-лѣтн. женщины въ 1899 года Мглинскаго уѣзда).

Извиуся хмѣль
Зъ берёзаю зилянώю,
Нажыуся Лявонъ
Жъ жаной маладою.
Нанасиуся сарочакъ бялёнькихъ,
Штаноу альлянёнькихъ.
Богъ яму дау
Жану маладую
Сямъю висялую:
У поля идуцъ,
Якъ пчелки гудуцъ,
Да усё баравыя.
Сы поля идуцъ—
Пѣсянки пяюцъ,
Да усё жниуныя.

(отъ той же въ 1899 году).

---

[1]) Снялъ. [2]) Испугалася. [3]) Заболѣла. [4]) Неужели. [5]) Говорить.

Што—й вы мушки, комарыки майе,
Ни отъ кусанья галава мая балйць
Атъ галдуки бѣла личанька [1]) гарыць
Што—й—гарыць, яно гарыць,
Свайму горю—наравиць.
Охъ и хто-жъ майму горю памджа
Охъ и хто-жъ майго дружка угаворя?
И хто-жъ яго съ пдударбги верня? [2])
Ахъ! вярнись ты, мой миленькій дружокъ.
Пойдзимъ мы у зялёнинькій садокъ,
Тамъ мы сядзимъ падъ ракитовымъ кустомъ,
Пагаворымъ пра жецьцё, быцьцё свайо,
Пра вяликую любду, якова любоу на свѣци цижала,
Разлучила насъ ни мѣсяцъ, ни заря,
Разлучила чужа далня старана
Да Маскоуськая слабада.

(Со словъ 45-лѣтн. женщины въ д. Жуково, Мглинскаго уѣзда въ 1897 году).

У Кіяви малчыкъ радзйуся,
У Пяцянбурси [3]) йонъ хряцйуся,
У дзярѣунюшку жыць папау.
Найшли на Ванячку забдты,
Дзиряденьскія работы,
Йонъ и ночку мала спау,
Па Пйцяру гаривау,
Якъ паслала Йвана маци
Яравого жыта жаци.
Узыходзя Йванъ на нйуку,
Бярѣцца за каласйнку,
Важка Ваня уздыхау,
Ни снапочка ни нажау.
Найшла на Йвана скука,
Парѣзау йонъ бѣлые руки,
Палилася нѣжна кроу,
Яго сударушка прыбяжала,
Платкомъ руку завизала,
Штобъ кроу ни цякла [4]),
Пайду къ матушцы далажуся,
Ка сударушки спрашуся,
Ты пазволь мнѣ, мая мацъ,
Къ сударушки пагуляцъ.

(д. Шапочка, отъ 22-лѣтн. женщины въ 1898 году, Мглинскаго уѣзда).

Бѣлая бярёза пры шляху стаяла,
Што—й тую бярёзу—хто йдзе, тэй рубая,
Мяне маладу свёкаръ бьецъ, ругая,
Охъ Божа, мой Божа, милъ мяне нялюбя.
Са мной ня гаворя,
Вечаръ кудры чэша,
У пдуначъ гуляць ходзя,
А къ свѣту прыходзя.
Йонъ лажыцца спацьки
У край—карватки [5]),
Къ сцянѣ вачамы,
А ка мнѣ плячамы,
Да—й цяжка уздыхая,
Охъ Божа-жъ мой, Божа,
Хто мянѣ разуя,
Хоць разъ пацалуя.
Миленькій дружочыкъ,
Хадзи, я раззую,
Хоць семъ пацалую.
Атступися, ня любая,
Йосць у мянѣ другая.

(Отъ той же въ 1899 году).

Въ д. Лупекахъ предъидущую пѣсню поютъ такъ:

Што мнѣ горя гареваньняйка,
Цижалёнькая уздыханьняйка,
Цижалѣй таго ня будзя,
Да што мужъ жаны ня любя.
Йонъ ня любя, ни жалѣя,
Сы вечара кудры чэша,
Сы пауночы гулящь ходзя,
Къ бѣлу свѣту прыходзя,
Ой што стукъ пастукъ у вароты,
Ой да брязь па брязь калечка,
Жанѣ шельми ни славечка.
Атчиняй, жана, вардты,
Идзьё миленькій зъ рабдты,
Што—й дми [6]), жана, лучину,
Станоу жана вячэрю,
Сьцяли мяккую пасцѣлю.
Сюды, миленькій, разую,
Я й разую, я й раздзѣну,
Зеленъ кафтанъ разьвѣшу.
Атступися, ня любая,
Йосць у мяне другая.
Хоць у цябѣ тры чатыра.
Я надъ йимы надъ усимы,
Я надъ йими и старшая и болшая,
Я съ тобой на одномъ рушничку стаяла,
Вѣрна Богу прысягала.

(со сл. 40-лѣтн. женщины въ 1899 г. въ д. Лупекахъ, Стародубскаго уѣзда).

---

[1]) Лицо. [2]) Воротитъ. [3]) Петербургъ. [4]) Отъ сл. течь, текла. [5]) Кроватъ. [6]) Дуй.

Падъ гарою авёсъ,
А на гарэ жита.
Падъ бѣлаю барёзаю
Казаченька убитый.
Йонъ убитъ, убитъ,
Укинутъ у жыта,
Чырвонаю китайкаю [1])
Личанька накрыта.
Прышла дзяучына
Щъ чорными вачами
Падняла китайку
Да й пацалавала,
Прышла другая,
То ни такая.
Прышла трецця
Зъ рубленыя хаты,
Падняла китаячку
Да й стала пытаци:
Ци ты пьянъ упиуся,
Ци съ каня звалиуся,
Ци зъ другой спазнауся,
Атъ мянѣ тцурауся.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

Литала сѣрая пиряпёлка
Да па жотаму полю,
Шукала сѣрая пиряпёлка
Свайго гнядзѐчка,
Идзѣ ляжала яйе яйѐчка,
Идзѣ дзѣтки сядзѣли,
И у налётъ паляцьѐли.
Хадзила бѣдная сирацинка
Па багатаму полю,
Шукала бѣдная сирацинка
Свайго роднаго бацьки,
А знайшла студзеную вадзицу
У рубляномъ калодцу.
Ускалыхнися вада
У рублёнамъ калодцу,
Аттукнися, мой бацюшка,
На чужой старонцы.
Ни скалыхнулася вада
У рубляномъ калодцы,
Ни аттукнууся бацюшка
На чужой старонцы.

(с. Човпня, Стародубскаго уѣзда, со словъ 59-лѣтн. женщины въ 1899 году).
(См. Шейнъ, блр. пѣсни. Стр. 256. № 285, 284. Стр. 424, № 520).

Ой ты, силязѐнька крылушки быстреньки,
Галоука сызѐнька,
Праляци поля шырокае, жыта ядрёная,
Приняси бацькаву нѣгу
Къ ня любаму свёкру,
Што—й у свекра мяне
Якъ анучкаю [2]) труць—
Свёкрава лютасць
И у дзвери ня лѣзя,
А бацькава нѣга,
Якъ жаркая соньняйка.

(Отъ той же въ 1899 году).

У поли пшаница
Каласочки клича,
Коласамъ махая,
Голасамъ гукая—
Хоць мянѣ сажниця,
Хоць у стволъ пусциця,
Ни магу стаяци,
Коласу дзиржаци,
Красная дзяучына
Па двару хадзила,
Зъ бацькамъ гаманила—
Хоць мянѣ атдайця,
Хоць зяця прымайця,
Ни могу хадзици,
Русыхъ косъ насици.

(д. Жигалки, Стародубскаго уѣзда, со словъ 18-лѣтн. дѣвушки въ 1895 году).
(См. Шейнъ, бѣлор. пѣс. Т. 1, ч. 1, стр. 193, 194. № 196 и 197).

Съ весны дѣвки поютъ пѣсни про милыхъ дружковъ. и бабы, конечно, дѣвицкихъ пѣсенъ не поютъ; но на жнивѣ и тѣ и другія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни. И любимая пѣсня о нелюбомъ свёкрѣ.

Ни шалохня да буёнъ вицяроцчыкъ
Па багатому полю,
Ни кахохня [3]) няродная маци
Па чужому дзицяци,
Ня пытая, ци вялика дарожка,
Ци баляць ручки ножки,

[1]) Марля. [2]) Тряпкою. [3]) Не вздохнетъ.

Цы балиць сярѐдзинка, [1]?
А яна пытая,
Ци багата нажала,
Сколькп копъ наклала?
Вѣя вицярочыкъ
Па чыстаму полю,
Журыцца рòдная мàци
Па свайму дзицяци,
А яна пытàя,
Ци багата нажàла
Кòльки копъ наклала?
А яна пытàя:
Ци вялùка дарòжка,
Ци балЯць ручки ножки,
Ци балиць сярѐдзинка?

(с. Кожемяки, Мглинскаго уѣзда, со словъ 19-лѣтн. дѣвки въ 1899 г.).

Расьцѐ трава безкарѐнная,
А я малада—безрóдная.
Тольки у мяне рòду,
Што адзинъ свёкаръ.
Бицъ—журЫць
Мяне йосць камỳ,
Пажалѣцъ мяне нѐкаму.
Свѐкарька рòдный, тàтухна!
Пажалѣй мяне хоць ты трошачки!
Свёкарька жалѣя:
Вòжачки бярѐ,
Мяне бòлна бъйе.
Набѝуши бòлна,
Самъ у пиръ пашòу.
У пиру сядзиць
Выхваляйицца:
Дòбре биць чужòя дзицЯ,
Чужоя дзиця ни супòрлива [2]),
Яно у споръ няйдзець
Ни т'бивяйицца,
Тольки слёзками
Абливайицца,
Ой дау жа мнѣ свекаръ крали,
Крали добрыя.
Нявѣстухна, ты дзица майо,
Няси крали, ни развàзывай,
Цярпи горя—ни разсказавай!
Свёкарька, рòдный тàтухна,
Панасѝуши крали,—развязаць трѐба,
Цярпѣуши горя—разсказаць трѐба.

(Отъ той же въ 1899 году).

Вѣцяръ вѣе,
Трàуку суша,
Игнатъ жану жỳря:
Жана мая Парасачка,
Жана мая Иванауна,
Ни вино—ни упивайся
Расьци дзѣтакъ—ни стàрѣйся
Дзяржи хазяйства—ни журЫся.
Игнацячка, ты, Данѝлавичъ,
Пиушы медъ—вино, пъянъ будзишъ,
Расциушы дзѣтакъ—будзишъ старицца
Дзиржаушы хазяйства журлѝу будзишъ

(Отъ той же въ 1899 году).

«На дабрàначъ да-й Гòсподу Богу!
Жыта ядрёная, добрый вечаръ!
И свёкру й свякрỳси
И ня любаму дрỳзи!»
А нихто маладзѣ [3])
Слова ни прамоуя,
Серца ни ражжаля. [4])
Прамовила малада
Ня любаму дружыни
У вòвай каморы,
На бѣлинькамъ ложы,
Свекруха й кàже:
Вы бярниця, да на калỳ у руки,
Праганиця са двара
Лютаю мядзьвѣдзицу».
«На што мяне биць
Я сама зъ двара пайду,
Ручки защапнỳушы,
Къ серцу прилажиушы.
Сяду я на бѣлай бярёзи
При пуцѝ при дарòзи,
Ня буду я кукаваци,
Якъ сѣрая зязюличка.
Да буду я праклинàци
Свекра и свякруху
И ня люба друга,
Няси, Божа, тучу грамавỳю
Зъ буйными дажджàмы,
Уби Божа свекра и свякруху
И ня люба друга,
Свёкра у дарòзи,
Свякруху на парòзи
А ня любага лада
У новай каморы,
На бѣлинькамъ ложы.

(Отъ той же въ 1899 году).

---

[1]) Спина. [2]) Не сопротивляется. [3]) Молодой. [4]) Разжалобить.

Зѐлина, зѐлина калѝначка у лу̀зи,
Йена зѐлена зломлина.
Хто жъ яйе злама̀у?
Салавейки—вирябейки,
Усё мелкія пташки.
Мо̀лада, мо̀лада Арыначка у бацьки,
Йена малада̀ заручо̀на,
Хто-жъ яйе заручы̀у?
Пано̀уйе, сватоуйе,
Усё дзяуныя баяры
Прыѣхали къ йой
На варо̀номъ канёчку
У мулыва̀номъ вазочку,
Зъ маладымъ парянёчкамъ,
Пасадзили у вазочыкъ
Зъ маладымъ парянёчкамъ.
Павязли яйе усе лугамы, бирягамы
Калинавымъ мо̀стамъ.
Привязлѝ яйе у сяло̀ вялѝкая
Къ бага̀таму ка двару.
Да и вышли жъ и къ йой
Свекаръ и свякруха,
Зало̀уки лютоуки,
Дзивяречки—браточ̀ки
Стали яйе витаць [1]) и пыта̀ць
Ума прахаждаць.
Ци умѣешъ, Арыначка,
Чо̀рнымъ шо̀укамъ шыць
И зо̀латамъ вышивать?
Я ня умѣю чо̀рнымъ шо̀укомъ шыци
И зо̀латамъ вышыва̀ци,
Тольки—й—умѣю
Йядрёная жыта жа̀ци
У ко̀пачки класьци.

(Со словъ той же въ 1899 году).

Што у поли ни буёнъ вѣциръ вѣя,
Тамъ удоука да пшаничаньку сѣя.
Пасѣяушы, яна Бога прасила:
Кали жъ бы мая да пшаница урадзила,
Тады жъ бы я свайго сына жанила.
Яще удоука да да дому ни дайшла,
Да ужо-жъ яйе да пшаничанька узыйшла
Яще удоука да на ла̀уцы ня сѣла,
А ужо-жъ удоукина да пшаница паспѣла.
Пашла удоука да пшанѝчаньки жа̀ци,
Якъ выжала пирялёлачку зь дзѣцьмы
Дзѣтки жъ майе, да прапала жъ я зъ вамы,
Матка наша ня журыся ты намы,
Парасуцьмъ жа мы,—паляцимъ жа мы са̀мы,
Паляцимъ жа мы, да на синяя моря, на жаутыя пяски.

(Въ 1858 году заучено мною отъ 20 лѣт. дѣвк.).

Ня вѣйця вы, вѣтры,
Зъ гары да до̀му
Съ чы̀стаго по̀ля
Ни наносьцы, вѣтры,
Майму та̀тухни вѣсци,
Мамухни жалосьци,
Што-й-жыву я ни у любо̀сци
Ни жыву—гарюю,
Усё бяду бядую.
Закурыуся сѝленъ дробинъ дождж̀ыкъ
Па бага̀таму по̀лю,
Зажурыуся мой татухна ро̀дный
На свайой старонцы,
Па майой го̀рькой до̀лцы.
А курысь, ни ку̀рысь, дробенъ дождж̀ыкъ,
Па жо̀утому полю,
Журы̀сь, ни журысь, мой та̀тухна родный,
У канцы карватки стаю̀,
Пасцьелячки ни сцялю.
Ужо жъ мая пасцьелька
Атъ слёзакъ макрэнька.
Ужо̀-жъ майо адзѣяла у нага̀хъ ляжыць,
Ужо мая разлука у галоуках̀ъ стайиць
Мянѣ разлуча̀я.

(с. Горяны, Мглинскаго у., отъ 18 лѣт. дѣвки, въ 1899 г.).

---

[1]) Привѣтствовать.

Да ни запякай,
Ты жаркая сонца,
Майго бѣлаго лица,
Да майо лицо
Бизъ бялила бѣла,
Бизъ красила-красна.
Бѣлилячка—да на моры,
Кримлячко—у каморы.
Ну-ця—ну-ця, ще папилнуйця
Вячерняй парой,
Халадкомъ зъ расой,
Сярпомъ—ни касою.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18-лѣт. дѣвки, въ 1898 г.).

У вѐчары у вечарóчку
Гнала дзѣвица кардо́у,
Спусцилася къ ручаёчку,
На зялёнинькій лужокъ
Ѣдзя барынъ маладый,
Параунауся са мной.
Раскажы-ка ты, дзяучо́нка,
Съ котораго ты сяла̀?
Изъ Пятроускаго сяла̀,
Я хрисцянка твая.
Кали ты мая хрисцянка,
По́йдзишъ замужъ за мянѣ,
Што-й-ня можна таму стаць,
Штобъ па̀ну хрисцянку узяць.
Ой пабачышъ ты сама,
Якова твая судзьба:
Ты сы вечара хрисцянка,
Къ бѣлу свѣту гаспажа.

(Отъ той-же, въ 1898 г.).

На закаци жаркая соньняйка, на закàци,
На выѣздзи мой милинькій, на выѣздзи,
Стала я свайму мѝламу да прыказавацъ—
У вяликій хмѣль, мой милинькій, ни упивайся,
У вяликій сонъ, мой милинькій, ни усыпайся,
У вяликую любо̀у ни удава̀йся
Вяликій хмѣль, мой милинькій, бизгало̀уйе,
Вяликій сонъ, мой милинькій—низдароуйе,
Вяликая любоу, мой милинькій, абгаво̀рьря [1]).

(с. Манѣки, Новозыбковскаго уѣзда со словъ 25-лѣт. женщ. въ 1897 г.).

Августъ.

1-го числа праздникъ «Мака̀уя» т. е. Макавеевъ. Послѣ литургіи крестный ходъ и водосвятіе на рѣкѣ. Съ этого дня начинается спасовскій постъ. Это и есть: «спасаука-ласаука». Кромѣ того, что теперь въ каждомъ дворѣ есть свой собственный новый хлѣбъ, уже и картошка поспѣла—маладая янажъ смашна. На грядахъ и буракъ и капуста и гуркѝ у гародниковъ ни па чёмъ. Теперь уже дѣлаютъ холодецъ изъ свеклы и крошатъ туда огурцы. Это довольно вкусное блюдо. А кійки [2]) пареные развѣ не харчъ, благодареніе Господу Богу! Затѣмъ нѣкоторые нажали и намолотили ячменю. Бабы скорѣй натолкли въ ступѣ ячменныхъ крупъ, прапылали ихъ въ ночвахъ и наварили ячменной каши (жидкій супъ).

Надо замѣтить, что всѣ эти столь лакомыя кушанья приготовляются тоже нищимныя», т. е. ни съ чѣмъ, по той причинѣ, что «у спасоуку» малоко и сало—грѣхъ ѣсць, а алѣю яще нема.

6-го Спасъ—Преображеніе Господне. Приносятъ святить въ церковь жито и яблоки. Бабы до Спаса не ѣдятъ яблокъ, особенно тѣ, у кого есть умершія дѣти, а то въ этотъ день: «тамъ на нёби дзицьенку ни дадуць яблачка, штобъ матка да спаса няѣла».

15-го Первая Прячыстая. (т. е. Успеніе Богородицы). День разговѣнъ. Ѣдятъ больше молочное, или съ саломъ свиннымъ. Во всеобщемъ употребленіи «маканьня», т. е. горячія ржаныя пампушки, облитыя творогомъ со сметаною.

18-го Храли-й-Ла̀уры т. е. Фрола и Лавра. Этотъ день чтятъ, и въ нѣкоторыхъ селахъ устроены храмы во имя этихъ святыхъ.

29-го Усѣкновеніе главы Іоанна Крестителя. Постъ; не ѣдятъ фруктовъ, которые имѣютъ подобіе головъ.

[1]) Осужденье. [2]) Кукуруза.

Въ среднихъ числахъ Августа жниво приходитъ къ концу. Вотъ настаетъ моментъ, когда какая нибудь семья дожинаетъ послѣднее жито.

«Пакинуць на бараду!» Командуетъ старшая. Серпы торжественно складываются. Всѣ становятся передъ недожатымъ мѣстомъ, бьютъ земные поклоны, прочитываютъ повседневныя молитвы, и затѣмъ старшая невѣстка сжинаетъ оставленную бараду въ одинъ снопъ, на корнѣ оставляютъ три колоска и завязываютъ ихъ красной ниткой и снова благоговѣйно молятся. Подъ конецъ зарываютъ тутъ же краюшку хлѣба съ слѣдующими словами:

Ннука, нnука, атдай сваю силку
На ниву—гнаёкъ,
На скацинку—лаёкъ, [1])
А намъ на добрая здарбуя.

Во время крѣпостничества, да и теперь въ большихъ экономіяхъ жницы изъ послѣдняго жита плетутъ вѣнокъ и торжественно несутъ его къ владѣльцу помѣщику или управляющему съ пѣснями:

А мы свайму пану
Учынили славу:
Усё жыта пажали
И у копы паклали,
Аткутайця варòты,
Идземъ мы зъ работы,
Раставляйця сталы цясавые,
Вынасиця миски, тарелки
И па чарцы горэлки

(Заучено мною въ 1858 г. со словъ дворовыхъ).

У добраго пана за вѣнокъ полагалось угощеніе. На собственномъ же полѣ крестьянамъ некогда заниматься этими пустяками, они несутъ снопъ домой и ставятъ его на покутѣ, потомъ обмолачиваютъ и прячутъ зерна къ слѣдующему году, чтобы 6-го Августа на Спаса освятить его и святымъ житомъ засѣять первую полосу.

Обжинки—это такое радостное хозяйственное празднество, что его требуется чѣмъ нибудь ознаменовать: вотъ къ вечеру въ этотъ день и принято печь ситные пироги съ кашей или картофелемъ. Но какъ ни просто это кушанье, на повѣрку оказывается что оно не по карману земледѣльцу въ данное время, именно потому, что всегда жито дожинаютъ въ спасовъ постъ, когда по деревнямъ «нима ни росочки алѣю, а пираги нищимные, якавы йены». Такимъ образомъ оказывается, что нужда и обычай измѣняетъ.

Однако и послѣ обжинокъ бабской спинѣ нѣтъ отдыху: треба жаць ячмень, авесъ, прòса, гречку качаць и затѣмъ приступать къ прочимъ осеннимъ работамъ.

Въ погожую осень поютъ онѣ на работахъ осеннія пѣсни, въ родѣ того напр.

Грэя, грэя соньняйка
Ни па лѣтняму,
Любя паринь дзѣвачку
Ни па прежнаму

(с. Разсухи въ 1899 году, отъ 18-лѣт. дѣвки).

Осеннія работы въ деревнѣ всегда одна спѣшнѣй другой. Пойдутъ ли дожди, хозяинъ: «Божа жъ мой, гречачка у поли пагніець, а йета жъ самая надежная харчъ и скацини и сабѣ. «Житныя и яровыя копы бьютъ въ полѣ чужіе кони,—некогда перевезть на гумно, потому что «хлѣбъ ни атсѣянъ».

Но вотъ проглянуло солнышко, стало на пагоду, и задвигался, закопошился народъ въ полѣ, какъ мошки. Везутъ, несутъ, тащутъ зимніе запасы въ дворъ, какъ мурашки къ муравейнику, а все для того, чтобъ было что «въ лѣвую руку взять [2]).

Весь Августъ, начиная отъ Спаса (6-го) и пашутъ и сѣютъ хлѣбъ къ будущему году и не мало положатъ труда и прольютъ пота, прежде чѣмъ вскорпаютъ свое и примитивной сошкой всю эту площадь, видимую глазомъ на горизонтѣ. Но вотъ наконецъ бросаетъ онъ послѣднюю горсть сѣмянъ въ землю, забараниваетъ и многотрудному дѣлу конецъ. Кладетъ онъ на своемъ полѣ двѣ горсти соломы крестомъ, накладываетъ камушки, чтобы вѣтеръ не сдулъ, снимаетъ шапку и усердно молится: «зарадзи, Божа, и на крадящаго и на прасящаго и на усякаго добраго чаловѣка».

[1]) жиръ. [2]) въ лѣвой рукѣ хлѣбъ, а въ правой ложки.

Это—обработки, весьма радостный праздникъ во дворѣ.

На обработкахъ къ «вячерѣ пякуць пираги ржаныя, рѣжуць баранчыка бяруць съ кварту водки и завуць свайихъ харошыхъ сусѣдзей.

Такъ какъ осенью народъ сытъ, то и пѣсни то и пѣсни раздаются гораздо чаще, чѣмъ весной.

Наляцѣли журавы
Изъ чужыя стараны,
Сѣли, пали на ральлй [2])
Да—й раскàзавали:
Сягò лѣта плохій годъ,
Плòха жыта, плòха ярь.
На раннямъ жыци
Да жанцы жнуць,
А на познямъ
У косы бьюць.
Дурный бацька
Дурнямъ стàу,
Што другую жòнку узяу.
Йонъ съ первàю дзяцей мау
А зъ другою разагнàу.
Ходзя бацька па дварỳ,
Нахилиушы галавỳ,
Живи-жъ, бацька, якъ Богъ дау,
Кали дзяцей разагнау,
Якъ будзишъ ты памирàць,
Ня пойдзимъ мы паминаць.

Горя майо вялйкая,
Зъ горя ножачки ня хòдзюць,
Ручки дзѣлячка ня рòбюць,
Мянѣ дзѣвочку здурыли,
Съ плечъ галовачку звалили,
Зь бѣла лица красачку змянили.
Мянѣ милый пакидàя
У дарòжку атъѣжджàя,
Якъ вышла я у чыста пòля
Ляцицъ голубъ сизакрылый
И пытая: йдзѣ твой милый?
Мой миленькій на рабòци
У сахарнамъ у заводзи,
Идзѣ днỳя, йдзѣ начỳя
Возьмя тапоръ, да-й-майстрỳя.
Яго хазяинъ панукая
И хазяйка наругая,
Усё треба цярпѣць.

(с. Жуково, Мглинскаго у., со сл. 40-лѣт. женщины, въ 1896 г.).

Съ весны крестьяне наши ходятъ на заработки на Донъ. Осенью возвращаются, и не рѣдко жена или невѣста вмѣсто своего милаго получаютъ вѣсть о его смерти [2]). Оттого слѣдующую пѣсню поютъ непремѣнно «падъ восень».

Шуме гудзе зялёная дубрòука,
Плача и рыдая маладая удоука.
Уси зъ Дону идуць,
А майго милàго каня вядуць.
Пайду, пайду, каня разсѣдлаю,
Пра свайго дружка распытàю.
Охъ ты, конь мой, сивогрывый,
Скажы праўду, йдзѣ мой милый?
Твой милъ убитый ляжыць,
У правай руцѣ хрестъ дзяржыць,
Лѣвою вадỳ набирая
Да на серца паливая,
Таварышу рѣчи размаулàя—
Тавàрышу, рòдный брàцику,
Якъ пойдзишъ ты на маю староначку,
Накажы ты майму роду,
Ни такъ роду, якъ майой жанѣ,
Маладой удовачки,
Нехай яна мянѣ не жджэ!
Нехай замужъ идзе,
Пакуль мянѣ даждецца,
У волю у свѣци нажывецца

(Со сл. 25-лѣт. женщины, дер. Шапочка, въ 1896 г.).

См. Шейнъ, Бѣл. пѣс., т. I, ч. 1, стр. 479, № 590.

Уси лугй и балоцяки вада папилà,
У садзи игруша, яблыня цвѣтамъ зацвила,
Той парой, у тòя уремьячка мянѣ маци радзйла,
А, радзиушы, матухна дòли ни дала,
Ни давялà да разума, у чужы людзи атдала
У тую старонку низнакòмую,
У тую сямъю ни вяселую.

---

[1]) паренина, т. е. смѣна подъ паромъ.

[2]) это конечно старая казацкая пѣсня, тутъ же и конь говоритъ. Ред.

Якъ скинусь я, малада, сѣрай зязюляй,
Палячу̂ я, малада̂, у сваю старо̂нку
Сяду я, малада, у бацькавамъ садочку,
Да закукаю зязюличкай сѣрай.
Ро̂дный мой бацюшка
Па сѣнямъ ходзя,
Нявѣстушакъ, ластушакъ пабуджа̂я
И къ садзику прыслуханцца.
Што-й у нашамъ садзику
Жалабно пяюць
Ци саловьюшка, ци зязю̂ля сѣрая?
Бо̂лшый братъ ка̂жа: пайду падстрялю
Сяредній ка̂жа: пайду пагляджу̂,
Мязёный кажа: пайду йой скажу:
Кали салавейка—вылятай съ саду вонъ,
Кали наша горькая—хадзи къ намъ на дворъ,
Сядзь ты горькая за тясовый столъ,
Раскажы ты, бѣдная, пра свайо жыцьцё.
Радзимый мой бацюшка, што я вамъ скажу
Зелянъ лѣсъ, дубровачка бизъ вѣтру шумицъ
Чужый ацецъ—мацъ бизъ пары жу̂рюцъ.

(д. Жуково, Мглин. у. со сл. 45 лѣт. женщ. въ 1895 г.)

Што-й за гаемъ зиляненькимъ
Брала дзѣука лёнъ бялѐнькій,
Яна брала, къ сырой зямли прилягала,
Горьки слёзы праливала:
Охъ лёнъ, мой лёнъ ты бялѐнькій,
А хто-жъ цябѣ сѣйиу? мой миленькій
Парнишачка маладзѐнькій,
Чую, чую я пядолиньку сваю,
Што ня быць яму у даму̂,
А быць мо̂лайцу у някруцкамъ у набо̂ры
У салдацкамъ у прыбо̂ры.

(д. Невзорова, Стародубскаго у. отъ 55 лѣт. женщ. въ 1896 г.)

Мядуница, мядуница луговая!
Чаго ни цвяцёшъ па усёмъ лу̂зи, па зялёнамъ?
Якъ жа я буду цвѣсть па усёмъ лу̂зи,
Мошки цвѣцики абъядаюць,
Вады корни падмыва̂юць,
Маладзица, маладзица маладая,
Учомъ ня ходзишъ на вулицу на шырокую?
Якъ жа мнѣ на вулицу хадзиць
Што свякруха кажа—сакатуха, растанцы̂ца,
А залоука кажа—лида̂чая пахмурни̂ца
Свекаръ кажа—мядьвѣдзица лисавая,
Милый кажа—маладзица маладая.
Саро̂ка сакатуха на падъ ко̂льлю,
Растанчыца дачка̂ у бацьки,
Пахмурни̂ца—цьёмна ночка цямнюсинька,
Мядьвѣдзица у цёмнамъ лѣси цямню̂синькомъ.

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. со сл. 40 лѣт. ж. въ 1899 г.)

Па полю, па полю
Полю чыстаму
Тамъ бягуць, бягуць
Ваукй сѣрыя,
Нясуць галаву чалавѣччу.
Тамъ па морю, морю синяму.
Тамъ лижаць брусы,
Брусы цёсанные,
Што-й па тыхъ па брусахъ
Братъ съ сястрою ишо̂у.

(с. Кожемяки, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣт. дѣвки въ 1896 году).

Въ с. Гарянахъ, Мглинск. у. поютъ какъ бы продолженіе вышепомѣщенной пѣсни, записано въ 1899 г. отъ 19 лѣт. дѣвки.

Братъ кы бережку йшоу,
Сястра патану̂ла,
Рѣчы мовила:
Ня пи, брацецъ, зъ моря вады̂,
То усё кроу̂мая
Ня ѣжъ, брацецъ, зъ моря рыбы,
То усё цвела майо.
Ни каси брацецъ травы̂,
То каса мая,
Ни ламай калины,
То краса мая,
Ни щипли смародзины,
То дзявощина мая.

Сентябрь.

6-е «Чу̀ды», т. е. Чудо св. Архистратига Михаила. По церковному уставу праздника не полагается, а потому священникъ никогда объ этомъ днѣ и не напоминаетъ прихожанамъ. Но народъ своихъ собственныхъ излюбленныхъ праздниковъ никогда не забудетъ.

Память неграмотнаго крестьянина есть самый точный и вѣрный календарь праздниковъ текущаго года. Крестьянинъ ведетъ свое счисленіе времени недѣлями и хоть за полгода и болѣе онъ вамъ разскажетъ, въ какой день недѣли будетъ извѣстнаго ему святого, когда заговѣнье, длиненъ ли мясоѣдъ, сколько недѣль Петровки въ этомъ году. Особенно бабы, эти архиваріусы всѣхъ предразсудковъ, никогда не ошибутся въ своихъ вычисленіяхъ, и заранѣе всегда объявятъ: «што у чацвѣргъ будуць чуды».

Причины празднованія слѣдующія: кромѣ боязни градобитія у крестьянъ есть еще стихійная боязнь огня и пожара; вотъ и придумали они себѣ праздникъ: значитъ, нельзя сушить овинъ, молотить: «Божа храни, нильга тапиць печку да васхода сонца, а то агонь, вылятая съ печи, скача па хаци, ажны чутна якъ вымауляе: чуды, чуды, чуды. Тиды ужо, якъ хто йосць у хацѝ, треба стишицца и утаиць духъ. Агонь пагуляя, пагуляя, да назадъ у печки и пойдзя. Такъ и на гумнѣ бывая, хто асмилицца у йстый дзень цяпло класць.

Въ нашихъ мѣстахъ, хотя рѣдко, но можно еще найти остатки преданія о поклоненіи огню. Въ д. Выстриковѣ, Стародубскаго уѣзда еще недавно умеръ старикъ, который «непрямѣнно клауши цяплò надъ авинъ, пирядъ тымъ якъ запалицъ агонь снимау шапку и хрестицца и кажа: .. да а Бог-дра». Если вамъ удалось бы вызвать его на откровенность, то на вопросъ, кому ты говоришь: дай Боже здравствовать? онъ отвѣтитъ: «Каму? Пѐруну, съ агнемъ ни вяликія шутки! Такъ старые людзи дзѣлали, и насъ навучыли, штобъ благапалучна былò съ агнёмъ, а то крый Божа чаго и гуменца сгарыць».

Возлѣ деревни Галибисова, Стародубскаго уѣзда есть мѣсто, усѣянное курганами, гдѣ крестьяне находятъ иногда изъ чернаго кремня предметы, выдѣланные на подобіе плоской ложки съ заостреннымъ концомъ. Они называютъ этотъ предметъ и «грамовая стрѣла». Если ее сохранять въ домѣ, то въ хозяйствѣ и во всемъ прочемъ будетъ великое счастье: «багатства будзя нязводная», при одномъ только условіи, если только стрѣлу хранить въ тайнѣ и никому не показывать.

Что преданіе о Перунѣ и богѣ грома живетъ еще и теперь, видно изъ слѣдующаго предразсудка, въ связи съ христіанствомъ: для того, чтобы водились пчелы, слѣдуетъ изъ дуба, разбитаго громомъ, сдѣлать крестъ и поставить въ пасѣкѣ.

Когда послѣ свадьбы везутъ молодого съ молодой, то передъ дворомъ раскладываютъ огонь, дружкò съ помощью прочихъ бояръ тянетъ коней и телѣгу съ молодыми непремѣнно черезъ огонь, чтобы имъ Богъ послалъ благополучную жизнь.

8-е. Другая Прячыстая, т. е. Рождество Пресвятыя Богородицы.

14. «Здвигъ» Воздвиженье Креста Господня. Въ этотъ день «уси гады, змѣй и вужы, здвигаюцца умѣста [1]) и хаваюцца у землю: послѣ йетаго дня у лясу ни пабачышъ ужо ни воднай гадзины».

26. Іоанна Богослова.

На храмоущыни

(на восяни).

Не смотря на усиленныя работы, осень для крестьянина — самое благоденственное время года уже потому, что онъ всегда сытъ: хлѣбъ пока не покупной, поспѣваетъ вся городина, садовина. Подростаютъ ягнятки, такъ что «кой кали даводицца и мясца спробывацъ».

---

[1]) Вмѣстѣ.

Оттого они и любятъ назначать престольные праздники храмовъ, непремѣнно осенью: Храмовщину празднуютъ два, три дня.

Наканунѣ, среди села варятъ въ казанѣ «брашный» [1]) медъ. Въ каждомъ дворѣ рѣжутъ барана или подсвинка. Съ окрестныхъ селъ пріѣзжаютъ гости.

Однако, по заведенному порядку и обычаю и до сихъ поръ: «бизъ гарэлки и праздникъ ни у праздникъ», а потому ее пьютъ во храмовщинѣ, не мѣрявши.

Самыя дорогія гости—это выданныя въ чужія села замужнія дочки, которыя «наспытаушы нужды и ни салодкай жысци у чужой сямьѣ, ляцяць якъ птушачки у бацькоу дворъ».

Это для нихъ самый свѣтлый, самый радостный и желанный день въ году.

Про поѣздку въ праздникъ къ батькѣ, поетъ она даже пѣсню:

Што-й сьпадъ лѣсу, лѣсу цёмнаго
Выхадзила туча грозная
Сы дажджàмы, сы марòзамы,
Сы вяликими прыгрозамы:
Той парою, у йета урэмъячко
Дочка къ бацьки у госци ѣхала
Яна ѣхала, ни даѣхала,
Сярёдъ лѣсу станавѝлася,
Яйе лошадзь старапѝлася,
И павòзка абламѝлася.
Якъ падъ кусцикамъ яна садзилася,
Съ салавьёмъ яна рàду рàдзила:
Саловьячка, дробна пташачка,
Ты ляци у маю старонку,
Накажы майму бацюшцы
Й роднай майой матушцы,
Што бяда са мной прыключылася.

(с. Росуха, Мглинск. у. въ 1898 г. со словъ 25 лѣт. женщ.).

Слѣдующія пѣсни поются также на храмовщинѣ:

Вясёлая бясѣдачка,
Идзѣ тàтухна пье.
Йонъ пье, йонъ веселъ,
Радзѝмый мой,
А за мной маладой
Паслòу шлѐ.
А я маладзюсенька
За вỳцямы, за гусямы
Забарѝлася.
Дòуга вỳтки, гỳсачки
Па биряжку пахàджывали,
Халодную вадзицу прыкỳшавали,
Зяленую травачку пащыпавали.

(д. Жуково, Мглинск. у. въ 1895 г. отъ 40 лѣт. женщ.).

Пиця, дзѣуки, мёдъ, гарэлачку,
А я буду вадỳ пиць,
Што-й у свѣци бѣднаму
Да-й худа пражыць.
У майго тàтухны
Да усё жицячка рòдзя,
А у мянѣ у бяздòлнай
Кукалѝна да мятлѝна.
Трэба мнѣ жыта жаци,
Кукалину выбираци
Да-й зъ нялюбымъ вѣкъ каратаци.

(Отъ той же въ 1895 г.).

Навар̀у брàцецъ салòдкаго мёду,
Зазваỳ сястру багàтую,
А убòгая сама прышлà
Богатую пасадзѝу на пòкуци,
А убогую на прѝпечку,
Багатую мёдамъ частỳя,
Низванная вадйцу пье.

(Отъ той же въ 1895 году).

Охъ вы, столики майе, вы цясовенькіе,
Охъ вы, госцяйки майе, вы любдуненькіе
Да чаго жъ вы сядзицьё,
Хлѣба—соли нѝ йясцьё,
Кали хлѣбъ пушòнъ—яг вѝпалаю,
А хазяйинъ ни вяселъ, у яго прауды вы-пытаю.

(Отъ той же въ 1898 году).

---

[1]) Отъ слова брацщина, т. е. общество, гдѣ есть храмовой праздникъ.

Ой што-жъ то за гадзѝна,
Што свой свайяго ни навѝдзя.
Мужъ ня любя жаны нядўжыя,
Братъ сястры убо̀гія.
Прышла систра къ брату у госци,
Якъ ступила на калитачку,
Врацецъ глянуў у кватырачку,—
Прымай, жана, абѣдъ са стала
Идзець къ намъ сястра мая.
Госця йета пачула,
Цижалёнька уздыхнула, да й заплакала—
Ня бойсь, бра̀цецъ, ни лякайся,
И съ абѣдамъ ни хавайся,
Да цябѣ я прышла ни абѣдаци,
А хацѣла цяби я атвѣдаци.

(Отъ той же въ 1895 г.)

Ой шумъ, драка да на вўлицы,
Пайду, браццы, я наслўхаю—
Сынъ зъ маткай болна бро̀нюццы,
И онъ бро̀ницца, съ двара гоня:
Идзи, матка, зъ майго двара̀,
Ужо ты мнѣ надокўчыла,
Жану маю ты вы̀сушила,
Майихъ дзѣтакъ пазнабила.
Пашла матка зъ двара̀ пла̀чучы,
На цапо̀чыкъ [1]) папира̀ючись,
Слязьмы абливаючысь,
Идзе поле, йдзе друго̀я
И усхо̀дзя яна на дарожку.
Шуме, гудзе шляхъ даро̀жка
Сынъ за маткай на вздагонъ ѣдзѐ—
Вярнѝсь, мая мамухна, назадъ дамо̀у,
У мянѣ у дварѣ пищасцяйка,
Здохъ у мяне конь вароный,
А жана мая у блудъ пашла,
А дзѣтачки по міру.

(с. Росуха, Мглин. у. со сл. 60 лѣт. жен. въ 1895 году).

Разгарѣлася калина
Пирядъ со̀ньняйкомъ сто̀ючы.
Расплакалась дачўшачка
Пирядъ татухнай стаючы̀—
Татухны та мой ро̀дненькій,
Ни жалѣй ты сыно̀у—сакало̀у,
Пажалѣй тваю дачўшачку,
Я дачушачка—гарюшачка
У бацьки жыла, го̀ря бачыла,
Замужъ пайшла—ще—й—пагоряла,
Журбы-кло̀пату [2])—ще—й—пабо̀лила.

(с. Жуково, Мглин. уѣзд. со сл. 30 лѣт. женщ. въ 1897 году).

Съ вўлицы, съ пирявулачку
Саколъ вылетау,
Зъ друго̀го съ правўлачка—сакалйца.
Дачка̀ бацьку праважджала,
Слязьмы̀ плакала,
За слязàмы дарожки ни ба̀чыла,
За узрыда̀ньнямъ славечка ни прамо̀увила.
Во, табѣ, бацюшка, праважаньняйка,
Цижала̀я уздыханьняйка,
Нешта табѣ, татухна, ни жаль мянѣ,
Ци ни знайишъ, якаво за пъянымъ быць,
Пьёць пъянюга—ни упивайицца,
Прыдзя дамо̀у—надругайицца,
Пасѣкъ майо цѣла бѣлая,
Падрау майо пла̀цця цвѣтная,
Пабиу майю̀ гало̀вачку буйную,
Падрау маю кашулю кра̀мную
И надъ вѐнамъ майимъ надсмиха̀йицца.

(Отъ той же въ 1897 г.)

Ни увазна̀ла мая маць,
За каго мянѣ атда̀ць.
Атдала мянѣ маць
За горькаго пъяницу.
Пьёць пъяница нядзѣлю,
Пьецъ пъяница другўю,
А я зъ йимъ гарюю.
Паслала мянѣ маць
Пъянѝчаньку заганяць.
Якъ уда̀рыу мянѣ разъ,
Пакацились слёзы зъ глазъ.
Якъ уда̀рыу у дрўги,
Скацилася зъ даро̀ги,
Прапо̀ю жъ мой, прапо̀ю,
Прапала жъ я съ табою.
Прапйу каня и сядло,
Прапйу майо усё дабро̀,
Прапйу вала̀ и карову,
Прапье й мяне чарнабро̀ву.
— По̀льна, мила, галасйць,
Идзи печку тапйць.
На што мнѣ яйе тапиць,
Кали нѐчаго варыць.

(Отъ той же въ 1897 г.)

---

[1]) Палочку.

Што-й на дварѣ дожджыкъ
Пацисе́сеньку рамо̀вя.
Братъ зъ братамъ гамо̀ня —
Мы паѣдзимъ, брацецъ,
Къ сястрѣ у го̀сци,
Якъ атда̀ли—ни вида̀ли.
Падъѣжджаюць къ новымъ варо̀тамъ,
Систра па двару хо̀дзя,
Варано̀га каня у рукахъ во̀дзя.
Ѣдуць госци дарагія,
Два майе браты радные.
Падажджыце, майѐ браццы,
Пайду къ миламу спрашуся.
Устань, милый, прабудзися,
Ѣдуць госци дарагія—
Два майе браты радныя.
— Атступися, ня любая,
Мнѣ твайе браты ня любы.
Идзе сястра сь цирямо̀чку,
Сыпля слёзы, якъ зъ рукавочка,
Ѣдзьця назадъ, майе бра̀цацы,
Ни кажыця ацу—мацы,
Што вы у сястры пабыва̀ли,
Хлѣба соли ни вида̀ли.

(с. Жуково, Мгл. у. въ 1894 г. со сл. 45 л. жен).

Харашо таму у свѣци жыць,
У каго на серцы пичали нѣтъ,
У галавѣ заботушки,
У ряцивамъ сѐрцы—зазнобушки.
Вышла замужъ зи нядалаго,
Узяу йонъ мяне, якъ рябиначку
Ссушу, жжурую на былиначку
Сама млада я у грѣхъ пайду,
Цябе, сукина сына, иссушу и жжурю,
Ссушыўшы, ижжурыўшы,
У гробъ палажу.

(д. Невзорово, отъ 30 л. женщ. въ 1894 г.)

На праходзи вяселыя дни,
Наступають тёмныя но̀чы:
Темна но̀чка—дѣукамъ сухата̀.
Суша жўря парень дѣвицу:
Скажы, дѣвачка, прауды ни патдо̀й:
Вѣрна любишъ, али, дѣука, нѣтъ.
— Люблю, парень, одного̀ тябе,
За то жъ я люблю, што близка жывешъ,
Харошо хо̀дишъ:
Сапожачки ў тябе на рыпа́хъ,
А зѐлинъ кахтанъ увесь на твитахъ,
Пухо̀вая шляпа съ паулинымъ няромъ,
Пирчатачки щъ чыстымъ сирябромъ,
А самъ ты, дружо̀къ, чарнабро̀у.

Стародубск. у., с. Михайловскъ отъ 20 л. дѣвицы.

Октябрь.

Въ этомъ мѣсяцѣ мало праздничныхъ дней, только 1 числа «Пакро̀у Прясвятыя Багародзицы».

До глубокой осени крестьяне этой мѣстности заняты уборкой конопли. Въ ихъ хозяйствѣ это единственный продуктъ, который идетъ въ продажу и приноситъ отъ 25 р. и до 50 р. доходу. Богачъ же получаетъ по сотни съ конопли и пеньки. Но вѣдь это почти весь его годовой доходъ. Надо расплатиться и съ тѣми, у кого «пазычйу вясной на хлѣбъ», и въ казначейство взнесть «падзямелныя» и проч. казенныя недоимки и прожить съ семьей на эту сумму круглый годъ.

Впрочемъ, сверхъ того иной (не изъ бѣдныхъ), конечно, имѣетъ еще рублей на 10—15 овса, которымъ не балуетъ своихъ клячъ, а блюдетъ на продажу къ веснѣ.

Брать коноплю, т. е. дергать ее изъ земли, есть по истинѣ мозолевый трудъ. Корнями своими она крѣпко и прочно держится въ почвѣ, а потому отъ напряженія при выдергиваніи, на ладоняхъ появляются зеленыя полосы, которыя при дальнѣйшей работѣ углубляются и превращаются въ трещины.

Бранье конопли исполняютъ большею частью руками женщинъ; и чего только нѣтъ на этихъ рукахъ: и мозоли и лишаи и рубцы! И этими руками копаетъ она каждое утро картошку «на ѣмья» [1]), отчего трещины заполняются грязью; грязь на-

[1]) На ѣду.

долго въѣдается въ тѣло: рубцы припухаютъ, а держать ихъ въ чистотѣ некогда, надо цѣлый день стоять на ногахъ у конопли. Холодъ, вѣтеръ; осенняя мгла знобитъ тѣло; но забираться въ теплую хату еще «ня приспѣла уремъячко, треба барджѣй хапацца брацъ, а то канапелька дывицца [1]), а тутъ яще на йетыхъ дняхъ свиньни упадзись [2]) у картошку, цѣлый канецъ узрыли ни знаимъ што и хапыць, ци бульбу, ци канопли».

Работаютъ до поздней зари, такъ что иногда не успѣваютъ вечеромъ перевезти вырытую «картошку» домой, а между тѣмъ наши селяне хватки на руку: ничего не клади плохо, а потому сосѣди называютъ это село «воровская Разсуха», въ отличіе отъ деревни Разсухи, находящейся въ Стародубскомъ уѣздѣ.

По поводу кражи картофеля, казакъ Емельянъ Кобановъ недавно (въ 1898 г.) «выгадау» [3]) пѣсню на манеръ салдацкой:

Ты Расуха, ты Расуха,
Мацъ расуськая зимля.
Пра цябе, ты, мацъ Разсуха,
Далёка славачка пошла,
Далёка славачка пошла
Пра Платона Казака:
У Платона Казака
Да случылася бида;
На вузинькай на палосцы
Накапау йонъ мѣхъ картошки,
Да позняй зари капау,
У дворъ яйе ни забрау
Да заутряго оставляу.
На заутряго вичаркомъ
Ѣдзя Платонъ за мяшкомъ,—
На вузинькай на палосцы
Нѣтъ ни мѣха, ни картошки.
Платонъ дамоу варацiуся
И жъ жонкаю набранiуся,—
Ахъ ты, жонка, ты, Вусцiнка,
Што-й капала, то пропало,
Ну цяперъ будзимъ капаць,
Да заранiшы дамоу брацъ,
Пазаранiшы да вазiць,
Людзей у грѣхъ ни уводзiць.
Глупая мая башка,
Што—й ни узяу учора мяшка.

(с. Росуха; сочин. 20 лѣтъ хлопца 1898 года).

Родичи.

«Тирязъ [4]) тры нядзѣли отъ Пакрава дни ходзюць родичи», т. е. поминальная суббота.

Родичи—это бабская эра, отъ которой онѣ ведутъ свой умственный календарь праздниковъ, отсчитывая время недѣлями.

Въ этотъ день служится общая заупокойная обѣдня и крестьяне посылаютъ въ церковь панихиду, т. е. четыре сковородницы [5]) и чарочку меду.

Собственно въ церкви мало народу въ этотъ день, но всѣ поминаютъ родичей дома, по своему или вѣрнѣе, по язычески справляютъ тризну ѣдою.

Еще до свѣта (очень рано) каждая хозяйка вытапливаетъ хату и «гатуя двенадцать страу [6])» Едва развиднѣетъ, ѣдятъ блины съ саломъ и прочими приправами и такъ плотно наѣдаются, что уже до вечера не обѣдаютъ, и на весь день мужчины отправляются пеньку мочить или запасаться на зиму дровами, а къ сумеркамъ каждый спѣшитъ «у дворъ паминацъ родичовъ» съ великимъ аппетитомъ.

Собралась вся семья въ хату, на столѣ бѣлая скатерть, зажженная восковая свѣча, а у мисцы канунъ или колево, т. е. медовая сыта и туда «пакрышано баранькоў или булки». Прежде немного помолятся за впокой душочки нашихъ радитялёу», а затѣмъ, каждый по очереди съѣдаетъ ложку колева.

Всякая хозяйка строго на строго придерживается очереди, «якую страву за якой падавацъ, такъ ужо ни намы заведвяно, ни намы и кончицца», говорятъ они.

---

[1]) Не пришло время, нужно скорѣй торопиться брать канапельки будетъ высыпаться зерно. [2]) утравились. [3]) выдумалъ. [4]) черезъ. [5]) плоскія ржаныя лепешки. [6]) страва—кушанье.

И такъ перво на перво «падаецца канунъ [1]) затымъ—каравайцы [2]), апасля йстаго кулѣшъ съ саломъ [3]), 4-е каўбаса, 5-е лапша, 6-е картошка зъ падъ гавядзины, 7-е гявядзина жарпная, 8-е застыль [4]), 9-е жидкая каша съ гавядзинай, 10-е борщъ, 11-е малако, 12-е густая каша съ масламъ. Кашей обязательно заканчивается поминальный обѣдъ, оттого она и называется у нихъ «каша –разганяша».

«У йетый дзень гадицца выпиць па чарцы гарэлки за упакой радзитялёвъ, а у прôтчамъ якія у каго дастатки, кали у каго нема на што купиць—абойдуцца й-такъ. Иджа сказана: па змазй конь вязё».

Въ этомъ мѣсяцѣ, управившись съ уборкой на огородахъ, бабы начинаютъ пôравиць (убирать) варива, т. е. скоблить и квасить бураки на зиму.

«Жодная пêрва на перва агледзя (смотритъ) мѣсяца, а то якъ наставиць на сxадў ци на трецьцяй нядзѣли, усё чыстюсинька пагніе, пакнее».

Есть изъ нихъ впрочемъ и передовыя, которыя говорятъ: «якъ я ни знаю кали тэй сходъ, кали маладзикъ, да сдѣлаю усё по хазяйськи, якъ слѣдъ быць, ды у мянѣ усё удашна и смашна и николи ничагусинька ня гніецъ».

Вообще относительно луны можно сказать, что нерѣдко и теперь сказываются остатки древняго обоготворенія этого свѣтила. Напр. увидѣвши новый мѣсяцъ на небѣ, крестьянинъ непремѣнно снимаетъ шапку и благоговѣйно перекрестится.

Мать поучаетъ своего ребенка такъ: «ни паказвай на мѣсячка [2]) палцамъ, грѣхъ! укуси трохи палца»!

Еще при первомъ видѣ луны, невѣста останавливается и говоритъ:

Маладзйкъ маладый, Найдзи жъ ты яго,
У цябе рогъ залатый Прывядзи жъ ты яго,
Ты пасвѣту хôдзишъ. Сь кимъ мнѣ вѣкъ вѣкаваць
Няужô ты майго милаго ни бачышъ. Штобъ мнѣ тагô у ва снй павидàць.

(С. Старое Запубенье, записано въ 1867 году со словъ 20 лѣт. женщины).

И въ это время беретъ изъ подъ правой ноги землю, ложась спать, кладетъ ее подъ подушку и ожидаетъ въ сновидѣньи суженаго.

Чтобъ зубы не болѣли, увидѣвши первый разъ луну, говорятъ:

Маладзйкъ, маладзикъ,
Нà табѣ зубъ лубяный,
А мнѣ дай сталяный.

(отъ той же въ 1867 г.).

Въ концѣ Октября и въ первой половинѣ Ноября бабы заняты прядевомъ: мочать въ сажалкамъ посконни, стелять по долинамъ лёнъ, потомъ сушать все это въ баняхъ и мнутъ, чтобы зимой было, что прясть. Это ихъ послѣдняя работа на стужѣ: осень начинаетъ склоняться къ зимѣ; небо грозитъ снѣговыми тучами. Поэтому «жôдная паспишая управицца къ Пилипавскимъ зàгавинамъ» (14 Ноября).

Къ этому дню «ужо и скôтъ стау на мѣсци», т. е. его больше не гоняютъ на пашу. «Мужчины яще парующца кали пеньки, а бабы ужô паставили гребни и прядуць у цеплай хаци». Наконецъ то онѣ отогрѣлись «накалѣўшись (замерзшись) на канôпляхъ».

Такъ какъ дни въ это время года слишкомъ коротки, то крестьяне встаютъ съ первыми пѣтухами.

Старикамъ и пожилымъ «рупатливымъ (заботливымъ) людямъ важко (тяжело) коротать долгія ночи. «Прашнесься, и думаишь якъ пражыць, чимъ пракармицца, ужо и боки забаляць атъ ляжни, пôкуль пѣуни папѣли».

Молодежь же наоборотъ: ее трудно разбудить: съ молоду сладко спится

[1])... Канунъ — медовыя сыта съ накрошенными туда бубликами или булкой. [2]) Прѣсные гречневые блины. [3]) жидкое тѣсто изъ гороховой муки жарится на сковородкѣ.

въ ночи и на зарѣ. Жутко покидать согрѣтую постель, оттого за пряжей и «дремлется ей младёшенькой.

Тогда она принимается пѣть:

Пряду, сакòчу, [1])
Спацячки хòчу,
Палажу я галòвачку
На свекраву падушачку,
Ци ня падрямлю.
Свекаръ идзець,
Якъ буря гудзець:
Санливая, дрямливая,
Нявѣсткачка наша.
Пряду, сакòчу,
Спацячки хòчу,
Палажу я галòвачку
На свякрусину падушачку,
Ци ни падрямлю.
Свякруха бяжыць,
Якъ каршунъ ляциць:
Санливая, дрямлйвая,
На работу ляпивая,
Нявѣстачка наша.
Пряду, сакòчу
Спацячки я хòчу.
Палажу я галовачку
На дзеверяву надушачку.
Ци ни падрямлю.
Дзеверь шумиць,
Якъ сòкалъ ляциць,
Вясёлая, харòшая,
Нявѣстачка наша.

(с. Росуха, Мглин. у., со сл. 55 лѣт. женщины въ 1896 году).

Атъяжджàу мужъ у дарòгу
Пакидàу жану здарòву.
Пріѣжджая изъ дарòги,
Пытая у милыя здароуя,
Чаго, мила, дужа забалѣла?
Ци я табѣ болна?
Щаку ударну.
Ци я табѣ здарòувейка умàлиу.
Ой умру, умру,
Я жыва ня буду.
Ой ѣдзь, милый, къ нòву гарадòчку,
Купи, милый, крамную [2]) сарòчку.
Палозкъ мяне у вишневамъ садочку.
Выкапай ты, милый,
Чырвòну калину,
Пасадзи калину на мою магилу.
Будуць ка мнѣ салавейки прилятаци,
Будуць яны пѣсни щабитàци.
У нядзельку паранéнько,
Яще сонца ни узыхòдзя,
Милый па вулачки ходзя,
Малéнькаго дзицятачку нòся,
Устань, мила, устань, прабудзися,
Ужò твайо дзицятачка плàча.
— Кали табѣ дзицятачка жалка,
Найми яму мамку и няньку,
А кали ни жалка, падай сюды у ямку.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзд. со словъ 40 лѣт. женщ. въ 1899 году).

Слѣдующую пѣсню иногда запоетъ, прявши, молодица для того, чтобы свекровь услыхала, и нерѣдко свекруха и начинаетъ бранить свою невѣстку за подобную пѣсню:

Матка доничку кахала,
Да-й ня у дружнаю сямъю атдавàла—
Жыви, дòчачка, прывыкàй,
Якъ станупь сварыцца
У зялёный садъ уцякай:
У зяленамъ саду калѝна
На той калини зязюля
Ранинька кукуя,
Нихто зязюли ня чуя
Тольки —й—чуя яйé нявѣстка,
Рана па ваду хòдзючы,
Свекра и свякруху клянучы,
Яна вады принясе, да-й плача.
Яйе милый пытая—
Чаго, мила, уздыхайишъ?
Плачу, милинькій, я плачу,
Твайой матухни ни владжу (не угожу)
Вады принясу—павыльля, (повелѣваетъ),
Ложки памыю—ня возьмя,

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 27 лѣтней женщины въ 1899 году).

---

[1]) жужжу веретяномъ. [2]) крамъ—товаръ лавочный.

Хатку падмяту—ня ступя.
Охъ ты, татачка, салавеячка,
Ни руби дзеряуцa, куды яно ня хилицца,
Ни, 'тдавай дачки замужъ
За каго ня хочицца,

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со сл. 55

Ни за стараго, ни за малаго.
Атдай дочку, да за роунаго,
Ни за раунымъ быць—сухата мая,
А за любымъ быць—красата мая,
Самы вароцячки аткутаюцца,
Якъ мой татухна у госцейки ѣдзя.

лѣт. женщины въ 1897 году).

Затуманилася зорька
Пирядъ силниинькимъ дождюмъ,
Расплакалась красна дзѣука
Пирядъ добримъ малайцомъ.
Атчаго, удалъ малойчыкъ,
Учора зь вечара ня быу?
Вѣрна знаю, што другую
Ты сцежачку пратарыу.
Ты тары, удалъ малойчыкъ,
Я другую пратарю.
— А я тваю дарожачку
Усю пасадкай абсаджу,
Штобъ хадзила, ни блудзила
Клёнъ дзерява пасаджу.

(с. Гарцево, Стародубскаго уѣзда со словъ 26 лѣтней женщ. въ 1899 году).

Я нидауна сиратаю стала
Да багата горичка упазнала.
Сказали мнѣ вражы люди—
Иди замужъ, добре табѣ буде.
Я люцкую волечку учинила,
Вышла замужъ--галовачку утапила,
Утапила галовачку у воду,
Панаусь милый паганаго роду,
Пъе гарэлку, якъ халодную воду.
Я не знаю, якъ ему гадити,
Устану рана да начну будити:
Устань, милый, моё цалованьне,
Ужо гатова табѣ умываньне.
Стайить табѣ вадица у кубочку,
Висить рушничокъ на калочку.
Стау милый съ пастели уставати,
А я атъ яго за дверь утикати.
— Чаго, мила, за двери утикайишъ,
Ти ты майихъ норавау ни знайишъ?
— Я нидауна за табою стала
Да уси твайе норовы упазнала.

(1900 года отъ 20 л. дѣвки въ с. Бѣгочъ, Чернигов. губ., Городнянскаго у.)

Ой Божа, Божа, когда шей вечарь буде,
Што про мяне наговорюцца люди.
Гаворють старые, говорють малые,
Ще къ тому й вороженьки злые,
Не такъ вороги, якъ неродная мати,
Ложысь, сирата, ни вячеряушы спати,
Ни вячеряла, ни буду абѣдать.
Пуститя жь мяне до роду
Радины атвѣдать.
Бягу я лугамы—
Луги растилаются.
Бягу я садамы—
Сады расцвитаюцца.
Бягу я сяломъ—
Ворогй утѣшаюцца.
Ни утишайтися,
Пракляты варожаньки,
Што я ни найду
До дому дарожаньки.
Ой я не знаю,
Якъ ворогамъ гадити:
Ти у бѣламъ, ти у чорнамъ хадити?
Хади у бѣламъ, скажуть - хвасьливая,
Хади у чорнамъ, скажуть—дрямливая.
Бягу я поле, бягу й другое.
На третьтемъ поли сѣла атдыхать,
Ажъ тамъ брачики коней пасуть.
Старшій братъ меншаго посылае:
Бѣжи, братецъ, то наша сястрица,
— То ни сястрыца, то чужъ=чужаница,
Ой Божа, Божа! Якова я стала,
Што мая радина мяне не спазнала.

От тoй же.

Охъ ты каваль, кавалёчыкъ,
Добрый, удалий, каваль мастярочыкъ,
Чомъ ты, каваль, рана ни куешъ,
Ци ты сабѣ зялеза ни майишъ?
Йисць у мянѣ зялезанька багата
Да-й-усё сталяная,
Йосць у мяне дачка Кацярына—
Дзѣука маладая!
Яна сабѣ сына арадзила,
Арадзиушы, узяла й загубила,
Загубиушы, у садокъ пашла,
Зь вѣтрамъ гаманила:
Охъ вы, вѣтры, вы буйныя вѣтры,
Замяцицa вы сцьежки—дарожки,
Да штобъ туды людзи ни хадзили
Майго дзицятачки ни будзили.

(с. Лупеки, Стародуб. уѣзд. отъ 40 л. женщ. въ 1899 году).

Сяджу, сяджу у вакònца,
Выглядаю чарнамòрца,
Чарнаморецъ идзье,
Симярыхъ коней вядзье,
На вòсьмамъ варанòмъ
Самъ у кахтани зилянòмъ,
Ни заѣхау йонъ да дòму,
Падъѣжджàя къ Дону,
Стàу йонъ коній напавàци
Чарнамòрицъ патапаци.
Чарнамòрицъ патапàя,
Сваю мѝлаю гукàя:
Рятуй, рятуй, мая мила,
Кали вѣрна любила!
И радабъ я рятаваци,
Да ня умѣю-й-выплывàци!
Кали бъ чòвинъ, да вясѐлца,
Стала вода прыбываци—
Рятавала-бъ цябѣ сѐрца.
Пакỳль людзи сабрàлися,
Чарнаморицъ затапѝуся.
Мой милинькій, патапайнишъ,
Мяне млòду пакидайишъ!
Паплѝу миляньк   ій вадòю,
Застаюся я удавою.

(Заучено въ 1859 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20 лѣтн. дворовой дѣвки).

Закỳкали зязюлички,
Тирязъ садзикъ лятучы̀,
Заплакала красна дзѣука,
Бѣлу пасцель сцялючи.
Пасцель мая тонка, бѣла,
Учомъ на табѣ мулка спаць?
Да якъ прыдзя цёмна ночка,
Нѣ съ кимъ слòвичка сказаць.
Якъ паѣхау мой миленькій
Нà марѝ гулѝць,
Пакѝнуу мяне горя гарявàць.
Гарявала ночачку, гарявала дзвѣ,
На трецьцяю ночачку
Выйшла на зарѐ,—
Балиць мое серца
Ташнѝцца души!
Бяры войстру шаблю,
Да рѣжь маю грудзь,
Вымай майо серца
Да пи маю крòу,
Пущай людзи бачуць,
Якавà мая любòу.

(С. Платково, Стародубскаго уѣзда со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1897 года).

Чаго, Машачка, па личанька, блиднà,
Нѣту краски, нѣтъ румянца у лица,
Памуцились Маши глазки сы таски,
Рада бъ я и къ миламу пайциць,
Рада бъ, рада дружка у вочи навидаць,
Рада бъ, рада дружка у глàзы наругаць,
Учòмъ ты, Ванька, разбязсовисный ты стау,
Дзѣ ты, Ваня, свою совисть растиряу,
Ци ты у карты, у бильлярты прайиграу.

(отъ той же въ 1897 году).

Раскажу я вамъ, падружки,
Пра нищасця пра свойо.
Ци вы знали майго друга,
Якій хваброый маладзѐцъ.
Чàрный вòранъ, сѝлный войинъ
Атличѝуся на вайнѣ,
Биуся, драуся зъ варагàмы,
Тамъ галоуку палажѝу,
На маскоуськамъ на кладбищы
Тамъ мой милый палажонъ,
На йомъ памятникъ высокій
Разукрашанъ сирябромъ,
У дванаццаць часоу ночы
Ходзя дзѣвица адна,
Къ йой выходзя на гулянньня,
Зь бѣлай кàмеры мяртвѐцъ,
Чаго, двѣва, поздна ходзишъ?
Ты ни бойся никога,
Охъ и якъ жа мнѣ баяцца,
Тутъ мой милый схаранёнъ,
На йомъ памятникъ высокій,
Разукрашанъ сирябромъ,
На йомъ камушакъ цяжолый,
Милъ ня можа зъ гроба устаць.

(Отъ той же въ 1897 году).

Послѣднія двѣ пѣсни, очевидно, позднѣйшей формаціи, и происхожденіе ихъ можно объяснить тѣмъ, что въ Платковѣ жили прежде помѣщики Троицкіе, и вотъ, должно быть, прислуга слышала отъ господъ:

Моего-ль вы знали друга,
Онъ былъ бравый молодецъ и т. д.

и вотъ изъ разныхъ отрывковъ состряпали пѣсню.

Кто лѣнивъ прясть, того называютъ ялдоха—святоха и въ насмѣшку надъ лѣнью—разсказываютъ такую сказку.

Жилъ былъ сабѣ мужыкъ зъ жонкай. Яна лянилась прясць, усё насила куплёныя сарочки. Бильля зроду ня мыла, якъ надзѣня чыстую сарочку,—заразъ грязную у печъ, да-й-спаля.

Во, паѣхау разъ яйе мужыкъ у горадъ, жонка и наказуя: глядзи жъ, привязи мнѣ аттуль сарочку.

Ѣдзя мужыкъ съ горада у дворъ, сустрикая салдата. Йонъ и прося (мужь)—падвязи мяне, дзядзька.

Садзись, кажа, служивый.

Ѣдуць па цихиньки да гамонюць, мужыкъ и расказалъ свайо горя, пра лянивую жану.

Добря жъ, кажа салдатъ, я яйе вывчу прясць.

Тольки што мужыкъ на парогъ, и жонка съ печи крычыць: а што купиу сарочку?

Купиу, да гуску.

Дарма, што вузку, и за тую спасибо; да заразъ здѣла свайю сарочку, да у печку; а сама барджѣй на печку, да аттуль и крычиць: падавай новую сарочку, а то я сакалѣю (смерзну).

Што ты, цетка, голая сядзишъ, пытая салдатъ.

Нема сарочки.

Чаму жъ ты ни прядзешъ?

А я—Ялдоха-Святоха, й прясць мнѣ нильга, усе праздники: у панядзѣлакъ я радзилась, ня можна прясць, у авторакъ па имьйо къ папу хадзили, у сяряду были подкресни, а у чацвергъ хрясцилась, у пятницу ни прядуць, а у субботу, якая жъ работа? Падмыць, надмесць и гребянь у хату ня несць, а у нядзѣлю празникъ.

Эге жъ, у нядзѣлю празникъ, што прауда, то прауда. Дыкъ ты Ялдоха-Святоха, а я Иванъ Хрясцицель, кажа салдатъ, да якъ пачау яйе пугай хрясциць да пригаваривацъ:

Во, табѣ, Ялдоха-Святоха, будзишъ прясць? будзишъ прясць?

Прасцицця, Иванъ Хрясцицель, буду и прясць и ткаць, тольки помилуйця.

Съ тыхъ поръ баба годзе ляжаць на пячы, а мужыкъ болій ни купляу йой крамныхъ сарочакъ.

На прызыви.

Въ концѣ Октября начинается «прызыу у салдаты».

Въ 1860 г. разсказывала одна старуха, которой тогда было уже около 70 лѣтъ, что, бывало, вербовщики ходятъ по селу, несутъ горѣлку, жареныхъ «курей, валоуя мяса, у бубны бьюць, играюць и пяюць:

Пристань, Юрку,
Да вярбунку,
Будзишъ ѣсци
У масла курку!

Будзишъ ѣсьци,
Будзишъ пици,
Будзишъ хороше ходзици.

Прошли и тѣ недавнія еще времена, когда не было всесословной воинской повинности, когда солдатъ несъ службу въ теченіе всей жизни и, оставивъ родину юношей, возвращался домой старикомъ инвалидомъ.

Вотъ, тогда-то матери и жены оплакивали рекрутъ, какъ мертвецовъ.

Далеко не то теперь при пятилѣтнемъ срокѣ службы: нынѣшній новобранецъ подъ часъ и не доволенъ, если ему «ня бреюць лобъ», потому что «маладому и самому хочицца свѣту пабачыць».

Однако матери и теперь не перестаютъ оплакивать своихъ сыновей новобранцевъ. Который сынъ на призывѣ, она уже за мѣсяцъ дастъ ему сласный кусочикъ за завтракомъ, напр. всей семьѣ поставитъ на столъ миску съ гороховымъ кулешомъ, а хто на призыви, тому асоба пряжѐ [1]) салца на сковородцы и примовя: ѣжъ, мой котъ, а то тамъ за пяць гадоў, ты можа и крошки сала у вочы ни пабачышъ. Печетъ рѣзники [2])—семьѣ памажа сырамъ зъ малакомъ разведеннымъ, а будущему солдату «маслячкамъ памасля» и т. п.

«У прызыўная уремъя усюды па сёламъ пяюць рякруцкія пѣсни».

Казали—сягд лѣта грэчка ня урадзила,
Ажный грэчка яще сусимъ ня усходзила,
На гардахъ чачотые маки цвитуць,
Па дзярэунямъ салдацики йдуць.
Выйшла маци, свайго сынка спазнаваци,
Зайдзи, сынку, да да дманьку,
Щашу [3]), змыю да буйну галованьку.
Табѣ, маци, мнѣ галоуки ни часаци,
Змыюць мнѣ галдваньку да дробныя дождҗы,
Ращешуць мнѣ кудры да бўйные вѣтры,
Разабьюць па дняму валасдчку,
Разьвѣюць па чыстаму пдлечку.

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 20 лѣт. парня 1898 года)

Раскидайся, сырый дубъ,
Заутра марозъ будзя,
Убирайся, удовинъ сынъ,
Заутра паходъ будзя.
Яй марозу ни баюся,
Зараз раскинуся:
Кареньняйка у сыру землю
Лисцяйка да долу.
Яй паходу ни баюся,
Заразъ убяруся,
Чабоцики на нджаньки,
Шабельку у ручки.
Паливайця дарожачку,
Штобъ ни пылилася,
Прыкажыця аццу маци,
Штобъ ни журылися.
Дарожаньку паливали,
А яна усё пылицца,
Аццу маци наказали,
А яны усё журюцца.
Нема тыя дарожачки,
Што ня будзя пылицца
Нема таго аца, маци,
Што ня будуць журицца.

(отъ того же въ 1898 году).

Чаго, салавейка, смуцьенъ, ни вясёлъ?
Што дробна пташачка зажурылась?
Запѣу бы я пѣсянки,
У мянѣ гдласу нема,
Кливау бы я зирнятки,
Мнѣ вдлячки нема.
Залѣзная клѣтка
Мянѣ садзяржыць,
Зялена дубровачка
Мянѣ ни зьвисялиць.

(с. Манюки, отъ 20 лѣт. хлопца въ 1899 года, Новозыбковскаго у).

На гарѣ высокай
Два дуба стайиць,
Падъ тыми дубамы
Дзвѣ магилы ляжыць.
Дзѣука са слязамы
Распрашывая,
Ци нема жъ—то тутъ
Дружка майяго?
Магила сказала—
Нема тутъ яго,
Другая сказала
Забудзь пра яго.

(отъ того же въ 1899 году).

---

[1]) Жаритъ. [2]) Ржаные пироги. [3]) Причешу.

Брала дзѣвачка
Ягадки сунѝцы,
Усю далиначку исхадзила,
Ни знашла дзѣука тагò,
Каго спалюбила.
Бяруць мòлайца
У салдаты.
Што й па вулицы
Ѣдуць канями,
Да усё пàрамы.
Стайиць дзѣука
У варòцичкахъ,
Абливайицца слязьмы,
Ни плачъ, дзѣвачка,
Ня журыся, ня быць табѣ за мною,
Ни звяць табѣ
Мяне чалавѣкамъ, (мужемъ)
Мнѣ цябе жанòю.

(с. Росуха Мглин. у. со сл. 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Назначыли добраго малайцà
На гранѝчаньку служыць,
Па йомъ плача радзимая маци,
Сила убивайицца,
Ни плачъ, рòдна маци,
Ни плачъ ты пры мнѣ,
Наплачысься й бизъ мяне.

(отъ того же въ 1899 году).

Охъ, и шляхъ ты, мой шляхъ,
Чаго запылиуся?
Охъ и якъ жа мнѣ, шляху,
Шырокай дарòжцы,
Да мнѣ ня пылицца!
Што-й па мнѣ то, па мнѣ,
Шырокай дарожцы,
Багата рэкрутъ ганяюць.
Што-й па перяду йдзе
Маладый палкòуникъ,
Идзе, маршырŷя
Што-й пазадзи усихъ
Идзець душа дзѣвица.
Охъ и якъ то мнѣ,
Краснай дзѣвицы,
Якъ мнѣ ня журыцца,
Што-й адзинъ то у мяне
Садокъ зиляненькій,
И тэй усыхая.
Што-й адзинъ то у мяне
Дружокъ размилюсинькій,
И тэй атъѣждкая.
Польна сонняйку па садзику хадзици,
Пòльна жàркаму цвѣтъ яблани сушыци,
Охъ и якъ жа мнѣ ни плакаць, ни тужыць,
Мнѣ навѣкъ сабѣ такого ни найциць.

(д. Бородинка, Мглинскаго Уѣзда, со словъ 19 лѣтн. хлопца въ 1899 году).

У сѣничкахъ за дзверями
Мòлайца спаймàли,
Назадъ руки завязàли,
Пасадзили добра молайца
У писанамъ вазòчку
Самы сѣли у пирядòчку,
Падъ судъ падвазили,
Падъ мѣру станавѝли,
Рубашку скидàли,
Яго цьела абглядàли
Русы кудры падрязàли.
Што-й прасиуся добрый моладзецъ—
Вы пусциця мяне, брàццы,
Къ аццу, мàццы,
Съ аццомъ маткай павидаюсь,
Жъ жаной парукаюсь (пожму руку).
Надъ дзѣтками пауцѣшаюсь.

(заучено въ 1861 г. отъ 30 лѣт. парня въ с. Росухѣ Мглинскаго у.).

Варьянтъ этой пѣсни записанъ тоже въ с. Росухѣ въ 1899 г. со сл. 19 лѣтняго хлопца.

Што-й адзинъ та я, адзинъ
У матушки нарадзйуся,
У някруты, у салдацики
Маладзецъ згадзиуся.
Узяли добраго молайца.
Узяли у някрŷты,
Звизали яму, добраму молайцу,
Назадъ бѣлы руки,
Пасадзили яго у вазочку,
Станавили яго,
У салдацкамъ станочку.
Годзя дŷбу зилянòму стаяцѝ,
Пришла осень, стау листъ спадаци,
Вязуць молайца у салдаты,
Па йомъ плача аццецъ, рòдна маци.
Ни плачъ маци, ты ужо старàя.

Нихай плача жана маладая,
Кали яйе доличка такая.
Кали бъ жа знау, зроду бъ ни жаниуся,
Нихай бы я навѣкъ хлопцамъ валачыуся.

(со сл. 20 лѣт. хлопца въ с. Росухѣ Мглинск. у. въ 1899 году).

Варьянтъ вышеприведенной пѣсни въ д. Вѣрновичахъ, Стародубскаго уѣзда отъ 40 лѣт. человѣка въ 1899 г.

Польна табѣ дубу на карни стаяци
Скора съ цябе, дубу, листъ будзя спадаци.
Плача ацецъ—маци,
Хочуць ихъ сыно̂чка
У рекруты атдаци.
Ни плачъ маци,
Да ужо-жъ ты старая,
Нехай плача
Жана маладая.
Яще будзя плакаць
Дзнцятка мало̂е.
Я пайду служыць,
У Варшаву горадъ
У горадъ я вялнкій.
Тамъ сабѣ достану
Валшыя харомы.
Вазьму я съ сабою
Жану маладую,
Пайду тамъ на рынакъ
Куплю йой платочыкъ,
Частый грыбяшочыкъ.
Жана будзя прыбираццa,
Грыбяшочкамъ часацца,
Малоя дзицятка уцищацца.
На мацъ я старую
Буду забывацца.
Повязьли нашыхъ някрутушакъ
Зь вечара у ранки (рано)
Усё лясамы да барамы,
Крутымы гарамы.
Сызыя варанятачки
Усё поле укрыли.
Малады някрутикамъ
Жали нарабили.
Не такъ жали, не такъ жали,
Я болій пичали.
Сызые варанятачки,
Падымайцись у гору,
Маладые някруцики
Зьвярнитесь да дому.
— И рады бъ мы зьвярнуцися,
Майоръ ни пущая.
Хоча зъ намы, зъ намы, някрутамы
Турка вайиваць,
Турецкаю землю
У палонъ забираць.
Чо̂рнымъ порахомъ стриляци.

(Отъ того же).

Кала саду зялёнаго
Дарожка лижала.
Ой тамъ мать свайго сына
У салдатъ тряджала:
Харошъ сынку нарадзиуся,
У салдатъ згадзиуся,
Яго коникъ варанинькій
Па двару играйя.
Яго мзци старе́нькая
Плача и уздыхайя,
Сусѣдзь праклиная:
Сусѣдзи мойе близкія
Вы, вораги цяжкіе!
Ой вы майо горя знали,
Да мнѣ ни казали.
Цяперь жа вы мнѣ сказали,
Якъ майго сына узяли.
Повязьли майго сыночка
У городъ у Варшаву.
На вѣрну прысягу.
Прысягай жа, мой сыночыкъ,
Богу, государю.
Да хто царю вѣрна служа,
Ни плача, ни ту̂жа,
А хто царя зьниважайя
Усё плача рыдая.

(Отъ того же).

Ты, верба мая, верба кучяравая,
Ты ня стой, ня стой
Надъ рякой быстрой.
Ни пускай гольляйка
На синя моря.
Па синяму морю
Тамъ карабль плыве́ць.
Якъ у томъ жа караблй
Тры палкй салдатъ,
Маладыхъ рыбя̂тъ,
Ахвице́роу пяць.
Ахвицеръ на салдатъ
Шыбка броницца.
Рядавый салдатъ
Дамой про̂сицца—
Ахвицеръ—маіоръ
Атпусци мянѣ дамо̂у.
Къ аццу, къ мацяри.
Къ малымъ дзѣгушкамъ.

(Въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда, со сл. 17 лѣтняго парня въ 1897 году).

Якъ паѣхау иннираторъ
Сваю армію смотрѣць,
Абищауся Александеръ
Къ Ражаству дамоу прыбыць.
Усп праздники праходюць,
Александра дома нѣтъ.
Яго маминька радная
Стаскавалася па йомъ,
Яго жана маладая
Дзень и ночку у слязахъ.
Александеръ инциратаръ
Усихъ сиротамы кидау,
У Таганроги жысць канчау.

(с. Росуха, Мглинск. уѣзда; записано со сл. 25 лѣт. въ 1875 году).

Пѣсни, которыя поютъ мужчины.

Хлопцы рѣже и меньше поютъ, чѣмъ дѣвки, и не раздѣляютъ своихъ пѣсенъ по временамъ года; впрочемъ, и ихъ пѣсни имѣютъ три отдѣла: рекрутскія, солдатскія и тюремныя. За исключеніемъ рекрутскихъ, поютъ сплошь, когда кто какую вздумаетъ. Не станутъ они тоже ни за что пѣть бабскихъ и дзявацкихъ пѣсянъ, такъ что хлопцы имѣютъ свою собственную устную словесность.

Историческихъ пѣсенъ тоже нѣтъ; только про Платова казака живетъ еще воспоминаніе.

Мацъ Рассѐя, мацъ Рассѐя,
Мацъ Рассейская зимля.
Пра цябе, мацъ Рассея,
Далёка слава прайшла,
Да пра бѣлаго царя,
Да пра бѣлаго царя,
Пра Платога казака.
Платоу слауный войнинъ быу,
Свайой барады ня брыу,
Платоу законъ прыступиу,
Брытву, ножанцы купиу,
Свайю бараду абрыу.
У хранцуза у гасцяхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За вубраный столъ саджау,
За бѣлыя руки брау,
Ты, храньцузькая карга,
Ня умѣу ты, варона,
Сокала у какцяхъ дзяржаць
Чарку рому паднасиу,
Яго миласци прасиу—
Выпи рюмку, выпи дзвѣ,
Скажы праудачку и мнѣ,
Хто началникъ у Масквѣ?
Я у Масквѣ ни разъ бывау,
Многа паноу, купцоу знау,
Аднаго тольки ни знау
Я Платога казака.
Кали бъ хто яго указау,
Ябъ таму многа казны дау.
— А па што казну цирящь,
Яго й-такъ можна увазнаць,
Платоу па каня садзиуся
И съ хранцузамъ пабраниуся—
Ты варона, ты варона,
Тольки умѣла ты, варона,
У чистамъ поли ваевацъ.

(въ 1898 г. с. сл. 19 л. парня, въ с. Гарцовѣ, Стародубск. у.).

Слѣдующая пѣсня про Платова пѣлась въ 1863 г. хоромъ ребятъ и записана со словъ 40 лѣт. шановала тогда же).

Ты, Расея, ты Расея,
Ты расейская земля
Пра цябе, зимля Расея,
Многа славы гаваряць,
Пра Платога казака.
У Платога казака
Нябрытая барада
И ня стрыжаны вусы,
На грудзяхъ висяць хрясты.
Убирауся Платоу
Къ Винаплату (Бонопарту) на паклонъ,
На шырокій дворъ узъѣжджау.
Винаплатъ яго сустрякау,
У харомы зазывау,
За дубовый столъ саджау
Стаканъ волки наливау.
Охъ, и выпи купецъ,
Ты, расейскій маладзецъ.

Загадаю я загадачку,
Ты изволь мнѣ атгадаць.
Я на ярмалки гуляў,
Ахвицераў узнаваў,
Аднаго я ни угадяў
Я Платóга казака.
Хто бъ мнѣ яго указау,
Много-бы суммы таму дау.

Ахъ, на што сумму даваць,
Яго-й такъ можна увазнаць.
У Платóга казака
Ня брытая барада,
Платоу бараду аббрыу,
У хранцуза у гасцяхъ быу.
Хранцузъ яго ни увазнау,
За дубовый столъ саджау.

Слѣдующая пѣсня позаимствована въ 1863 году въ с. Росухѣ.

Пиша, пиша кароль пруськiй
Гасударыни у Санатъ
Прашу цябе, сударыня,
Ни прагнѣвайсь на мяне,
Ой атдай-ка, сударыня,
Да тры слаувныхъ гарады:
Атдай городъ, отдай пицяръ,
Атдай слаукую Маскву,
Кали ты ни атдаси,
Дыкъ я цябе разарю и разабъю,
У каменнў Маскву увайдў,
Рядавыхъ салдатъ настаулю
Па купечиськихъ дамахъ,
А самъ стану, кароль пруськiй,
Я у царьскамъ у дварцы.
Дыкъ зачымъ ты, сударыня,

Прызадумаушысь стайишъ,
Тольки бѣлы руки ломишъ,
Ничаго ни гаварышъ.
То ня пылъ у пóли запылйуся,
То йшло воська князя Васйлья.
Князь Василька на вайну пашду
А за йимъ паслы па тры, па чатыры.
Ты вярнись, вярнись князь Василька,
Твая жана сына спарадзила,
Спарадзиушы, Богу душў атдала
Надъѣжджая князь Василька къ цырямў,
То ни кавалики куюць,
То жанѣ яго дамавину будуюць.
То ни пташачки у садзику пяюць,
То князя Василька да дробныя дзѣтки
Па свайой роднай мацы плачуць.

(Записано въ с. Кожемякахъ въ 1898 г. отъ 80-лѣтн. старика, Мглинскаго у.).

Поля чыстая турецкая,
Мы кагда цябе поля, пройдземъ,
Усн бугры, твайе дарóжачки,
Усн миста слауны, прыкрасны.
Мы сайдземся съ нипрыяцелемъ

Съ такой ардой нявѣрнаю.
Ва часнóй дзень сирядў
Падхадзили къ нипрыяцялю,
Кагды турки напивалися
И на Рассею собиралися.

(Записано въ 1861 г. отъ 30 лѣт. жен.).

Польна, польна вамъ, сняжóчки,
На сырой зямли лижаць.
Польна, польна вамъ, салдацики,
Горя гарявацъ.

Пара привыкаць
Къ турецкимъ стенямъ,
Къ турецкимъ гарадамъ.

(с. Невзорово, въ 1890 г.).

Пѣсни тюремныя.

Вѣцяръ вѣя, павѣвая,
Садъ зялёненькiй шумиць.
Сама дзѣвица ни зная,
Идзѣ яйе милый сядзиць.
Што-й у гóрадзи у Адесци,
На вулицы на раунѣ,
Тамъ стаяла да тры башни,
Па сярёдку балшый домъ.
То ни домъ, ни балница

Настаящая цюрьма,
Тамъ сядзиць яйе милóй
Парянечыкъ удалой
За дубовымы дзвирямы.
Ничаго парню ня видна
Только й слышанъ звонъ ключóу,
Клюшникъ дзвери аттваряя—
Выхадзи-ка братъ сюды.
Якъ йонъ вышау на свѣтъ божый,

Кругомъ сябѣ асматрѣуся,
Ахрясциуся тры разы.
Аткуль узяуся тэй священникъ,
Стау йонъ правила чытаць,
Аткуль узяуся тэй судзебный,
Стау ряшѣньня выкликаць.

(д. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 16-лѣтн. хлопца въ 1899 году).

Какой проступокъ и что приводитъ мо̀лойцовъ въ острогъ, объ этомъ пѣсни умалчиваютъ.

Впрочемъ, слѣдующая изъ нихъ нѣсколько объясняетъ причину неволюшки и выражаетъ обманутую любовь, доведшую дѣвку до худыя славы, до великаго стыда и преступленія:

Охъ ты, пташка канарейка,
Разгани пичаль маю.
Майо горя усимъ извѣстна
Абмануу мило̀й мяне.
Йонъ на мяне прызабыуся,
Я на яго—никагда,
Атчыню я у клѣцци дзвери,
Пущу пташачку на волю.
На палёци свайой пташцы
Три славечки разскажу:
Ахъ ты, пташка канарэйка,
Ляци у го̀ру високо̀,
Сядзь на ябланци кудрявай,
Запѣй пѣсянку яму
Пра жысць горькую маю.
Охъ ты, воля, мая воля,
Да чаго ты давяла!
Давяла ты мяне воля,
Да славушки, да худой,
Да вяликаго стыда,
Да каминнаго астрага.

(х. Александровки, Мглинскаго у., со сл. 40 л. женщ. въ 1889 г.

А худая славушка неумолимая напр.:

Ни виновинъ парабо̀къ,
Винавата дзѣука,
Яще сонца ни зайшло̀,
Гатова пасцьѐлька.

(с. Красновичи, Суражскаго у., въ 1871 г., отъ 60-лѣтн. старуха).

Жаль жа мнѣ ни Тацяну,
Жаль жа мнѣ ни яйѐ:
Ни паслала пасцьелячки,
Лиха мацяри яйѐ.

(Отъ той же въ 1871 году).

Сяджу я у няволи—цямницы балшо̀й
Никаго ня виджу я пирядъ сабой,
Сматрю у вакошка—тава̀рышъ идзець,
Тава̀рышъ, таварышъ, пажалуй сюды,
Хадзи, братъ таварышъ, на нашу гару̀
Идзѣ сонца ня свѣця и мѣсяцъ ни бывая,
Тамъ гуляю я!
Идзи, братъ таварышъ, у зяленый ты садъ,
У зялёнамъ у саду салавей пяѣць
Намъ, братъ, таварышъ, разлуку даець.

(Въ 1891 году отъ 20-лѣтн. парня, въ с. Невзоровѣ, Стародубскаго уѣзда).

Охъ, якъ дау мнѣ Богъ
Нищасную до̀лю.
Павяли маю до̀лю
На чужу̀ю старану̀ у нявòлю.
Доля ня̀ йдзѐць, упира̀йицца,
За маю маладецкую шыю хвата̀йицца.
На дварѣ марозаньки люты
Прымарозили зялѣзы на жываты
Я ирвау, ирвау—зялѣзы ня рву̀цца,
Знаць мнѣ молайцу зъ нявòли ни варну̀цца.
Што-й зъ вѐчара пагода
Ка бѣлу свѣту мардзъ.
Ишо̀у, прайшоу брадзяга,
Биздомный чалавѣкъ.
На сустрѣчу йшоу брадзяги
Яго прыяцилъ дарагой:
Твая маминька радна̀я
У сырой зямлѝ ляжыць,
А падружка дарагая
Падъ вянцо̀мъ зъ другимъ стайиць,
Дзѣлаць нечаго брадзяи,

Паварачывай назадъ!
Ишоу я лѣсамъ,
Ишоу я цёмнымъ,
Уздумау малчыкъ атдыхнуць.
Жарка соньнёйка прыгрѣло,
Стау я, малчыкъ, засыпаць,
Стала ночка наступàць.
Узяли молайца, забрали,
Руки ноги пазвязали
Й атправили у вастрогъ.
У в'астрози дзверь шырока
Да калитачка вȳзка,
Ни пускаюць никуда.
Ты запѣй, запѣй, жàваранокъ,
Запѣй вясной на пратàлинцы,
Ты падай голасъ тирязъ цёмный лѣсъ
У Маскву каминную отъ нявольничка.
Йонъ ни годъ сядзиць и ни два,
А сядзиць йонъ роуно дзевяць гадȳ,
На дисятый годъ стау письмо писаць.
Напишу письмо къ аццу й мàцыры
Ацецъ—матушка, парятȳйця,
— Што й у нашай радни
Плутȳу ни было.
Ни плутȳу, ни варȳу,
Ни разбȯйничкоу.
Што-й адзинъ у насъ сынъ
Да-й тэй падпалкȯуничакъ.
Па карманамъ вѣцяръ вѣя,
Кашалекъ пустый грымиць,
Абарванецъ ни рабѣя,
За рашоткаю сядзиць.
Ноги босы, цьѣла грязна
И рубашка якъ смалà.
На рукахъ яго браслеты,
На нагахъ усе кандалы.
Чȯрный воранъ, другъ залетный,
Ляци къ милинькай скарэй,
Атдай милаго паштэньня,
Ще-й заглàзный пацалуй.

Пѣсни, которыя поются хлопцами по большей части хоромъ, «когда заугодно».

Удоука свайго сына
На Донъ пасылала—
Ѣдзь, мой сынокъ,
Да-й ни барыся,
На чужой старȯнцы
Да-й ни жанися.
Ни чуць сына годъ
Ни чуць и другій,
На трецьцій гадȯкъ
Ѣдзя сынокъ
Да ни самъ съ сабою,
А зъ маладою да жанȯю.
Вышла маци
Сына сустрикаци,
Вынясла яна
Тры чары вина.
Адна чара вина зиляна
Другая чара якъ мята—рута.
Первую чару—сама выпила,
Другую сыну—паднясла
А трецьцю чару—жанѣ маладȯй,
Ня пи, мая мила, усю чару адна,
Выпьимъ съ табой мы па палавинѣ
И ляжымъ съ табой у адной дамавини.
Сынокъ упиуся, съ каня звалиȳся,
А нявѣстушка съ павȯзки.
Палажыли сына—край дарожки
А нявѣстачку—край далиначки,
На сыночку расцы зяленый дубочыкъ,
На нявѣстачки бѣлая бяреза.
Яны расли, расли, сыхилилися,
Да ужо-жъ майе дзѣтачки таки злюбилися.

(Дер. Бородинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 18 лѣт. парня въ 1898 г.).
См. Шейнъ бѣлор. пѣсни т. 1, ч. 1, стр. 247. № 546, 547, 548, 549.

Засцвитала сиия мȯря
Разнымы агнямы
Да усё караблямы.
Што-й у тыхъ жа караблях
Матрȯсы гуляюць.
Яны къ сабѣ красну дзѣуку
Гулянць падбиваюць.
Пȯйдзимъ, красна дзѣука,
Пȯйдзимъ гуляць зъ намы.
Мы цябе, красная дзѣука,
Напоимъ, накормимъ,
Съ сабой спаць паложымъ.
Спи, красная дзѣука,
Спи, ни прашыпайся.
Прашнулася дзѣука
Пасярядзи моря,

Матросики галубочки,
Паганяйця къ броду.
Божачка мой милый,
Цяперь жа мнѣ, краснай дзѣуцы,
Ни видаць свайго роду.

(Отъ того же въ 1898 году).

Ни лятай ты, сызъ галубчыкъ,
На майо свѣтла вакно.
Ты ляци, ляци, галубчыкъ,
На канюшаньку новў.
Асядлай ты, сызъ галубчыкъ,
Мнѣ варонинька каня.
У чыстамъ поли, край дарожки,
Распяла дзѣука шацёръ (bis)
Съ тонкихъ бѣлыхъ палацёнъ.
Узяла голуба на руки
Стала галавў часаць. (bis),
Стаў галубчыкъ засыпаць.
Я думала, галубецъ,
Ажъ-то—Сенька маладзецъ.
Заснуу голубъ, заснуў сызый
У краснай дзѣуки на рукахъ,
На шауковыхъ рукавахъ,
Прашнуусь голубъ,
Прашнуусь—сызый,
Нима дзѣуки, ни каня,
Ни шауковаго шатра̀.
Людзи пашуць, людзи сѣюць,
А я, моладзецъ, хаджу,
У рукахъ пужачку дзяржў.

(х. Александровка, Мглинскаго у. со сл. 35 лѣт. жен. въ 1897 г.)

Кали бъ жа мнѣ
Чарка да пляшка
Да жонка Ната̀шка!
Самъ бы я па вадзйцу хадзіу,
Сваю-бъ милаю за рўчачку вадзіу,
Я бъ яйе цалавау, милава̀у,
Я бъ жа йой кухаварачку наняу:
Кала люлячки нянича,
Кала пѐчы кухаварачка.

(дер. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ).

Ва турецкай, ва старонки
Уси салдацики у шарѐнку,
Яны пушки заряжаюць,
У Турэччыну стрыляюць.
Яны ходзюць, маршыруюць,
Силна тужуць и гарюють;
Янара̀ловы сыночки ходзюць, уцѣша̀юць
Бѣлымъ, розовымъ платочкомъ
Па вѣтру маха̀юць.
Охъ вы цыцця (молчите), ни тужыця
Што-й за ваша за стара̀ньня,
У сіхъ дзеньгамы награджў,
Што за вашы за болныя ра̀ны,
Усіхъ хрэстамы ударю̀.

(с. Росуха Мглинск. у. со сл. 18 лѣт. пар. въ 1891 г.).

Матка доньку пытала,
Чаго доня смўтна?
Сама я пра то знаю
Каго вѣрна люблю.
Люблю дружка сярдешна,
Люблю яго дауно.
У поли вѣтры свищуць,
Ваенный громъ грымиць.
Нихто такъ ни страждая,
Якъ милый на вайнѣ.
И онъ рўжжа заряджау
И пушакъ ни баяуся,
Усё думау аба мнѣ.
Убитъ, убитъ галубчыкъ,
Падъ кусцикамъ ляжыць,
Была бъ я волнай пташкай
Зьлитала-бъ я къ яму,
Я костачки-бъ забрала,
У тясовый гробикъ склала
Зямельки-бъ прыдала.

(с. Манюки, Новозыбковскаго уѣзда, со словъ 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

Цьеща дли зяця пирогъ пякла,
Соли, да муки на чатыри рубли,
Сахару, изюму, на вяликую сумму.
Якъ стау йой пирогъ, да дванадцать рублёу.
А зяцюшка сѣу да увесь пирогъ зьѣу
Якъ цябе, зяцюшка, да ни разарвало!
Спимярьхъ бы зяцёу я бъ пакашта̀вала,
Придзи ка мнѣ, цьещухна, у масляику,
Я цябе, цьёщухна, пачастую
У семъ дубинъ, да дубовенькихъ,
А восьмую бярёзаваю на табѣ
Я да рукъ зламаю.

(с. Новворово, 18 лѣт. хлопц. въ 1894 г.).

Жыу сабѣ кароль,
Кароль удалой,
Іонъ мѣу сабѣ дзвѣ дачкѝ,
Распрыкрасныхъ сабой.
Бо́лшая—смуглянка,
Якъ чорная ночь,
Ме́ншая—билянка
Якъ царьская дочъ.
Бо́лшая ме̃ншую
Манила патайкомъ—
Пойдзимъ, пойдзимъ, сястрыца,
На биряжо́къ са мной,
Паглядзимъ тамъ, сястрыца,
Якъ моря ву̃брано
Силнаю вално́ю,
Пѣнаю марьско́ю.
И болшая ме̃ншую
Спихнула зъ биряжку.
Рятуй мяне, сястрыца,
Рятуй мяне, сястра,
Атдамъ табѣ калечка
Майго жаниха.

—Калечка у наслѣдства
Дастаницца мнѣ,
Якъ ты захлынесься
У халоднай валнѣ.
Рятуйця! накажыця
Матухны-й аццу.
Прибрали красотку
Мяне ка вянцу.
Были у мяне музыки
Усё во́лны марьскія,
Были у мяне свашки
Заморьськія пташки.
Рыбалоуцы хлопцы рыбу лавили,
Выцягнули сѣци на крутъ биряжо́къ
Вытрусили сь сѣци парьскую дочь.
Здзѣлали архву зъ яйе буйныхъ косць,
Ссукали струны зь яйе русыхъ кось,
Паставили архву про́ци царьскихъ
варотъ,
Зайграли на архву—сабрауся народъ,
Слухайця людзи, што архва крычыць,
Бо́лшую сястрыцу павѣсиць вялиць.

(с. Манюки, Новозыбковскаго у. со сл. 16 лѣт. парня въ 1896 г.).

У барына, у барына хараша была
жана
А у лакея, у лакея, ще-й палуччы
была.
Давай, лакей, давай, лакей, паминяемсь
на жану.
Ни хочу, барынъ, миняцца, ни хочу
минять жану,
Вашу жану, вашу жану часта у госци
завуць.
Мая жана, мая жана да ня ходзиць
никуды.
—Падлецъ лакей, падлецъ лакей,
яго у салдаты сдаць,
Жану яго, жану яго у прыслуги
узяць.
Што-й за рѣчкай за рякой,
Парэнь грэчку кача̃я

У Марусеньки пытая:
Марусенька, душанька
Ци пусьцишь ты начаваць?
Наѣдзя панъ, будзя знаць,
Марусячка, душачка
Мы старо́жу паставимъ
На чатыры старанъ̃
Па чатыры маскали.
Маскалики заснули
Прыѣхау панъ—ня чули.
Марусинька—душачка,
Скажы прауду усю мнѣ,
Чаго пляшка на сталѣ?
Маскалики праѣжджали,
Мёдъ, пиво куповали,
Красно пиво купавали,
Бутылачки распивали.

(с. Росуха, Мглинскаго уѣзда, со словъ 20 лѣт. хлопца въ 1894 году).

Станимъ, браццы, у кругавую
Запяйёмъ пѣсню навую
Сынъ па маццы капусту вазйу,
Маладу жану у прысцяжку вадвиу,
Іонъ на матушку пану̃кавайя,

А на жоначку патпрукавайя,
Што-й на матушку дубинаю,
А на жоначку—былиною.
Ой—ты! ну-ка мая матушка̃,
Ой и стой-ты, мая жоначка!

(с. Ивайтёнки, Мглинскаго у. со словъ 20 лѣтн. парня въ 1890 году).

Таварышъ, таварыщъ, вѣрный таварышъ мой, я умру.
Паложъ мяне, брацецъ, вѣрный таварышъ, въ вишневамъ саду,
У вишневамъ садочку, на жоутомъ пясочку падъ рябинаю.
Рябина высока, лисцяйка широка, кучэрява,

Спусцила гольля зь верху да корня, ще—й—да доланьку,
Да прыкрыло цьѣло бурлацкое, бѣлае, ще-й галовавьку.
Нихто ни заплача па бѣламу цьѣлу па бурлацкому
Да ни ацецъ, ни маци, ни братъ, ни сястрыца.

Што й у поли, пры далини
Сядзйць сокалъ на калини,
Буйну ягаду клюйе.
Сядзиць дзѣука у святлицы
Гарючыя слёзы льлѐ.
Зарасла дарбжачка,
Прызамѣтипъ и слядокъ,
Штобъ и милый ни хадзиу,
Дарожачки ни тарыу.
Падарачка ни насиу,
Падарачка дарагбга,
Зъ руки перспя залатбга.
Пагляджу я на калечка,
Забалиць майо сярдечка.
Балиць серца и животъ,
Што ни у праудзи милъ жывѐць,
Польна табѣ, сакблику,
Горьку ягаду клевацъ,
Будзя табѣ, дзѣвачка.
Гарючыя слёзы праливаць.
Манюкоускіе рыбяты
На гульню—закаты.
Якъ пашли яны у салдаты,
Ни багацька праслужыли,
Уздумали бижаць
Прыбяжали къ Дунай—рэчки.
Кличуць пирявозу,
Пирявозу нѣту,
Нидалече лодка.
Охъ мы сядзимъ да паѣдзимъ
На сваю старонку,
Какъ на нашай на старонки
Кватеры новыя,
Хазяечки маладыя.

(с. Манюки, Новозыбковскаго у. со словъ 16 лѣт. хлопца въ 1896 г.).

Худо, худо браццы жыць,
На чужыхъ малодакъ пагляндаючы.
Што-й чужыя малодки,
Якъ макавый цвѣтъ;
Нуще жъ майой неудашачки
У бѣламъ свѣци нѣтъ.
Якъ вазьму я неудашачку
За бѣлыя руки,
Павяду я неудашачку
У млынъ глыбокій
Плыви, плыви, неудашачка,
Услѣдъ за водой.
Надоѣло, неудашачка,
Жывучы съ табою.
Худо, худо, браццы, жыць
Бизъ неудашачки.
Чацьвертая нядзѣличка
Бизъ бѣлай рубашачки.
Йосць у мянѣ сядзѣлечко
Ще-й варбный конь,
Тольки сѣсць паѣхацъ
Къ сваиму стю (тестю) на дворъ
Здарбу, здарбу, цьестюшка,
Цьеща, добрый дзень,
Атдали мнѣ неудашачку
На адзинъ дзень.
Атдавали мы дачку хазяечку
Табѣ на увесь вѣкъ.

Ноябрь.

8-го—Архистратига Михаила. Во многихъ селахъ храмовые праздники.

Вообще, начиная съ Августа и оканчивая филипповскими заговѣнами, что ни праздникъ, то храмовщина въ какомъ-нибудь селѣ, потому что «па восяни и у вярабъя пива йосць, чымъ сусѣда пачаставаць».

И, дѣйствительно, отъ «рбдичау и да загавяныо, по деревнямъ и селамъ у насъ царствуетъ относительное благоденствіе по части питанія и продовольствія: каждый домохозяинъ отъ времени до времени рѣжетъ овечку. Чтобы говядины этой хватило на долго, бабы ежедневно кладутъ въ борщъ кусочекъ перебрины или голодницы, а по праздникамъ жарятъ мягкій кусокъ съ «бульбой», но вѣрнѣе не жарятъ, а парятъ подъ сковородкой, въ легкомъ духу, отчего получается довольно безвкусное мясо, волокна котораго дерутся вдоль, какъ лыки. Густая каша считается великою роскошью и подается только на великія празднества. Каждая хозяйка старается быть очень

бережлива съ крупами, она помнитъ весенній холодецъ съ лабадой и на претензію домашнихъ, что каша, т. е. супъ, крѣпко жидки, отвѣчаетъ: «ѣжъця, слава Богу и за йета, а то будзя разамъ густа, а разамъ пуста, а щаулю нищимнаго ня хочыця?».

Въ каждомъ дворѣ держатъ отъ 5 до 10 штукъ овецъ, порода совершенно простая, шерсть грубая, мясо имѣетъ нѣсколько специфическій запахъ, особенно у худыхъ овецъ. Какъ только начнутся заморозки, каждый хозяинъ оставляетъ нѣсколько штукъ на сѣмя, а остальныхъ рѣжутъ и вѣшаютъ въ амбарахъ на морозъ, чтобы былъ запасъ къ Рождеству. Подобное перемерзшее мясо теряетъ всякій вкусъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; но овецъ рѣжутъ раньше для того, чтобы хватило корму оставшимся на зиму. Запасливый хозяинъ непремѣнно пары двѣ бараньихъ лопатокъ посолитъ и затѣмъ выкоптитъ къ Пасхѣ, что тоже довольно безвкусно.

12-го числа Ивана Милостиваго празднуютъ. «У йетый дзень гадӥцца што нѐбудзь даць каму нѐбудзь, у угоду святому».

14-го—заговѣны на филипповскій постъ. Это самые обильные и богатые заговѣны въ году. Впрочемъ, столъ не отличается разнообразіемъ, та же самая баранина «у борщӥ, баранина у жӥдкай каши, картошка жидкая съ бараниной, картошка густая съ бараниной у лàццы (въ мискѣ) и т. д. и т. д.

Въ этотъ день уже полагается каша густая, какъ пирожное, а въ богатыхъ дворахъ бываетъ даже лапша пшанишная. Молока теперь рѣшительно ни у кого уже нѣтъ, такъ какъ коровы тельны. Оттого говорятъ, что осенью угощаютъ «любага госця малакомъ, а ня любага мёдомъ».

Кстати о мёдѣ: здѣсь нѣкоторые крестьяне, «хто хòча пакушаць салòдкаго», ставятъ въ лѣсу на деревѣ свой «наузникъ» [1]), куда подчасъ и поселяется какой-нибудь странствующій рой. Тогда крестьянинъ забираетъ пчёлъ къ себѣ и иному удается черезъ годъ имѣть уже два улья.

До заговѣнъ, т. е. до 14-го, всегда нанимается общественный пастухъ и конюхъ, и съ этого дня уже скотъ не гоняется въ поле, и вмѣсто подножнаго получаетъ хозяйскій кормъ. Сѣно даютъ только лошадямъ, а коровъ кормятъ житной соломой, гречàной и дѣлаютъ «струшку, т. е. съ соломой смѣшиваютъ для закрасы немного сѣна. Яровая солома уже считается «сласный [2]) кусокъ дли скацины».

Съ какого-бы времени парабкӥ и челядки ни поступали къ хозяину въ наемъ, они непремѣнно договариваются или «да рòдзичау или да пилипаускихъ загавянъ».

Особенно дѣвки очень интересуются пробыть дома зиму, чтобы побольше напрясть для свадебныхъ подарковъ и для придàнаго.

Съ началомъ поста, пока алей еще не выбили, пришлось бы опять варить «нищимницу», но бабы на этотъ разъ догадливы: «дуринь кашы навàря, калӥ крупы йосць», говорятъ онѣ и таскаютъ изъ амбара по немножку конопли, которую съ вечера подсушиваютъ, «дòсвиткомъ» толкутъ въ деревянной ступѣ, разводятъ водой, цѣдятъ, и этимъ молокомъ забѣляютъ борщи и супы. Такая заправа гораздо лучше молочной, а яшный супъ зъ зàлпукой» даже очень вкусенъ. Иная лакомка въ какой-нибудь святой день это самое конопляное молоко ставитъ на огонь и сгущенную пакипь сверху снимаетъ ложкой въ отдѣльную посуду, гдѣ и получается конопляная сметана, которой обливаютъ горячіе рѣзники изъ ржаной муки. Но блюдо это считается очень убыточнымъ, и потому хозяинъ не вытерпитъ, чтобы не сдѣлать выговора бабѣ своей: «ну, ты лàсая да смàшнаго, уси канопли майе паперейѐчышъ (попортишь) и биць алей нѐ-съ-чаго будзьс.

Въ этомъ мѣсяцѣ каждый старается свезти поскорѣй коноплю на маслобойню, такъ какъ тамъ всегда очень «завозно», то сваленные мѣшки съ коноплями дожидаютъ очереди недѣли двѣ, три и даже мѣсяцъ. Зачастую мужикъ слаживаетъ дѣло съ хозяиномъ маслобойни, запродаетъ коноплю и получаетъ задатокъ.

Гдѣ маслобойня, тамъ бываетъ обыкновенно и винокурня, а въ настоящее время и лавки монополіи. Вотъ тутъ уже крестьянинъ бываетъ при рѣдкой обстановкѣ: «и

---

[1]) маленькій пчелиный улей; [2]) лакомый.

грошы у кишени и винапольля тутъ жа». Но онъ осторожень, не мотъ: «отворотится, захавая грошы куды нибудзь за поясъ, аба у анучы». А для выпивки много-ли человѣку нужно?—Мелочи... ну, рубликъ, не больше. На эту сумму онъ и товарищу поднясе, и самъ накоцицца еле можаху, такъ что ледьви, ледьви узлезя на калесы, а затѣмъ конь уже самъ вязе его у дворъ бизъ вожакъ».

21.—Введеніе Пресвятыя Богородицы во храмъ. Наканунѣ, ложась спать, дѣвки загадываютъ: «святая ввядзеньня, вядзи мянѣ туды, идзѣ мнѣ жыць».

24-го.—Екатерины и 30-го—Андрея Первозваннаго считаются предрождественскими праздниками, и потому съ этихъ дней начинается гаданье: пекутъ лепешку на одной соли, и желающая повидать во снѣ своего будущаго «чалавѣка», загадываетъ, ложась въ постель и съѣвши соленую лепёшку: сужаный, ряджаный, придзи мнѣ вады падаць.

Декабрь.

4-го Варвары великомученицы.

5-го Саввы. Нерѣдко къ этому времени ложится снѣгъ, какъ бы въ подтвержденіе народной примѣты: «Савва мосця, а Микола гвоздя» [1]).

6-го Николая—Мирликійскаго. Хотя не всегда, но бываютъ въ это время порядочные холода, и потому существуетъ такое дѣленіе: первые морозы Микольскіе, вторые хрященьскіе.

Къ 6-му декабрю уже устанавливаются цѣны на алей.

Пенька и алей единственные здѣсь продукты, которые идутъ въ продажу. Работаетъ то онъ цѣлое лѣто, а доходу получаетъ отъ 50—100 рублей, но ему вѣдь «пракармйцца и то добря».

А семьй-то рѣдко въ какой хатѣ найдется менѣе десяти человѣкъ съ дѣтьми, конечно, включительно.

Съ коноплянаго дохода прежде всего торопятся отдать «падзямельныя» и проч. казенные сборы, расчитаться съ долгами и на чорный весенній день завернуть и въ тряпицу и заткнуть куда нибудь въ щелку амбара, «штобъ хто схдвы [2]) ни падглядзѣу». А иному «да зарѣзу треба коника купиць», кстати въ м. Погарѣ Никольская ярмарка.

Бываетъ изъ нихъ, впрочемъ, много и такихъ богачей, которые, сложивши коноплю на маслобойнѣ, зайдутъ къ купцу въ контору, сведутъ счеты забраннымъ деньгамъ и все тутъ. А получки то въ итогѣ и нѣтъ, развѣ много, много, что попадетъ какая нибудь счастливая пятерка въ карманъ, такъ сказать, на разводъ «на сѣмя».

Взамѣнъ конопли, во дворъ привозится еще съ маслобойни конопляная макуха. Это большое подспорье въ хозяйствѣ; она идетъ на обмѣшку рогатому скоту, лошадямъ и прочей дворовой живности, не исключая и собакъ. Ржаную же муку на обмѣшку расходуютъ очень осторожно, такъ какъ, помолотивши хлѣбъ и свёдши свои хлѣбные итоги, хозяева иной годъ ведутъ такого рода разговоры между собою:

1-й Ну, Карнѣявичъ, хвалицясь, ци багата у васъ хлѣба? Можа-бъ вы мнѣ да налѣцця пазычыли хоць пудоў зъ дзисятакъ?

2-й Нѣ, брацику, у йетамъ гаду, хто яго зная, ци хваця да маслянки, ци нѣ.

3-й Во, а у мяне дай Богъ, дай Богъ, штобъ да Ражтва хапйла.

4-й И то добря а во якъ у мяне, дыкъ я йетый годъ отъ радзичаў купляю.

5-й А мы зъ братамъ намалацыли тамъ трясцуху—пасѣяли кольки было, да дзвѣ клунки на прудъ атвязли [3]), во и хлѣбъ увесь».

Къ декабрю мѣсяцу оканчиваются всѣ срочныя работы: жито домолочено еще въ ноябрѣ, чтобъ его на гумнѣ мышь не точила, пеньку изъ сажалокъ тоже давно «вы-

---

[1]) отъ слова гвоздь. [2]) отъ слова схованць—спрятать. [3]) молоть на муку.

тягали», свезли и разставили на просушку, слѣдовательно, свободнаго времени у крестьянина остается достаточно.

Ходить зимой на заработотки онъ не охотникъ, «да и дзень карȯтакъ, ци багаты чаго зробишъ» и вотъ каждый изъ нихъ «пȯрукцца кала двара: скотъ гаду̂я, у лѣсъ за дравȧмы ѣздзя, лапци пляце».

Въ началѣ зимы у многихъ хлѣбъ еще не доѣденъ, бабы то и дѣло, что пекутъ горяченькіе блинки, кстати алей выбитъ и «пакинули на расходъ хунтоу̂ 20, а то и цѣлый пудъ», возможно, пока свѣженькимъ алейцемъ маслить усякія мякотки.

Хотя этого «хлѣбца и алейца» хватитъ не на долго, но... что будетъ дальше, о томъ на теплой печкѣ при горячихъ пампушкахъ и галушкахъ «ни злишкомъ руницца».

За нѣсколько дней до Рождества по селамъ то тамъ, то сямъ, на площадкахъ или огородахъ виднѣются огоньки: домохозяева, заколовши «кормнаго» кабана, смалюць яго соломой.

Это великое событіе совершается разъ въ году. Сало рѣжутъ на четырехъугольные квадратики, солятъ и складываютъ въ дежку на всю годовую пропорцію для заправы «стравы». Изъ говядины дѣлаютъ колбасы.

При малыхъ достаткахъ и неурожаѣ только прикармливаютъ небольшого «подсвинка», а потому получается не сало, а «адны—шкурки, а каубасы съ палицъ у тоушки».

Но тѣмъ не менѣе уже на рождественскіе праздники въ каждомъ дворѣ колбасы. Даже священнику, когда онъ ходитъ съ крестомъ полагается кусокъ сала и колбаса.

Каляда.

(рождественскіе святки).

24-го декабря «на куццю» особенно бабы ничего не ѣдятъ до вечерней зари—звѣзды. Зато передъ вечеромъ куда ни взглянешь, надъ каждой хатой вьется дымокъ—это топятъ печи и варятъ кутью (ячменная густая каша), а также кутью изъ всякаго «збожжа» для скота.

Въ каждую кашу стемляютъ деревянные крестики и ставятъ кутью и «узваръ», т. е. отваренныя сушеныя яблоки—подъ образами въ сѣно, въ воспоминаніе младенца Христа, лежащаго въ ясляхъ.

Вячеряюць трохи позднѣй, зато въ сумерки ѣдятъ блины.

Если въ дворѣ есть дѣвки, то онѣ первымъ дѣломъ стараются «захавацъ первый блинъ, съ которымъ идутъ подъ окна падслухавацъ пра што у хаци гамонюць», то и случицца.

Хорошо, если разговариваютъ о хлѣбѣ, о богатствѣ, о женитьбѣ, а то иногда идетъ разсказъ и о покойникахъ. «Иванъ или Романъ, што у томъ гаду ѣу съ намы куццю, сё лѣта яго душачка тольки па хаци лятая».

Кромѣ того въ эту пору дѣвки цѣлыми партіями ходятъ подъ окны «щадравацъ у тыя двары идзя йосць нявѣсты и хлопцы ня жанатые». Имъ то и адресуются всякія хвалебныя пѣсни съ припѣвами.

Святый вечаръ добрымъ людзямъ.

Што-й у варȯцьечкахъ
Стаяла древачка купарисная,
Падъ тымъ древачкамъ
Пава хадзила, перья ранила.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Дзѣвачка хадзила
Перъячка зьбирала,
Вяночыкъ пляла (bis),
На галоуку клала,
Да церькви шла.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ.
Паны-й карали дзивавȧлися,
Ци йета царэуна
Ци каралёуна,

Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Я ни царэуна, ни каралеуна,
Я Ганна Иванауна
Дай—Кужалева (фамиліи той, кому поютъ.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл. 18 лѣтн. дѣвки въ 1889 году).

Хадзй Галичка на вичарнйцы,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Ни пайду, сястрицы,
Да-й на вичарнйцы,
Прыѣхау ка мнѣ рóдный брахнійка
Да прывезъ мнѣ тры радасци,
Тры радасци, тры вясёласци
Первая радасць—зялёный саянъ
Другая радасць—арлóвый вянóкъ,
А трецьця радосць—залатый персцянъ.
Галичка прыбиралася—нариджàлася
Да церкву ишла.
На гàнки узыйшла—
Ганки укланились.
У цѐркау узыйшла—
Церькау асвяцилась.
Паны сустрикàли—шапки здзивàли,
Ци йета пàнна? Ци каралѐуна?
Ажъ йета наша Галичка Аудакімоуна,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!

(с. Росуха, Мглин. у. отъ той же въ 1889 году).

У ляску, у ляску,
На жóутамъ пяску,
Святый вѐчаръ дóбрымъ людзямъ!
Тамъ пчóлы гудуць,
Цѐрькау будỳюць
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Съ трэмà вакнàмы,
Съ чатырьма вугламы,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Первая вакóнца
Жаркая сóнца,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Другàя ваконца
Вясёлъ мѣсячка,
Святый вѐчаръ добрымъ людзямъ!
Трецця ваконца
Дрóбны звѣздачки,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Жаркая соньняйка—
То Владымірька
Вясёлъ мѣсячка—
То красная дзѣвачка.
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Дробныя звѣздачки
То йихъ двѣтачки
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!

(с. Кожемяки, Мглинск. у. со сл. 19-лѣтн. дѣвки въ 1898 году).

Слѣдующая пѣсня поется хозяину, у котораго нѣсколько сыновей:

Ой рана, рана пѣуни папѣли,
Ще-й ранѣй тагó Микóлка устàу,
Па дварỳ пахадзйу,
Званкóмъ назвайну,
Братцау пабудзиу,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Уставайця, брацьця,
Сидлайця кóній,
Ѣдзьця у дубрóвы зялёныя,
Сякиця масты калйнавыя,
Будуць ицць тры празники,
Первый прàзничакъ святóе Ражствó.
Другій празничакъ святóга Васильля,
Трецьцій празничакъ святóя хрященьня
На Ражствó—разгавляньняйка,
На Васйльля—гуляньнейка,
На Хрященьня разъѣжджаньнейка.

(с. Росуха, Мглинскаго л. со словъ 20-лѣтн. дѣвки въ 1899 году).

За эти пѣсни хозяинъ высылаетъ щадровщикамъ сала, по кусочку колбасы, а скорѣй всего по блину. Панъ же даетъ нѣсколько копеекъ.

Съ кѣмъ мало церэмонятся, тому поютъ слѣдующее:

Щадрỳю, щадрỳю,
Каубàски чỳю,
Святый вѐчаръ
Добрымъ людзямъ!
Дайця каубасỳ,
Я у дворъ панясу
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!
Дайця другую,
Я пащадрую,
Святый вечаръ добрымъ людзямъ!

(въ 1899 г. отъ той же).

Если долго ничего не высылають, то одна изъ дѣвокъ говорить у оконнаго стекла:

«Дариця, ни барица, коротки свотки, намерзли лытки».

Еще въ этотъ вечеръ подростки водятъ «козу» по дворамъ.

Въ этой костюмировкѣ нѣтъ никакой иллюзіи: одинъ изъ хлопцевъ надѣваетъ на себя вывороченный на изнанку кожухъ, становится на четвереньки и топчится на одномъ мѣстѣ. Остальные хлопцы поютъ:

Го-го—каза,
Го-го—сѣрая,
Ни хадзи каза
Падъ Михайлауська,
Тамъ йосць стрялцы,
Хочуць казу убіць,
Дзяцей асираціць.

(с. Росуха въ 1899 г. со сл. 18-лѣтн. парня).

25-го—Рождество Христово.

Рождественскими праздниками, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, каждый имѣетъ поползновеніе развлечься и повеселить себя чѣмъ бы то ни было. Но чѣмъ же, спрашивается?

Вотъ и первый день праздника: утромъ у каждаго поселянина время занято: надѣвъ свои праздничные наряды, всѣ стремятся въ Божій храмъ помолиться, поставить «свѣчачку на свайе мазалёвыя», и бросить въ брязкотку, кто сколько можетъ. Обѣдня кончилась. Разсыпались всѣ по своимъ дворамъ разговляться. Лица у всѣхъ довольныя, веселыя, у каждаго такъ и написано: дождались, слава Богу, праздничка Господня.

Къ обѣду въ этотъ день почти у каждаго припасена «крошка мяса».

Покушали, легли отдохнуть. Вставши глянули на небо: еще рано, солнце съ полдня не свернуло.

Чѣмъ же тутъ позабавиться? Куда себя пристроить? Пошелъ бы за ворота, на улицу—рождественскій морозъ лютъ, «за носъ щипля»; зашелъ бы къ сосѣду—сидѣть самъ на самъ не великая потѣха,—хочется примкнуть къ стаду, да собраться некуда, кромѣ какъ къ «жиду Калману», у котораго хаты просторныя, столы и лавки широкіе.

Вотъ и потянулись къ Калману и съ того конца села и съ этого. Большинство шло съ самыми невинными намѣреніями «пасядзѣць, пагамаиць, людзей паслухаць», но чѣмъ оканчивались обыкновенно бесѣды въ шинкахъ—извѣстно каждому.

На бабиныхъ.

На 2-й день праздниковъ рождественскихъ повсемѣстно «гуляюць бабіны», состоящія въ слѣдующемъ: бабка приглашаетъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ своихъ «унуковъ», т. е. мужа и жену, у которыхъ въ этомъ году были новорожденные. При этомъ несутъ бабѣ пироги, т. е. 4 или 5 наводневъ чернаго хлѣба.

Если бабка зажитачная и внуковъ имѣется 5—7 паръ, то горѣлочки здѣсь выпивается не менѣе ведра и гулянье продолжается всю ночь до свѣту.

Подъ часъ бабуся «гукнѐ зъ вулицы хлопцовъ» съ гармоніей, скрипкой, бубномъ, и тогда всѣ принимаются за танцы, «ня учуисься, якъ и ночка пройдзя. Вотъ якъ харашо, да весяла на бабинахъ», разсказываютъ «унуки».

Въ перемежку между танцами, за закуской и выпивкой, поютъ разныя пѣсни, выражающія преимущественно отношенія молодыхъ супруговъ въ жёнамъ и семьѣ.

Што—й у лўзи, на прытўзи
Калиначки кустъ,
А на той калінацці
Салавейка спиць.
Хто жъ будзя салавейку пабуджаци?
Йосць у яго зязюлічка, тая пабўдзя.
Устань, устань, салавейячка,
Гбдзя табѣ спаци,

Ужо тваіе таварышы
Лугі абляцѣли;
Зязюличка сѣрая,
Палетай за мяне.
У сѣнячкахъ за дзвѣрямы
Грышачка спиць,
Некаму Грышачки
Яго пабудзиць.
Йосць у яго Парасачка,
Тая пабудзя.
Устань, устань, Грышачка,
Гòдзя табѣ спаци,
Ужо тваіе таварышы
Кòней гадỳюць,
Парасачка Иванаўна,
Пагадỳй за мяне.

(д. Водвинка, Мглинскаго уѣзда, со словъ 65-лѣт. женщ. въ 1897 году).

Шуме, гудзе сосинка у барỳ.
Гуляла, буѝла свякруха у пиру,
Гуляушы, буяушы, у двòру прышла
Да—й прычынначку знайшла
На бòлшаго сына, на бòлшую нявѣстачку:
Чаго, чаго ни сустрикàли,
Чаго, чаго надъ руки ни хватали.

(д. Шапочка, Мглинскаго уѣз. отъ 27-лѣт. женщ. въ 1897 г.),

Якъ устану я ранюсинька,
Умыюся я бялюсинька,
Якъ сяду я надъ кудзѣляю
Да—й надъ бѣлаю,
На дворѣ свѣтъ бялюсинькій.
Идець мой милюсенькій,
У зàсцежки на грудзяхъ лента красная,
А на пòяси да зялёная.
Скажы, скажы, мой милюсинькій,
Идзѣ ночь начавау?
Начавау я, майя мѝлая,
У твайихъ братòу,
А у свайихъ шуръянòу.
Нипраудачку, чалавѣча, кажышъ,
Я позна зь вѣчара ни спала,
Па падъ вòканьню хадзила.
Идзѣ, падлецъ, шляуся,
Идзѣ валачыуся?
Нашною дабòю
Шъ шельмаю другою.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Когда ея родные братья съ жёнами и всѣ добрые люди по парочкамъ въ мирѣ и согласіи отправляются на бабины веселиться, ея непутящій мужъ ушелъ къ своей возлюбленной. Идти же одной на это собраніе «нивесь яковò». Вотъ она и отправляется подъ окно посмотрѣть на пиръ и видитъ тамъ:

Сидяць браты па застòльляйку
Зъ маладымы жòнкамы,
Пьюць мёдъ да гарэлачку,
Зялёно винò.
Пра мяне пра горькаю, дя гавòрюць—
Нема нашыя бяздолныя,
Нема гòрька-дòлныя,
Я атъ воканъ пашла да-й заплакала—
Ты скажы, скажы, мой милинькій,
Идзѣ ночь начавау?
Начавау я, мая мила,
Да—й у клюшницы.
— У шельмы клюшницы,
Злой разлỳшницы.

(Отъ той же въ 1897 г.).

Туманъ, туманъ па далѝни,
Шырокій листъ на калѝни,
Яще шырšы на дубòчку,
Клича гòлубъ голубачку
Хоць ни свайю, дыкъ чужỳю,
Хадзи, серца, пацалую.
На што табѣ чужу цалаваци,
Свайой пичаль задаваци.

(д. Водвинка, Мглинскаго у. со словъ 27 лѣт. женщ. въ 1898 году).
См. Шейнъ бѣл. пѣсни т. I ч. 1 стр. 300 № 353.

Въ деревнѣ Кожемякахъ эту самую пѣсню оканчиваютъ такъ:

Ни задавай серцу тỳги,
Ня вòзьмишъ ты, вòзьмя другій,
— Дзяучына, ни журыся
Я-йще моладъ, ни жанѝуся,
А якъ буду жанѝцися,
Прыдзи дзѝва дзивѝцися.

— Твайо пива мнѣ ня удзива,
Твайо вино пiцця горька,
Любились мы гадоу сколькi!
Любилися ни набралися,
Тольки людзи насмѣялися.

(со сл. 65 лѣт. женщ. въ с. Кожемякахъ, Мглинскаго у. въ 1897 году).

На другой день утромъ къ бабусѣ опять являются всѣ парочки похмѣляться и на этотъ разъ уже приводятъ своихъ свекрухъ и свёкровъ. Затѣмъ каждая чета приглашаетъ ее къ себѣ въ назначенный день.

Однако на другой день пирушки поются такія пѣсни:

Спiцца дрэмлицца
Падъ кудзеляю.
Зѣляна в'аччу,
Гарэлки хочу.
Вы на Бога гляньця,
Пахмялiцца дайця,
Учора я малада
На бабинахъ была,
Багата выпила.

(Со сл. 30 л. жен. хут. Шапачки 1897 года).

На новый годъ, раннимъ утромъ маленькіе, семи, восьми-лѣтніе хлопчики, съ узелкомъ ржаныхъ зёренъ въ платочкѣ, являются въ каждую хату и, бросая горстями на полъ зерно, поютъ:

Сѣта, сѣта [1])
На нова лѣта.
Ходзя Илья
Падъ Васiлья.
У яго пужка да драцяная,
Идзѣ пужкай махне,
Тамъ жыта расце.
А йдзѣ ни махая,
Тамъ и ня бывая.
Зарядзй, Божа,
Жыта— пшаницу,
Усяку пашницу
У поли ядромъ,
У дварэ добромъ.

Оканчиваютъ обыкновенно такъ:

Ой ты, дзѣдзичка,
Глянь на паличку,
Дай наляничку.
А ты, бабачка,
Глянь на кутóчыкъ,
Дай сала кусочыкъ.

(с. Разсухи, Мглинскаго у. со сл.)

5-го января: постная кутья. Тоже не ѣдятъ до зари или до освященія воды на вечернѣ. Также, какъ и въ предъидущіе сочельники вечеромъ пекутъ блины, варятъ кутью и узваръ.

6-го Крещеніе. Все село сходится на Ярдàнь. Вырубленный во льду, на рѣкѣ или озерѣ, крестъ обливаютъ бурачнымъ разсоломъ и обсаживаютъ ёлками. На «Ярдань» принято пріѣзжать на лошадяхъ.

Игрыща или вечарницы.

На рождественскихъ праздникахъ и вообще зимой молодежь тоже изобрѣтаетъ себѣ забавы: устраиваютъ время отъ времени, въ складчину, въ хатѣ какой-нибудь одинокой вдовы вечерницы или «игрища», какъ ихъ здѣсь больше называютъ.

Вечеромъ готовится закуска: самое первое и лакомое блюдо у нихъ—это «яйешня», кулешъ гарохавый съ саламъ на скавародцы и каубаса.

Благоразумные родители и сами даютъ для этого провизію, но большая часть молодежи принуждена красць у бацьки и матки нужные для игрищъ продукты, что, виро-

[1]) Сѣяно.

чемъ, не считается вовсе за воровство, и каждый смотритъ на это, какъ на забаву молодежи.

На вечерницахъ, кромѣ музыки и танцевъ поются и пѣсни, какія вздумаются, и прежнія старинныя и новыя приносныя, позаимствованныя парнями гдѣ-нибудь на заработкахъ.

Слѣдующая пѣсня занесена изъ Кіева: «тамъ нашы чули яйе, якъ пѣли бурлàки»:

У сàдзи ягада лясная
Иадъ прыкрыцціямъ расла̀,
Маладая свѣтъ княгиня
Съ князем у цьѣрями жыла.
Ванька—Клюшникъ
Злый разлушникъ,
Разлучыу князя жъ жанòй.
Ванька зь нянькай пабраплуся,
Нянька князю данясла.
Крыкнуу, свиснуу князь лакѣяу,
Самъ вышау на паратная крыльцо.
Вы, лакеи, вы, лакеи, маладыя кучаря,
Вы идзйця, привядзйця
Ваньку-клюшника сюды.
Идзець Ванька, идзець клюшникъ
Кудры вѣя вяцеркòмъ.
У княгини малодыя
Льлюцца сьлезы ручайкòмъ.
Скажы, Ванька, скажы, Клюшникъ
Кольки лѣтъ съ княгиняй жыу?
Пра то знайиць свѣтъ княгиня
Чуть слышнò прагаварыу.

(д. Бородинка, Мглинскаго у. со словъ 19 лѣт. парня въ 1899 году).

Вы ня вѣйця, вѣтры,
Сы крутыя гары
Ни паносьця, вѣтры,
Бѣлу снѣгу на мой дворъ.
На майомъ дварѣ
Усё шаукòвая трава.
Охъ! и што жъ то за милой
Што далёка атъ мяне.
Йонъ ни атвѣдайиць мяне.
Запряжыця мнѣ каня,
Паѣду къ яму сама.
Падъйнджаю падъ лясокъ,
Падай, милый, галасокъ.
Пріѣджаю надъ ряку,
Падай, милинькій, руку.
Прыѣжджаю у сяло,
Мнѣ на серцы цижалò.
Пиряѣхала я рòу,
Кажуць-милый низдарòу.
Узъпжджаю я на дворъ,
Кажуць-милый мой памёръ.
Атчынила дзвери у хатцы,
Ляжыць миленькій на ла̀рцы.
Якъ я стала дли яго,
Уздыхнула цижало.
Охъ вы нòжачки майè,
Нахадзились вы ка мнѣ.
Охъ вы, бравачки майе,
Намаргàлись на мяне.
Охъ вы, гỳбачки майе,
Нацалавались вы мяне.

(с. Росуха, Мглин. уѣзда, со сл. 18 лѣт. парня въ 1899 году).

Што-й падъ дулькаю, падъ игрушкаю
Сядзиць голубъ сы галубкаю.
Цалỳюцца, милỳюцца
Свайой лубоую ни надивỳюцца.
Аткуль узяуся сизакрылый арёлъ,
Разбиу, разлучыу пару галубоу.
Галубòчка убиу,
А галубку самъ злюбиу.
Узяу у палỳ
Панесъ ка двару.
Пасыпау пшаницы,
Паставиу вадицы.
Галубка варкỳя,
Пиць ня пъè,
У зèленъ садъ, па миламъ
Плакаць идзьè.
Галубка мая, ни плачъ у мяне
Успакою я цябе,
Йосць у мяне стада галубиная,
Идзи, выбирай, можа тамъ и твой.
Я хадзила, выбирала,
Ни знайшла таго,
Каго паципя̀ла.
Такій галубокъ
Да ни такій галасòкъ
Такій пѐрушкамъ,
Да ни такій крылушкамъ.
Такій сызѐнькій,
Да ня мой миленькій.

(С. Жуково, Мглинск., у. со сл. 35 лѣт. женщ. въ 1898 году).

Ни йдзѣ я дружка ня виджу,
Ни у дзярэуни, ни у Масквѣ,
Тольки видзила дружочка
У цёмну ночку
У сладкамъ снѣ.
Я отдамъ сястрѣ малютку,
Сама выйду на-крылцо̀.
Гляну я у тую сгаронку,
Ажъ мой милинькій идзѐ.
Кинулась къ яму на шыю,
Узывала яго дружкомъ.
Ня узывай мяне дружо̀чкамъ,
Я цяперыча ня твой.
Я жаниуся на другой,
А жаниуся—ни нажыуся,
Ни падъ по̀роу жану узяу,
Ни падъ но̀роу, ни на мысли,
Ни па серцу сваяму.

(д. Невзорово, Стародубскаго у. со словъ 14 лѣт. парня въ 1899 году).

Матка доню била
Йдзѣ ты, доня, вѣнчыкъ [1]) загубила?
Край Дунаю палотны бяли̂ла,
И тамъ, маци, вѣнчыкъ абранила.
Ну-ця, доню, грамаду зьбира̀ци
Ну-ця, доню, людей пытаци.
Пойдзимъ, доня, вѣнчыка шука̀ци.
На што маци людзей турбава̀ци?
Лу̀ччы мацы на пра̀удзи казаци.
Казакъ маладзѐнькій
Зняу вѣнчыкъ залацьевькій.

(с. Росуха, Мглинскаго у. со сл.)
См. Шейнъ, бѣлор. пѣсни, стр. 171 № 160 и 161.

Ходзя ку̀рачка па ха̀ци,
Раскудакталася:
Якъ кудакъ, дыкъ кудакъ!
Пашла замужъ, да ни такъ.
Пашла разъ—ни гараздъ [2]),
Ни пайду у другій разъ.
А ужо-жъ мнѣ надаѣли
Чалавѣччы [3]) кулаки:
Кулакамы на плячахъ
Ладошкамы па щакахъ.
Якъ пасѣю василёчки
У свайомъ зялёнамъ са̀ду,—
Вы расцицця василёчки,
А я буду паливаць,
Вы хадзиця малойчыки,
А я буду прынимаць
Па чатыры, да на пяць.
Пойдзимъ у зѐленъ садъ гуляць.
Мало̀йчыкоу выбираць.
Выбраушы мало̀йчыкоу,
Пасадзила усихъ за столъ.
Сама пашла за вадо̀й,
Проци кумава двара
Вядзёрачки разбила.
Стайиць кумъ у варо̀тахъ,
Насмихайицца,
А чыя-жъ йега хата
Вытапляйицца адна,
Стайиць борщъ у пячы̀
Исказйуся кипучы.

(с. Росуха, отъ 29-лѣтн. парня въ 1899 г.).

Охъ! Що̀галька была!
Щыгиляла!
Я на тыхъ дрожкахъ
Ѣжджала,
Што возюць навозъ.
Эй! Щыгиляй, ня бойсь!
Чулки но̀вы—пяты голы.
Плацця длинна .... видна.
Эй щогалька была!..

* *
*

Лезу, лезу по зялёзу,
По каменю вада йдзьець.
Хто жъ мяне вѣрна любя,
Тэй и у за̀печку пайдзьець.

* *
*

А Божа жъ мой, тольки!
Аборачки тонки!
Нихто аборакъ ни пауйе,
Нихто замужъ ни бярѐ!

* *
*

Битця дзѣуки трыпака̀
Ни жалѣйця ла̀пцевъ!
Бацька лапци поплянцье,
Братъ або̀ры папауйѐ
Матка анучы падзяре,
Сусимъ дзѣуку прыбяре.

* *
*

[1]) Дѣвственность. [2]) Не очень-то. [3]) Мужъ, человѣкъ.

Я на бо̀тцы сяджу
Слёзы ко̀цюцца!
Якъ выйду я за варо̀ты
Тра-та-та,
Стайиць майя мілинькая
У варата̀.
Дзьёнигъ нѣту ни капейки,
Выпиць хо̀чыцца!
Охъ, ци майя,
Ци ни майя будзя,
Якъ забачу,
Майо серца ну̀дзя.

(д. Лупеки, Стародубскаго уѣзда со словъ 30-лѣтн. женщ.).

Сядзиць су̀тарма на пѐчы
А праява на палу̀
А я су̀тарму зарѣжу,
А праяву задаулю.

(въ 1858 г. со сл. 18-лѣтн. дѣвки въ с. Росухѣ, Мглинскаго уѣзда).

Загадау мнѣ мужыкъ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары̀, жо̀нки лины (bis)
Я на сѣняхъ ты-ли-ли,
Я на новыхъ—ты-ли-ли,
Бу̀ццамъ варю лины (bis),
А я лино̀у ни варыла,
Свайго мужа-й адурила.
Ей Богу жъ адурыла,
Ей жа Богу адуры̀ла.
Загада̀у мнѣ мужы̀къ,
Загадау чалавѣкъ,
Вары жо̀нка гаро̀хъ (bis),
Я на сѣняхъ тарарохъ,
Я на новыхъ тарарохъ,
Бу̀ццамъ варю гаро̀хъ.
А я гаро̀ху ни варыла,
Свайго мужа адуры̀ла.
Ей Богу жъ адуры̀ла,
Ей жа Богу адурыла.

(Записано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, со словъ 35-лѣтн. женщины).

Дзяучонка майя,
За што цябе бъюць,
За што ругаюць?
Я бъ табѣ хвартучо̀къ купйу.
Купили-жъ табѣ,
Знасили-жъ табѣ
Шублики-бублики
Шауцы̀-крауцы̀,
Канава̀лы-шапава̀лы,
Палко̀уники-янара̀лы,
Кудлатыя панычи,
Паповичы дураки.

(Позаимствовано въ 1858 г. въ с. Росухѣ, Мглинскаго у. отъ 30-лѣтн. мастерового по профессіи шаповала).

И туды̀ гара и сюды гара,
Па̀ миэъ тымы гара̀мы
Выхадзила заря;
Да то ни заря,
То дзяучо̀нка майя.
Зъ ру̀блинай крынйчаньки
Вадзицу брала.
Пастой, дзѣука-чарнобры̀ука,
Дай каню вады,
Зъ рублинай крыничаньки,
Съ по̀унаго̥ видра̀.
Па̀рынь, парянёкъ
Ня воля майя.
Тады буду каня напава̀цы,
Якъ буду твая.
Дзяучына мая,
Садзись на каня.
Мы паѣдзимъ чыстымъ полямъ
Да майго двара.
Паринь-парянёчыкъ,
Нима у цябе
Ни кала, ни двара.
Стаяу кустъ калины,
Й-тая ни цвила̀.
Калина майя, учомъ ты ни цвила?
— Зима была люта, у томъ я ни цвила,
— Дзяучына майя, у чомъ замужъ нийшла?
Мала была—у пана служыла,
У томъ замужъ нийшла.
— Паринь парянёкъ, у чомъ ты халастой?
Службу царськую служыу,
На вайнѣ я бы̀у,
У томъ я паринь маладой,
Ни жапатый—халасто̀й.

(въ д. Бородинкѣ, Мглинскаго уѣзда въ 1893 г. со сл. 19-лѣтн. парня).

Ой, выйдзи, выйдзи, дзячуночка,
Пагаворымъ мы съ табою.
Сажджы, парынь, гадзиначку
Сажджы, парынь, другую,
Покуль роднаму бацюшцы
Вячэрю згатую.
Сажджы, парынь, гадзиначку,
Покуль свойой родной матушцы
Бѣлу пасцьель пасцялю,
Тады къ табѣ, парнишачка,
На парадачку прыду.

Чаму табѣ ни гадзіци,
Па гореньки ходзючы?
Якъ то мнѣ, добру молайцу,
На марози стоючы.
Памарозну бѣлы пожачки
Да дзѣвачки ходзючы,
Пападрау я карманики,
Гасцинчыки носючы.
Папацёръ я жупаники,
Па заборамъ лазючы.

(д. Лупеки, Стародуб. у. со сл. 40-лѣтн. женщ. въ 1898 г.).

На вулицы, на вулицы,
На вулицы да усѐ кузницы (bis).
Куюць, ильлюць, куюць, ильлюць
Куюць, ильлюць, да-й наварываюць.
Къ сабѣ Дуню прыгаварываюць (bis).
Пойдзимъ, Дуня, пойдзимъ, Дуня,

Пойдзимъ, Дуня, ва лужокъ, ва лужокъ.
Сарвёмъ Дуни, сарвёмъ Дуни
Сарвёмъ Дуни лапушокъ, лапушокъ (bis).
Наси, Дуня, наси, Дуня,
Наси, Дуля, ни марай, ни марай,
Па празничкамъ надзѣвай, надзѣвай (bis).

(въ с. Росухѣ, Мглин. у., въ 1859 г. отъ хорового пѣнія позаимствовано).

Аданъ купецъ расказау,
Якъ йонъ дѣвицу ласкау—
Панаравилась паходачка твоя,
Паходачка дробна-частинькая.
Двѣ пташачки канарейки
Па падъ небесю летять,
Двѣ дѣвачки красныя
Падъ вакошачкамъ сидять.
Аны сабѣ тайныя рэчы
Пра сонъ милый гаворють—
Сонъ мой милый, сонъ щасливый
Варатися, сонъ, назадъ!
Ащаслиу ты красну дѣуку
Хоть у свѣти одинъ разъ.

Гаворачка распріятнинькая,
Да што ступишъ,
Распатѣшышъ ты мяне.
Загаворышъ-звисялишъ ты мяня.
Мой милинькій йонъ паѣхау
За тысячу двѣсти верстъ.
Йонъ и самъ ка мнѣ ня ѣдить,
И паклона мнѣ ня шлёть.
Йонъ другую спалюбиу
На мяне, младу, забыу.
Запрапала майо щастѐ
У тёмнамъ лѣси на травѣ,
Разальлецца кроу гаряча
Па сырой мати зямлѣ.

(Посадъ Клинцы, Суражскаго у., со сл. 25-лѣтн. печника въ 1899 году).

Лѣтъ симнанцати малчышка
Ни жанатый—халастой,
Какъ задумау йонъ жаницца,
Баславоньня стау прасить,
Дазволь мнѣ узять, папаша,
Каторую я люблю,
А папаша ни павѣрыу,
Што-й у свѣти йость любоу.
Сынъ заплакау, ва зялёный садъ пашоу

Ишоу садикомъ зялёнымъ,
Ишоу дарожкай сталбавой,
Несъ йонъ шаблю, тачиу войстра
И зарѣзау самъ сябя.
Пакатилася галоука
Па зяленай па травѣ.
Заставайтесь тымъ даволны
Што прыкончиу самъ съ сабой.

(со словъ того же въ 1899 г.

Дѣ ты милый скрыуся,
Дѣ тябе шукать,
У Адести застауся
Чувалы таскать.
Чувалы тяжолы,
Плечачки балять.

Лучча-бъ я наняуся
Водкой таргавать.
Атъ водки вина
Балитъ майо серце
Ташницца душа.

(Отъ того же въ 1899 г.).

Пращай Харькау, да свиданьня
Аставайся, а я прочъ.
Атхажу я на стражданьня
Пылъ-дарожку тоучъ.
Пылъ набъецца у носъ, у вушы,
Лобъ атъ жару засмылить.
Палка тоустая гатова
У дверяхъ яна стаить,
И тарбинка съ сухарямы
Иена на гвоздику висить.
Назадъ ни звярнуся, сюды ни прыду,
Будишъ, мила, прыпадаты
Ты къ маяму сляду.
Я ни прыпадала,
Прыпадать ня буду,
Гарявала я съ табою,
Бизъ тябе ня буду.

(д. Невзорово, Starод. уѣзда, со словъ 18-лѣтн. хлопца въ 1899 г.).

Охъ, садъ, ты мой садъ зиляненькій
Ты зачымъ рана цвятёшъ, абсыпайисься?
Ты далече, мой милой, убирайнсься
Ты съ усими, милой, ты пращайнсься,
А са мной маладой усё ругайнсься.
Што—й лятѣла пава тирязъ синя моря,
Уранила пава съ крылъ пѐрушка,
Мнѣ ни жалка павы—жалка перушка,
Мнѣ ни жалка аціа, мати,
Жалка молайца.

(Отъ того же въ 1899 году).

Салавей мой, салавей,
Салоуюшка лугавой
Ты куды, куды лятишъ,
Куды Богъ тябѣ нясёть?
Палячу я, салавей,
Тирязъ тры девять зямель
Къ удовачки у зелянъ садъ.
Сѣу у удоукинамъ саду,
На яблани у листу,
Какъ на яблани сахорнай
Я усю ночку прапѣю;
Маладая удовачка,
Ни стушаючы агню,
Усё сидѣла дли вакна
Да слухала салауя.
Салавей мой, салавейка,
Ни лятай ты у мой садъ,
Ни садися на вакнѣ,
Ни задавай жалю мнѣ.
Мая бѣдна галовачка
Многа у свѣти пажыла
Много горя бачыла.

(Отъ того же въ 1899 году).

Послѣднее десятилѣтіе, кромѣ прежнихъ старыхъ пѣсенъ, молодые дѣвки и парни стали распѣвать, такъ-называемыя «припѣуки», которыхъ, какъ они сами выражаются, «бизъ чысла».

Состоятъ эти припѣвки изъ нѣсколькихъ риомованныхъ строчекъ и поются всѣ на одинъ мотивъ. Онѣ вошли въ моду съ тѣхъ поръ, какъ въ большихъ экономіяхъ начали разводить табачныя плантаціи.

И вотъ деревенскія дѣвки, работая на поденной работѣ этихъ плантацій и позаимствовали припѣвки отъ почепскихъ дѣвокъ. А затѣмъ и сами стали добавлять и присочинять по своему вкусу подобные куплетики въ родѣ слѣдующихъ:

Продамъ ленту изъ касы,
Куплю миламу часы.
— Намъ ня дораги часы,
Дораги цапочки,
На чорта намъ богачы
Богатага дочки.

(Запис. въ с. Михайловскомъ, Старод. у., отъ 17 л. женщ.).

Капуста мая,
Шырокія листы.
Атступитесь шарлатаны,
Къ намъ идуть артисты.

(Отъ той же).

Ни па небу хмара ходе—
Па нябесной высатѣ.
Не по дѣукахъ хлопцы плачуть,
Па дявоцкай красатѣ.

(Отъ той же).

Ни журися, мая мила,
Што у кармани пустата,
У мине денижки вядуцца,
Якъ у рѣшати вада.
Ни журыся, мая мила
Я нийдѣ ни прападу,
Многа грамати научуся,
Ув ахвицеры пападу.

(со сл. 19 л. д. въ дер. Борознинѣ, Стар. у.).

У меня миленка есть,
Страхъ па вулицы правесть:
Ротъ шырокій, носъ дугой,
Ножки тягнуцца дугой,
Лашади пужаюцца,
Кучары ругаюцца.

(Отъ той же).

У милашачки маей
Нѣту кохтачки сваей.
Я милёнку спалюблю,
Я ей кохтачку нашъю.

(Отъ той же).

Нѣтъ цвѣточка, нѣтъ сасонкы зиляной,
Нѣту милай на вулицы—отпрауляюсь я дамой.
У чомъ салдата ни любить,
За салдатамъ панства;
Заклау руки у карманъ,—
Усе яго хазяйотва.

(Отъ той же).

Охъ ты сукина дочъ!
Йдѣ гуляла усю ночъ?
— Ни бранися маминька—
Харошъ, харошъ миленькій
У рубашачки у сининькай.
Чаго яму луччы дать,
Ти сахару бѣлаго,
Ти винограду спѣлага.

(Отъ той же).

Нашы дѣвачки красивы
Чатьвиртака у мяне прасили,
Ну я малчыкъ былъ удалъ,
Палтары капейки далъ.

(Отъ той же).

Ой мы думали, гадали
На ваду вянки пущали,
Мой вяночыкъ патанулъ,
Мой миленькій абманулъ.

(въ с. Гарцовѣ, Стар. у., отъ 18 л. дѣв.).

Гармонь мая лакова,
Провожала—плакала.
Проводила я дружка
Да зяленага лужка.
Отъ лужка и до лужка.
Пращавай, сударушка.
Правадила да забору
Цаловала бизъ разбору,
Правадила до варотъ,
Удивила увесь народъ.

(Михаиловичи, Стар. у., со сл. 17 л.).

Хорашо милый играйишъ,
Твойимъ холадно рукамъ
Падайдика подъ вакошка,
Я пирчатки тибѣ дамъ.

(Отъ той же).

Я па вулицы шила
Пыламь запылилась.
Я сидѣла подъ вакошкамъ
Да и повѣйиу витярокъ.
Шила миламу рубашку
Вышивала каунерёкъ.
Рада бъ зь милымъ постояти—
Людей постыдилась.
Я и шыла вышивала,
Ни хватила шолку.
Сколькп зь милымъ ни стаяла,
Ни дабилась толку.

(Отъ той же).

Скольки Богу ни малйуся
У святые ни папау.

Не ходи, милъ, кале моря,
А то у воду упадешъ.
Не сватай ты багатыя,
А то зъ горя прападешъ.

Ув адну дѣвачку улюбиуся,
За сибѣ яйе ни узяу.

Багатая праклятая,
Ана вочинь пышна;
А бѣдная—харошая,
Якъ у сади вишня.

Пожилыя женщины смотрятъ на припѣвки, какъ на нѣчто безнравственное и легкомысленное, и съ гордостью заявляютъ: (въ селѣ Высокомъ, Стародубск. у.) «нѣ, у нашамъ сялѣ пяють тольки медзинныя харошыя пѣсни, а йетыхъ прыпѣвакъ, слава Богу, ня чутно. То вонъ пяють прыпѣуки тыя дѣуки, которыя звыкли таскацца па гарадахъ да па табакахъ».

Въ уѣздныхъ, заштатныхъ городахъ и мѣстечкахъ.

Въ настоящее время уличное хоровое пѣніе въ городахъ считается нарушеніемъ общественной тишины и спокойствія. Нѣсколько же десятковъ лѣтъ тому назадъ, когда городничіе больше были заняты доходами съ аршинниковъ и самоварниковъ, чѣмъ городскими порядками, и сами послѣ вечерняго чая не разъ возсѣдали въ халатѣ на лавочкѣ у воротъ дома,—городская молодежь обоего пола изъ мѣщанъ и подгородныхъ хлѣбопашцевъ пользовалась тоже патріархальнымъ деревенскимъ правомъ собираться на улицахъ, гулять и распѣвать. Это не фабричное, полупьяное пѣніе, вызванное хмѣлемъ. Нѣтъ. Здѣсь въ теплую лѣтнюю ночь собиралось юношество встрѣчать свою первую весну. Здѣсь выбирали себѣ подругу будущаго трудового житья и воплощали свою жизнерадость въ громкой пѣснѣ, ощущая, быть можетъ, первое біеніе сердца вблизи любимаго существа.

Когда съ появленіемъ исправниковъ и полицейскихъ надзирателей начали въ городахъ запрещать всякія сборища и игры, молодежь долго отстаивала свое неотъемлемое право облекать свои чувства въ пѣсню и первое время не слушалась полиціи.

При введеніи этого новшества зачастую гдѣ-нибудь въ концѣ улицы, подъ заборомъ сада, вдругъ раздавался громкій хоръ. Полиція спѣшила туда, но молодежь заранѣе разставляла своихъ караульщиковъ, которые, заслыша шаги власти, бѣгомъ пускались къ сборищу, и, когда полиція прибывала на мѣсто, ребяты уже сидѣли на деревьяхъ, и все было тихо. Иногда пѣніе раздавалось въ разныхъ концахъ города, но хористы, какъ пѣвчія птицы, сидѣли на «верби у канцы гребли».

Само собою разумѣется, что прекрасный полъ при такихъ нелегальныхъ условіяхъ уже не участвовалъ въ гуляньяхъ.

Благодаря этому вскорѣ перестали собираться на гулянья—и подъ Ивана Купала. Къ вѣнцу и отъ вѣнца и прочіе свадебные поѣзда ѣхали молча безъ пѣнія. Только на святой недѣлѣ Пасхи въ уѣздныхъ городахъ даже и теперь позволялося на одной изъ улицъ или на площади водить хороводы съ пѣснями.

Также уцѣлѣли еще щедровныя пѣсни на Рождество и рекрутскія пѣсни. Въ остальныхъ пѣсняхъ нѣтъ строгаго распредѣленія по временамъ года, какъ въ деревняхъ. Поютъ, какія кому и когда угодно.

Мѣщане, мелкіе торговцы и прочій мало интеллигентный городской людъ смотрятъ на полѣсцовъ съ предубѣжденіемъ и выражаются такъ о нихъ: «йета тольки мужыки необразованные дзьѣкають да цьѣкають, а у насъ у городи гаворюць па благородному».

Образчики разговора «по благородному» пагарскихъ мѣщанъ на рынкѣ.

«Здрастуйтя вамъ. Слухайтя мнѣ сюды—ти ня угодна вамъ купить у мяне пянёчку. Дишавей зи минѣ зроду ни у каго ня купится... Жалайте, ти нѣ? Ни жалайтя? Ну объ йетамъ прощайтя, да свиданія атъ васъ»...

Въ Мглинѣ и Почепѣ на базарѣ:

«Тетинька, а тетинька! сюды тетка, дулякъ харошинькихъ! выбирайтя, якія вамъ заугодно».

«А ты мадйца, чаво станшь? Купляй дули. Кольки табѣ дисяткау?»

Въ Стародубѣ на базарѣ:

«Дядька съ кашалёмъ, а дядька! Хади сюды! Ишъ яго! и ни атгукавцца. А штобъ табѣ вушы пазаклàдавало».

«Пани, а пани! Во бублики гарячые. Ни бярите у яйе, майе смашнѣй. Па чёмъ дасьтё за вязку?

«7 коп.» отвѣчаетъ паня.

«Дивитися-тка, ти хто чуу, ти хто бачыу, штобъ за тольки баранкау да 7 капѣекъ узять. А штобъ табѣ паничка мая, семь балячекъ», говоритъ она въ сторону, когда покупательница повернула спину.

Нижеслѣдующія пѣсни записаны со словъ огородницъ, мѣщанокъ заштатнаго города Погàра.

Весной, по случаю «невылазной грязи», которою отличается Погаръ, молодежь затрудняется даже въ выборѣ сухого мѣста на площади города, гдѣ бы можно было на святой недѣлѣ водить хороводы. Вонючая, глубокая грязь идетъ сплошной лентой по улицамъ до самыхъ стѣнъ домовъ: ни тротуаровъ, ни пѣшеходныхъ тропинокъ не имѣется, такъ какъ могучее око земства еще не заглядуетъ сюда, по дѣлу мощенія улицъ и осушенія города.

Но къ удовольствію и забавѣ молодежи вблизи города протекаетъ рѣка Вабля, туда то парни и дѣвки отправляются на гулянье, садятся «у чòвенъ» катаются по рѣкѣ и поютъ:

Ни па Волзи рякѣ
Быстеръ чòвенъ плыве,
Што-й у томъ у чаунѣ
Маладой удалецъ,
Держить вѐслы у рукахъ
Шапка съ кѝстямы на йомъ.
Къ тиряму падъѣжджау,
Салауйомъ прасвистàу,
Съ чарнаглазай душой
Усю ночь прагулю̀у,
Ни таскуй, ни гарюй,
Ты нявѣста мая!
Ни на смерть я иду,
Ни схарòнють мяне,
Я назадъ варачусь,
На табѣ ажанюсь.

(м. Погаръ, со словъ).

Ѣкъ пасѣю я лянокъ
У чыстомъ пòли на лужку,
Ты расти, расти, мой ленъ,
Тонокъ, дòвигъ и висòкъ,
Изъ корыня карянистъ,
Зъ галовачки симянѝстъ.
Якъ пачу̀ю пра свой лёнъ,
Увесь патоптанъ, павалёнъ,
У пастельку палажонъ.
Тры дарожки праляжали,
Тры малайцà прабяжали,
Тры халòстинькихъ,
Тры малодинькихъ.
Пасавѣтуйтя, падружки,
Мнѣ катораго любить?
Што—мнѣ перваго любить—
Нада щòгална хадить,
А другого палюбить—
Покòрненькій треба быть.
А мнѣ третяга любить—
Увесь нарàу треба зьмянить.
Палюбила малайца
Изъ за Питера—купца.
Увяу дѣвачку, падхватиу,
У караб̆ликъ пасадиу,
Па Волзи рякѣ пустиу.
Волга ряка ни прымая,
Къ биряжочку прыбивая.

(м. Погаръ, со словъ 20 лѣт. дѣвки въ 1898 году).

Хороводная.

Видна ты, рожа, адна у гардди,
Рожа, ты, рожа чырвдная.
Кала мяне сидять красачки рядныя.
Тольки кала мяне нѣту
Аднаго каралёваго цвѣту.
Рожа, ты, рожа чырвдная.
Я-й таго пасаджу,
Красачкамы абгараджу̊.
Видна, ты, дѣвачка,
Адна у батюшки.
Хоть адна, да й тая людна,
Рожа, ты, рожа чырвдная.
Кала мянѣ сидять
Дѣвачки красныя.
Тольки нѣту кала мяне
Аднаго Иваничка.
Рожа, ты, рожа чырвдная.
Я-й таго пазаву,
Кала сябе пасаджу,
Дѣукамы пагарскими абгараджу.

Щедровныя пѣсни.

Слѣдующую пѣсню пѣли вѣроятно крѣпостные подъ окнами своихъ господъ:

Што-й у пана, у пана
Микалая Васильлявича
Адинъ сыночыкъ, якъ сокалочыкъ.
Йонъ и таго у войська знаряджа̊у.
Каня вывадиу, да й—прыказывау—
Ѣдь, мой сыночыкъ, якъ сакалочыкъ.
Па пѐредъ войська ни хапайся,
Ззади войська ни аставайся.
Батюшки свайго йонъ ни паслухау,—
Папярёдъ войська на канѣ играя,
Папярёдъ усихъ мячдмъ махая.
Ѣдя поля, ѣдя другдя,
На третьтя узъѣжджая.
Яго батюшка ни угадая.
Батюшка кажа-то мѣсячка свѣтъ
Матушка кажи—то нашъ сынъ ѣдя.
Якъ заслышау пра то
Да руській кароль
Калибъ я знау,
Чый то сынъ играу,
Ябъ за яго каралѐуну атда̊у.

(со сл. 40 лѣт. женщ. м. Погаръ, Стародуб. у.).

Слѣдующую пѣсню говорятъ «гадицца пѣть у доми, штобъ Богъ насылау ураджай и споръ усюды».

Добрый вѐчаръ
Мосьцья панове!
Славенъ ясы,
Нашъ милый Божа
На нибясы.
Раставляйтя сталы тясдвые,
Накрывайтя сталы каурамы,
Наливайтя кубки мида̊мы,
Будутъ къ намъ трдя гастей:
Первый гость—весялъ мѣсячка,
Уторый гость—жарка соньняйка,
Третьтій гость—дробинъ дожджычакъ.
Во што змовя ясенъ мѣсячка:
Якъ узыйду рана зь вечара,
Узрадую пана у дардзи,
Паню у даму̊.
Што—змовя жа̊ркая соньняйка:
Якъ узыйду рана на зары,
Узрадую добрыхъ дѣтачакъ.
Во што змовя частый дробинъ дожджычакъ,
Якъ прайду я хоть разъ на лѣти,
Ураджу я жыта пшанйцу,
Усяку пашницу
У поли ядромъ,
У дварэ добромъ,
На лугу стага̊мы,
На гумнѣ капамы,
У клѣти карабамы,
У пячы пирагамы.
Славенъ есы,
Нашъ милый Божа
На нибясы.

Паздравляимъ съ новымъ годомъ, съ единымъ Богамъ, штобъ здровиньки были, многа лѣтъ жыли.

(М. Погаръ, со сл. 25 лѣт. женщины въ 1897 году).

Пѣсни, што пяюцца у бясѣди.

Погарцы очень словоохотливый и веселый народъ. Въ компаніи или у бясѣди стоитъ выпить рюмку или двѣ водки, сейчасъ начинаются пѣсни и танцы съ припѣвами. Преимущественно женскій полъ охочъ до пѣсенъ.

Йость у пòли тры дарòжки разныхъ,
Хадиу парэнь да дѣвочки позна.
Прашу тябе, ни хади да мяне,
Будя слава пра тябѣ и пра мянѣ.
— А я тыя славы па вѣкъ ни баюся,
Сь кимъ люблюся, съ тымъ ни разлучуся,
На рыначку сяду—й-—абнимуся,
Сь кимъ спазнаюсь, съ тымъ звинчаюсь.

Разыграуся конь варòный пада мной
Падъ наборнай збруяй задатой.
Охъ! и хто-жъ то канычаньку спаймàя?
Охъ! и хто-жъ то мòлайца скавàя,
Спаймала каня красная дяучòнка,
А скавала мòлайца да рòдная мати,
Ни строй, мати, каменнай палаты,
Прыкуй, мати, къ дѣвиччай карвати.

(м. Погаръ со сл. 45-лѣтн. женщ. въ 1897 году).

Плыла щука съ Крымянчука волнаю вадою,
Атбила щука рыба атъ беряжка ряску.
Патиряла дѣвачка атъ молайца ласку.
А я тую щуку рыбу нèвадамъ спаймаю.
А я свайго милинькаго рэчамы уяднàю.
Я яднала—ни уяднала, у бальшой таски стала.
Сватай мяне, разсукинъ сынъ, ня вводь у худу славу,
Сама сабѣ дѣвачка славачки даходишь,
Раниньки и пòзнинька зъ вулачки ня сходишъ,
Стану размауляти, ня мòжышъ атстати.
Ня вѣрь жа ты, дѣвачка, майимъ гавòрачкамъ.
Дяржы вумъ разумъ у свайой галовачки.
Я дяржала вумъ и разумъ, да-й пустила у воду,
Ни упаваю я, милинькій, на тваю худòбу.
Спалюбила я тябе за тваю удòбу.
Я-й ти журюся, у пичаль ни удаюся
А выйду я за вароты, атъ вѣтру валюся.

(Погаръ, со словъ 25-лѣтн. женщины въ 1897 году).

У майго мѝлага расте тры садочки.
Што-й у първамъ сàди зязюля кукуя,
У другомъ—зяленамъ салавейка свища,
А у третьтямъ вишневамъ мать съ сынамъ гуляя.
Яна зъ йимъ гуляя, у сына прауды пытàя —
Скажы, мой сыночыкъ, хто табѣ милѣйшъ?
Жана, али тёща, али мать рòдная?
Мати моя, мати, чаго ты пытайишъ
Ума, ти бязумъя, ти розуму майго?
Жана мнѣ мила, жана па закону,
Теща мнѣ мила, мила дли заѣзду,
Милѣй рòднай мати ў бѣламъ свѣти нѣту.
Яна мяне спараджала,
Три гадочки кахала,
Жарка свѣту ни тушыла,
Темну ночку ни усыпала,
Усё у калыски калыхала.

(м. Погаръ, со сл. 40 лѣт. женщ. въ 1898 г.).

См. Шейнъ. бѣл. пѣсни стр. 340, № 403, стр. 338 № 401.

Салавейка малюсинькій,—
У тябе голось танюсинькій,
Запѣй рана на зарѣ,
Узвясели ка ты мяне.
У чужой далней старанѣ
Нѣту роду тутъ пры мнѣ,
Нѣту роднаго ацца,
Ни сястрыцы, ни брацца.
Пайду у поля пагулять.
Свайго роду пашукать,
Усе поля абайшоу,
Свайго роду ни знайшоу,
Тольки я знайшоу былину
На матярнай на магили.
Ты, былиначка, схилися,
Сыра зимля растварися,
Устань, мати, ни ляжы,
Мнѣ дарожку пракажы.
Рада бъ, сыночку, я устати,
Дарожку праказати,—
Жоутые пясочки
Засыпали вочки

(м. Погаръ отъ 17-лѣтней дѣвки въ 1895 году).

То ни чарачки па столику пабрякаваютъ,
То удалые молайцы пагуливаютъ,
Аны пѣснкки пяють
У теремъ голасъ падають.
Слухай, дѣука, слухай красна,
Слухай, душачка мая,
Ты када будишь мая?
Ни загадачку дяучоначка загадавала,
Ни задумачку красная задумавала.
Загарицца гарючъ каминь
Сирядй Волги рякй.
Сяредъ синя моря
Парастеть палынь трава,
Разальлецца быстра рэчка
Супрати майго вакна,
Тады буду я твая.
Нашу дѣлу ни спалнйцца
Намъ съ табою ни брацца.

(м. Погаръ, со сл. 40-лѣтн. мужч., огородника въ 1898 г.).

Ни садися, салавейка,
На майомъ вакнѣ,
Ни хади, малодчыку,
Позна да мяне
Ни узводь, малодчыку,
Славы на мине,
Была, была слава,
Были пагаворы
Пра тую дяучоначку
Што чорныя бровы,
Тая дяучоначка,
Якъ поуная рожа,
Якъ поуная рожа
Дѣвачка прыгожа.
Иде—загаворя,
Якъ у звонъ заздоня.
Иде—засмѣецца,
Дунай разальлецца,
Кали заспѣвая,
Якъ у листъ чтая.

(м. Погаръ, со сл. 17 лѣт. дѣвки въ 1895 году).

Рекрутскія.

Зьбирауся на біцьу,
Пращауся жь жаной,
На пращаньни сказау:
Жана будь вярна.
Ня слухала малодка
Мужа свайго.
Мужа забыла,
Дитя радила
Ишой мужъ зъ палку
У пабыуку дамоу,
На пути дарожки
Таварышъ идеть—
Здароу, брать таварышъ,
Ти жива тамъ симъя.
Симъя уся здарова,
Случылася бяда,
Бяда ниболшая:
Жана радила.
Мать сына сустрикала
Съ иконай святой,
Жана маладая
Съ гарючай слязой.
Мать сына прасила—
Прасти, сынъ, жанѣ.
Табѣ, мать, пращаю,
Жанѣ—никагда.
Блиснула шабелька
У рукѣ баевой,
Скатилась галоука
Жъ жаны маладой.

(м. Погаръ со сл. 45 лѣтъ женщ. въ 1896 году).

Праваджала маминька
Сына у салдаты
Да-й заплакала—
Вярнись, вярнись, мой сыночыкъ,
Хоть на, адинъ дянёчыкъ
Ни вярнуся, маминька,
Ни на адинъ часочыкъ.
Сиряди лѣта тёплаго
У гости прилячу,
Сяду я падъ ябланкай
У зиляномъ саду
Запяю я пѣсянку
Тонкимъ галаскомъ.
Мима таго садику
Маминька ишла
Нявѣстачки—ластачки,
Вы паслухайтя
Хто у нашамъ садику
Жалабна пяѣть?
Сынъ мой разлюбезный
Голосъ падаѣть.

(м. Погаръ отъ той же въ 1896 году).

Што й ты, рѣчачка, Палтаука,
И шырока и глыбока
И валною шыбка бъе.
Якъ ударыла вална
Абъ крутыя бярига̀,
Разливалася вадица
На зялёниныкимъ, лужка̀мъ.
Умывалася дявица,
На бёряжку стаючы.
Вынимала сы кармана
Гарнитуравый платокъ,
Утирала красна дѣука
Свайо бѣлая лицо.
Яна умывалась, яна набѣлялась,
А замужъ пошла,
Мужу пакарялась.
Мужъ ряйнивый быу,
Хатѣу жану̂ зарубить,
А жана мужа усю ночку праспла—
Ни руби мянѣ рана зь вѐчара,
Заруби мянѣ сы веча̀ра да палу̂начы,
Дѣтки будуть спать,
Яны ня будуть знать.
Къ бѣлу свѣту дѣтки прашнулися,
Родный батюшка, идѣ наша матушка.
Ваша матушка у святлицы умываицца,
Яна умываицца, яна набѣляйцца.
Родный батюшка, то ваша нипраудачка.
Наша матушка у святлицы зарубана,
Закопана падъ бѣлай бярёзаю,
Прыкрыта гнилою калодаю.
Дѣтачки-жъ майе, ни укаряйтяжъ мянѣ
Ни винаватъ я, ни у прычыни я,
Винаваты у томъ уси дружки майе,
Уси тава̀рышы.

(отъ той же въ 1896 году).

Атдала мяне мати за разбойничка.
Сы вечара, сы палуначы
Разбойнички на разбой идуть.
Ужо свѣтъ—падъ абѣдъ
Разбойничкау дома нѣтъ.
Ужо люди пабѣдали,
Разбойнички прыѣхали
И стучыть и грючыть
У новыя варата—
Принимай жана
Дивятёрку лашадей.
На дисятамъ варано̂мъ
Самъ разбойникъ удало̂й.
Принимай, жана,
Платьтя цвятно̂я,
Ни дивись, ни сматры,
На Дунай ряку, няси,
Маладая жана ни утѐрпила,
Паглядѣла яна, важжахну̂лася:
Ахъ ты воръ, ты разбойникъ,
Пагубитель души,
Загубйу майго брата,
Свайго шурына.
Цыцъ, шельма, замаучы,
Скипишъ сама на нажы,
Што-й на первай устрѐчы
Ацпу—мати ни спущу,
Хоть сва̂йю съ плечъ
Гало̂вачку сыму.

(отъ той же въ 1896 году).

Пра̀щай атецъ, радная мать,
Прастнтя сына свайяго,
Щитайтя дни маи асталныя
Часы гуляньня майяго.
Пращай, атецъ, радная мать,
Падайтя мнѣ каня гнядо̂га
Съ кауказьськимъ ву̂бранымъ сядломъ.
Пращай, атецъ, радная мать,

Я сяду на каня быстрога,
Слязамы грудь усю абальлю.
Пращай, атецъ, радная мать,
Здрастуй чуждая страна,
Богъ вѣсть, когда я варачуся
Апять на родину свайю.
Пращай, атецъ, радная мать,
Прастітя сына свайяго.

(м. Погаръ, со сл. 22 лѣт. дѣвки въ 1899 году).

Слѣдующія пѣсни записаны въ Мглинѣ со сл 35 лѣт. женщ. въ 1899 году.

Чырвоная ты, калиначка,
Што-й у лузи вырастала.
Щасливая ты, дяучо̀начка,
Што любо̀ви ни знала.
Любоу наша хараша,
Да разлука тижала.
Разлучыла насъ няволичка,
Чужа—далняя старо̀начка,
Низнакомый здѣшный край.
Якъ сяду я, маладюсинька,
Падъ ракитавый кустокъ,
Вы кусты майе ракитавые,
Прикланитися къ зямлѣ.
Вы пташачки—канарейки,
Сабирайтеся ка мнѣ.
Ращыплитя майо тѣлячка
Па малюсинькимъ частямъ.
Не ма жъ майго милаго
Ни туты, ни тамъ.

* *
*

Я па лѣсу йшла,
Я па тёмнаму йшла,
Ни баялася.
Шауковая травачка
У слѣдъ слалася.
Па лясочку, па зяленаму
Листочки шумять
Пра насъ съ табой, милинькій,
Люди судють и гаворють,
Пущай судють и гаворють,
Я да тябе буду хадити,
Тябе вѣрна любити.

* *
*

Сярдечка майо, сярдечка,
Чаго балязнуйишъ?
Ты скажы, мая мила̀я,
Каго вѣрна любишъ?
Аднаго дружка любила,
Плакала, тужыла,
Плакала, гаривала,
Мала ночы спала.
Охъ ты, ночачка мая темная,
Каравать моя, ты, тясовая!
Я усю ночачку прастонла,
Другу ночачку перядумала
Третьтю ночку я прапла̀кала
Свайго милаго упрашывала:
Прашу тябе, другъ, ни прагнѣвайся,
Што мнѣ за тябѣ ни хатѣлася,
Хатѣлась мнѣ да-й за луччага,
За бѣлаго, за румянаго,
За Ивана кучаря̀вага.

* *
*

Систра мая, сястрыца,
Чаго рана стара стала?
Ты, сестра, сястрыца,
Калибъ ты майо горя знала,
Ты бъ у мяне—й ни пытала,
Сыноу ни жанила,
Дачо̀къ ни т'давала
На чужой рабо̀ти.
Горька притамлюся,
Приду у чужу хату,
Зьѣмъ сухо̀га хлѣбца,
Слязьмы абальлюся.

* *
*

Якъ засвища салавей
У темнамъ лѣси,
На калины сидючы,
Горьку ягаду калину клюючы.
Якъ заплача моладецъ,
У тюрэмки сидючы—
Охъ вы, браццы таварышы маие,
Накажытя майму батюшки у даму,
Нихай батюшка худобку прадае,
Мяне молайца съ тюрьмы бяре.
Прападай ты, мой сыночыкъ у тюрьмѣ,
А худобка нехай астаецца пры мнѣ.

* *
*

М. Косичъ.

Звуковыя особенности бѣлорусскаго говора Черниг. губ.

§ Первый.

а) Звукъ *а* остается безъ перемѣны, если на него падаетъ удареніе. Напр. хàта, рàкъ, гàлка, свàха, мàтка.

б) *а* ударяемое въ книжной рѣчи, переходитъ въ *о*, то въ *у*, то *я*. Напр. *ѣ=е*.

Трòвушка { также говорятъ: трòука		Рòсць	расти
Мурòвушка } мурòука.		Сахòрный	сахарный
Пасòдзимъ		Салòдкiй	сладкiй
Брòницца		Рòзный	разный
Мòнишъ (отъ слова манить)		Плòцюць	платятд
Мòня (3 лицо ед. ч. отъ гл. манить)		Гòцюць	гатятъ
Падòрымъ	(падаримъ)	Качỳлка	кàчалка
Рòшшыука	(расшивка)	Мачỳлка	мачалка
Пакòцимъ	(покатимъ)	Старàцца	стараться
Рòсказьни		Рàмы	рамы
Гавòриця	(говорите)	Мялчѣйшый	мельчайшiй
Кòжный	(каждый)	Гарчѣйшiй	горчайшiй
Крòса	краса	Ближѣйшый	ближайшiй
Утòишъ	утаишь	Шыбчѣйшый	скòрѣйшiй
Ухòпишъ	ухватишь		

2) Звукъ *а*, на который въ книжной рѣчи не падаетъ удареніе, при произношеніи остается безъ перемѣны. Напр.

Падалища	упавшiй съ дерева фруктъ	Качарыгà	кочерыга
		Каганèць	ночникъ
Замазка	замазка	Каравàй	свадебный хлѣбъ
Табака	табакъ	Узрàдавауся	обрадовался

Какъ рѣдкое исключеніе могутъ служить слова и м б а р ъ (амбаръ) и лàдунъ (ладанъ) гдѣ *а* замѣняется въ первомъ словѣ звукомъ *и*, а во второмъ звукомъ *у*.

§ Второй.

я у д а р я е м о е.

Звукъ я, на которомъ въ книжной рѣчи существуетъ удареніе не измѣняется и въ разговорной. Напр.:

Ярь		Мàта	
Валàчка		Мàкишъ	
Цилàты	телята	Лàга	лѣнтяйка
Дзѣцелъ	дятелъ	Грàды	
Грàзь		Вàзъ	

Въ нѣкоторыхъ словахъ ударяемое *я* переходитъ въ твердое *а* или *ё*.
Такое измѣненіе звуковъ замѣтно въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ. Напр.

Гарàчый	горячiй	Царà	царя
Прàмо	прямо	Пратаць	прятать
Рàдомъ	рядомъ	Грàзь	грязь
Прàжа	пряжа		

Я ударяемое переходитъ въ *ё*, напр.

акаёмъ окаянный

Звукъ *я*, на который въ книжной рѣчи нѣтъ ударенія, замѣняется въ разговорной звукомъ *е* или *и*. Напр.

пѐесъ	поясъ	на гри̇̀дахъ	на грядахъ
ма̀сленка	маслянка	сѐйиць	сѣять
пита̀къ	пятакъ	вѐйиць	вѣять
цижа̀ль	тяжесть	вѐйилка	вѣялка
завиза̀ць	завязать		

§ Третій.

Звукъ *О*.

Звукъ *О* подъ удареніемъ, какъ и предъидущіе гласные, не измѣняется и выговаривается при произношеніи, какъ *о*. Напр. столъ, во̀лосъ, но̀чка, го̀лодъ, бало̀та. Но въ извѣстныхъ случаяхъ нашъ говоръ не знаетъ обычнаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, *о̀* нашего литературнаго языка и, согласно старинѣ, сохраняетъ *ы*, *а* (і), *ѣ*: малады̀й удалы̀й, другі̀й, дарагі̀й, вы̀ю (вою), мы̀юць (моютъ), кры̀ю (крою), пѣ̀й (пой), халасты̀й, чарнабры̀вай, кры̀шуць (3 л. мн. числ.), вараны̀й, ры̀ю (рою), ны̀ю (ною).

Неударяемое *о* выговаривается какъ *а*. Но вм. уголь, уголья вуга̀ль, или уга̀лья, вм. вокругъ—вякругъ, йонъ (онъ). Напр.

лѣваму
курачка
па̀навага (род. пад. панового)
чабаты̀
ану̀ча
каня̀ (род. пад. отъ сл. конь)
аго̀нь
памало̀ли
пакалаци̇̀ць
страна̀
сако̀лъ
сасна̀
галаси̇̀ць

Въ рѣдкихъ случаяхъ неударяемое *о* переходитъ въ *ы*. Напр.

крыва̀вый	кровавый	по̀лымя	пламя
праглыну̀ць	проглотнуть	здрыгну̀уся	содрогнулся
дрыжы̀ць	дрожитъ		

Въ началѣ нѣкоторыхъ словъ вмѣсто *о* слышится *и*, *й*. Напр. йистры̀ць=острить, найстры̀у=навострилъ; Мигилѐвъ=Могилёвъ; вирябѐй=воробей.

§ Четвертый.

Звукъ *е*.

Звукъ *е*, отчасти и *ѣ=е* подъ удареніемъ произносится или а) мягко, какъ въ словѣ Ева, или б) твердо, какъ оборотное *э*, или в) какъ *ё*, *йо*.

Примѣры:

а) какъ *е* мягкое	б) какъ оборотн. *э*.	в) какъ ё (*йо*).
лѐбидзь	Васкрясѐньне	усё, твайо̀
нѐринъ	Спасѐньне (или спа̀синьне)	майо, далёка
пѐтля	у Вазьнясѐньня	майо̀ю, свайо̀ю,
сѐрпъ	уздзѐчка	усёю, сёмый
вѐрба	видѐлка—вилка	умёръ, умёрла

вѐциръ—вѣтеръ	абхаждѐньне—обхожденіе	йѐсьць, вёдры
мѐрзнуць		дзёшава
апѐньки		свадзёбный
умѐрць		стайицьё
нясешъ		пьйицьё

Послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, также послѣ *р* звукъ *е* ударяемый произносится, какъ французское *e* ouvert, съ открытымъ ртомъ, напр.

вячэ̀ря (ужинъ).	щэ̀пкя.	чэ̀ша (чешитъ)	рѐмни
бярэ̀зникъ.	кацэ̀ль (сумка).	сатрэ̀шъ (сотрёшъ)	чарепаць
щэ̀лка—щель.	щэ̀дрый	рэ̀щыкъ (крестикъ)	чарѝшня
шэ̀ршень.	жэ̀рдзь	грѐчка	варѐники
шэ̀льма.	кажэ̀уня (отъ кожи)	рѐбры.	тарѐлки

2) Иногда ударяемое *е* переходитъ въ *о*. Напр.:

ужò	т. е.	уже.	пачòпка	т. е.	почёпка
някòмъ		нячемъ	щòукаць		щелкать
идòмъ		идемъ	шòстый		шестòй
вядомъ		вядёмъ	гнòмъ		гнёмъ
нясòмъ		нясемъ	кладòмъ		кладемъ
бярòмъ		бяремъ	жнòмъ		жнёмъ
			трòмъ		трёмъ

Но сл. пепелъ сохраняетъ свой старый видъ: попелъ. Сохраняется и *и* въ повсл. накл. глаголовъ бити, лити, пити, не переходя въ *е*: би, ли, пи (а не бей, лей, пей).

3) Иногда ударяемое *е* переходитъ въ *и*, *ы* и даже въ *о*, также въ *а*.

Напр.: мижъ, мизъ } между.

		тьвиу	цвѣлъ.
		прамизъ пàлцау	между пальцами.
мижда гарамы	между горами	табѣ	
памѝзъ горъ	между горъ	сабѣ	

§ пятый.

е не подъ удареніемъ.

Неударяемое *е*, стоящее въ слогѣ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, непосредственно предшествующимъ ударяемому слогу, всегда исключительно переходитъ въ *я*. Напр.:

ляци	мялюсинькій (мелкій, не глубокій)
мядòвый	нядзѣля—недѣля
пярò	нясиця—несите
вязѝ	бяры̀—бери
цясòвый	цялёнакъ—теленокъ
мянѐ	вярнись—вернись
цябѐ	сялò—село
някрỳцкій, т. е. рекрутскій	сястры̀ца

1) Изъ этого правила исключается слѣдующее: если въ словѣ ударяѐмый слогъ имѣетъ *я*, то въ предшествующемъ рядомъ стоящимъ съ ударяемымъ слогомъ уже не будетъ слышно *я*: оно замѣняется звукомъ *и*.

2) Рѣчь не терпитъ сряду 2-хъ словъ съ звуками *я*. Напр.:

два дзисяткн = два десятка	Билянaчка	бѣляначка.
зимлѝ	не виляць	3-ье лицо не велять.

Даже если ударяемый слогъ имѣетъ гласный звукъ *а*, то въ предъидущемъ слогѣ уже не услышится однороднаго мягкаго *я*, напр.: не скажутъ дзяжà, но дзижà, систрà, а не сястрà.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы всѣ поголовно выговаривали одинаково; въ большой глуши Полѣсья иногда старые люди говорятъ также: сястра̀, жа̀ряная, ва̀ряная.

3) Также и въ слогѣ, стоящемъ послѣ ударяемаго *я*, слышится больше *и* или е, но никакъ не *я*. Напр.:

прядз*и*во	пряжа	вя̀линая	иногда вяленая
глянимъ	посмотримъ		

4) Такъ какъ рѣчь не терпитъ двухъ *я* въ рядомъ стоящихъ слогахъ, то и при отрицаніи «*не*» замѣчается слѣдующее измѣненіе гласныхъ:

а) если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится *я*, то отрицаніе *не* переходитъ въ *ня*. Напр.:

Куму̀сичка, любу̀сичка,
Ня би майихъ вуцинятъ.

б) Если въ слѣдующемъ за отрицаніемъ слогѣ слышится *я*, то отрицаніе «*не*» переходитъ въ *ни*.

Кумусичка, любусичка
Ни бяры̀ майихъ вуцинятъ.

Однимъ словомъ, съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются и гласныя въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ. Возьму слово *зеленый* въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) паслала мянѐ маци
з*и*лянѐга жыта жаци.

2) зялёная наша вишанька
Туды сюды нахилилася.

5) *е* въ словахъ, стоящихъ послѣ ударенія, переходитъ въ *и*. Напр.:

Бѐригъ	берегъ.	дзѐвирь
лѐбидзь		зѐлино
дзѐрива	(дерево).	сениньк̀ій

6) *е* во словахъ, предшествующихъ и въ то же самое время удаленныхъ, не стоящихъ рядомъ съ ударяемымъ слогомъ, большею частью переходитъ въ *и*, напр.:

силязѐнька	сирядзина	
симяры̀хъ	дзисятёхъ	десятерихъ
дзисяцѝ	жирябо̀къ	жеребенокъ

7) Повторяю, что въ неударяемыхъ слогахъ нельзя строго установить законъ перехода гласныхъ изъ одного звука въ другой. Напр. въ предъидущихъ словахъ встрѣчаемъ въ болѣе глухихъ мѣстахъ полѣсья въ рѣчи людей, несоприкасающихся съ интеллигенціей, такое произношеніе: вѣця̀ръ, (вѣтеръ), беря̀гъ, лебя̀дзь, дзевя̀рь, синя̀нькій (синенькій).

Для большей ясности приведу рядъ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что съ перемѣщеніемъ ударенія мѣняются въ остальныхъ слогахъ гласные. Напр.:

сярѐдзина	(спина)	сирядзѝна	(средина)
кисѐль		кися̀лю	
дзярэ̀уня		дзирявѐньській	
дзѐрива		дзярѐуя	
вядзьму̀га		вѐдзьма	
видзьма̀вацъ		вѝдзьма̀къ	
дзяцѝнка	(юноша)	дзѐтачки	
дзицятка		дзяцѝй	
у сѐриду	(въ среду)	сиридавы̀й	(среднiй)
цисця̀ный		цьесьця̀нъ	
пярёдъ			
у пѐридъ	(т. е. впередъ)	нирядзѝ	
вяселый			
висилча̀къ		висялѐйшый	
висна̀			
висьня̀ный		на виснѣ	

вячэ̀рный		вячо̀рашный
ве́чарамъ		у вичару̀
у лясу̀		палясѣ̀дущыкъ
у лѣ̀си		лясны̀й
царпѣ̀ць		
ни у царпё̀жъ		ня уцѐрпила
у циряму̀		на цьѐрямы
за дзьвиря̀мы		за дзьвѐрямы
пя̀сокъ		пищя̀ный
рёминь		
рымнямы	(тв. м. ч.)	рямѐнный
вялю̀	(прикажу)	
ни виля̀ць	(не приказываютъ)	вѐлина (приказано)
гляджу̀		разглида̀ю
сялёдка		силядзѐць
ка̀минь		камяны̀й

8) Въ словахъ предшествующихъ и послѣдующихъ ударяемому слогу, послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, *ц*, неударяемое *е* переходитъ въ *а*, а иногда въ *ы*.

Напр.

щака̀	щарба̀	саже́ней	чацьве́ргъ
жана̀	щандо̀къ	шаво́ля (шевелитъ)	чаты̀ры
чарнѝца	ущамѝлась	шапату̀ха	чапе́цъ
чаре́пацъ	жардзѝна	на шасту̀	царькду̀ный
жала́цъ	цадзѝць	щабе́ча	ка̀шаль (ка̀шель)
жалу̀дакъ	купѐчаській	щацѝна	шарсьця̀ный
жарёбна	чырво̀ный	чарствы̀й	кучыря̀вый
жасьцяны̀й	чырявѝки	часно̀къ	чырво̀нецъ
жасто̀кій		на часцѝ (на чести)	

§ Шестой.

Буква *ѣ*.

Буква *ѣ* въ разговорной рѣчи литвиновъ ничѣмъ не отличается отъ *е* и подчиняется почти тѣмъ же самымъ правиламъ, которыя относятся и къ *е*.

1) Будучи подъ ударенiемъ она выговаривается, какъ *«е»* въ словѣ *«ель»*. Напримѣръ.

лѣ̀съ,	сѣ̀рый	мѣ̀лъ	вѣ̀на (приданое)
лѣ̀нь,	сѣ̀тка	дѣ̀ла	ѣ̀мъ
сѣ̀на	прыбѣ̀гъ	вѣ̀никъ	ѣ̀хау

2) Послѣ *ц*, *р*, буква *ѣ* также произносится съ открытымъ ртомъ, какъ французское *e* ouvert. Напр.

рѣка̀	гарѣ̀лка	рѣ̀жъ	цѣ̀пъ
рѣ̀шато	абъ Пятрѣ̀	рѣ̀па	цѣ̀лъ

арѣ̀хи (также говорятъ аряхѝ)

на дварѣ̀ цѣ̀ука (трубка, на которую наматываютъ нитки при тканьѣ)

рѣ̀дкій

3) *ѣ* переходитъ также въ *и* и *ы*. Напр.

усьмихуйицца (3 л. ед. ч.) усмѣхается

тьвѝу, (цвѣлъ)	чымъ (чѣмъ)
прыбры̀у (прiобрѣлъ)	тымъ (тѣмъ)

4) *ѣ* безъ ударенiя подчиняется такому же переходу, какъ *е* (см. § 5), напр., бяды (род. пад. бѣда)...

ѣ безъ ударенія переходитъ въ другіе гласные, сообразно съ перемѣщеніемъ ударенія (см. § 5) напр.

лѣсъ — лясы́ — дзицячный
дзѣдъ — дзяды́
дзѣци — дзяцѝнка — рѣка — ряки (род. пад. ед. ч.)

Послѣ шипящихъ преимущественно послѣ *ц*, *р*, неударяемое *ѣ* переходитъ въ *а*. Напр.

цадзѝлка (цѣдилка) — цалко́вый (цѣлковый)
на цапу̀ (на цѣпи) — цаляць—цѣлить
цальба́ (цѣль) — цана̀—цѣна

5) *ѣ* въ падежныхъ окончаніяхъ остается только въ томъ случаѣ, если на него падаетъ удареніе. Напр.

на плячѣ̀ — на верицянѣ̀
пры крылцѣ̀ — на пшанѣ̀
у хвасьцѣ̀ (также у хвасту̀
пры сястрѣ̀ — абъ раждвѣ̀ (на рождествѣ)
на живѣ̀ — на вадзѣ̀

Исключеніе изъ этого правила представляютъ слѣдующія слова:

на канѝ (на конѣ) — на дни (въ день)
у барщы̀ (въ борщѣ) — на пни (на пнѣ)
на канцы̀ (на концѣ)

6) Если же въ этомъ случаѣ удареніе не на послѣднемъ гласномъ, то *ѣ* въ падежномъ окончаніи переходитъ въ *и*, *ы*. Напр.

на во̀ли — на хо̀ладзи
у по̀ли — у кры̀ницы
на дзярѐуни — на па́лцы (на пальцѣ)
у лѣ̀си (также у лясу)
у хо̀ли (въ холѣ) — у я̀ми
на пшанѝцы — на ха̀ци.
у про̀си (въ просѣ)

§ Седьмой.

И.

1) Гласный *и* съ удареніемъ трояко произносится: а) мягко, какъ *и*, напр., вѝшня б) болѣе смягченно, какъ іотъ—и *йи*, напр., йиволга, йикаука и в) какъ *ы*, послѣ шипящихъ: ж, ч, ш, щ, р.

П р и м ѣ р ы:

а) вѝшня, лѝпа, свѝтка, Ива̀нъ, инды́хъ, иго̀лка, инбѝрь.

б) йиволга, йикаукаука (икота) йискра, йимъя (имя) йиній (иній) йиншый (иной) йихъ, йива, йихныйимъ, йилъ, йидалъ, йикра̀, майи, твайихъ, йисцина, по̀йимъ, почу̀йимъ, Барабайиха, Клюйиха (имена собственныя—прозвища), абливайимъ.

Вообще іотированное йи встрѣчается въ глагольныхъ окончаніяхъ и въ неопредѣленномъ наклоненіи: атсыла̀йишъ, пайицъ (поить), пайила, стройицъ, пайиу, накрыйимся.

---

[1]) Послѣ *ц* слышно *а* въ великор. акающ. гов.; оно также замѣчено и въ старыхъ Македонскихъ и вообще средне-болгарскихъ рукописяхъ, напр. въ Апост. Чтен. (бывш. Шафар. и нынѣ Пражск. Муз.) къ *плътьсцаи* чистотѣ, въ *Дамасца*, по *посца* (постѣ). Срезневскій Свѣд. и зам. С.-ПБ. 1876. LXXII. Стр. 488 *роуца* и нозѣ, бы мнѣ *крѣпца* (Бѣлгр. Синакс. 1330 Ламанскій. Прилож. къ VI т. Зап. И. Л. Н. № 1. 1864. с. 33). *Ред.*

в) жыдъ, дзяржы, лажысь, запряжыцье, скажы, чужый, ключы, уначы (въ ночь) чыстый, шына, килышы, шырынка (платочикъ), патушыла, лидащыца, щыпцы, щыкалатка, щырый, пярына, тры, крыва, рыпнула, Арына, ня журыся, ни барыся, пасварылись.

3) Ударяемое *и* переходитъ иногда въ *е*, напр., яйечка—(яичко), яйецъ, яйешня, трайецкіе (троицкіе праздники), величенный (отъ слова величина).

Безударное *и*.

4) Послѣ ж, ч, ш, р, также слышится *ы* на мѣсто безударнаго *и*, напр., начынàць (начинать), кỳдры, щыпала, на пѐчы или на пячы (на печкѣ), дрямучый, таварышы, у кашы (въ кашѣ), бàчышъ, скỳчылось (скучно), наплачыськя, (2-е лицо), гарючыя (горькія), харошыя, шырокій, шỳрынъ.

5) Безударное *и* въ началѣ слова произносится какъ *й*, если предъидущее слово оканчивается на гласную. напр. На—Йвана соньняйка йграла.

Йета анѣ ни йшло, ни ѣхало. (Это все равно), Нима ни йдзѣ (ни гдѣ). Нижỳ на йгòлку; ня хòчу йисць (идти). Будзимъ на скрыпку йграць.

в) Иногда подобное безударное *и* въ началѣ слова можетъ совсѣмъ теряться Напримѣръ:

Ой грайця музыки,	или	Грай музыка,
Кали ночы ни вялики,		А то штрумéнтъ пабъю.

7) Иногда безударное *и* является въ особаго рода суффиксахъ напр., въ словахъ уменьшительныхъ.

Примѣры:

Кавàликъ, клòпикъ, пòпикъ, снòпикъ, кòликъ, вỳзьликъ, хлѣбикъ, вòликъ, пономàрикъ, кòушыкъ, лѣтникъ, зимникъ (дорога, по кот. ѣздятъ лѣтомъ и зимою).

Еще безударное *и* переходитъ въ *ы*, послѣ предлоговъ, напр.:

Атыйшòу, абыхóдзье, сыйшлà, абыйшлà, Владымирь, сызый.

Также безударное *и* переходитъ въ *я*, *е*, напр.:

Нòся (носитъ), кòрмя (кормитъ), любя (любитъ), прòся (проситъ).

§ Восьмой.

Звукъ *ы*.

Звукъ *ы* всегда произносится какъ *ы*, напр., пылъ (пыль), рыло, сыта, карыто, скарынка.

За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ *ы* замѣняется звукомъ *и* и *а*, напр., висòкій, вымата (вымыта), вòпитный (опытный).

Среди городскихъ мѣщанъ и полуграмотныхъ дворянъ слышенъ вмѣсто звука *ы*=и, напр., бутилка, вимить, тисяча, били (были), пишно, кабила, вискобл*и*ть, ви, ми и т. д.

§ Девятый.

Звукъ *У*.

1) Звукъ *У*, замѣняющій собою всегда предлогъ *въ*, а также неударяемый звукъ *у* въ началѣ слова произносится двояко: а) или кратко или б) обыкновенно, какъ выговаривается у въ книжной рѣчи. Напр. «у хàци свякруха лижàла».

2) Безударное краткое *у*, стоящее обыкновенно въ началѣ слова, произносится на столько кратко, что, сливаясь съ гласной предъидущаго слова, какъ бы не составляетъ отдѣльнаго слова. Напр.

Няумёръ Данила, балячка удавила.

Звуки б, п, в, м, ф.

Согласные средніе звуки не переходятъ въ соотвѣтствующіе тонкіе звуки, какъ это замѣчается въ великорусской рѣчи. Напр., говорятъ бобъ, но не бопъ.

дубъ а не дупъ	ѣжъ – ѣшь
лаука—лафка	будка – бутка
рѣдко—рѣтко	дзѣдъ – дзѣтъ.

Исключеніе составляютъ слова—стоупъ (столпъ) и юпка.

Равнымъ образомъ послѣ означенныхъ губныхъ не слышно мягкаго знака, а наоборотъ, твердый знакъ, напр.

пъяука—пьявка	рыбъя—рыбья
вымъя—вымье	выпъю—выпью
семъя—семья	бъецъ – бьетъ
сабъю—собью	Дзимъянъ—Демьянъ
голубъ—голубь	насыпъ—насыпь
бабъя—бабья	семъ—семь
хлопъя—хлопья	тряпъё—тряпье.

Звукъ Г.

Г выговаривается какъ французское h (ашъ) въ словѣ hair—(ненавидѣть), за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ *г*, произносится какъ французское gué, а иногда даже переходитъ въ *к*. Напр. (произносится г какъ gué).

ганки (крыльцо)	мазки—мозги
гузикъ (пуговица)	мякко—мягко
гвалтъ (крикъ)	вискъ—визгъ
мозкъ—мозгъ	у дребезки—въ дребезги.
розка—розга	

Переходъ *г* въ *ж*—спужайся.

Звуки д и т.

Звукъ д—т передъ іотированными гласными *е*, *ё*, *ѣ*, *и*, *я*, *ю*, *ь* переходитъ въ *дзь*, *ц*.

Въ этомъ случаѣ *ь* послѣ ц произносится мягче, чѣмъ въ великорусской рѣчи (съ полуоткрытымъ ртомъ).

Для большей мягкости выговора, мы будемъ ставить полугласный *ь* вмѣсто *іота*. Напр.

цьёща—тёща	дзьвери—двери
цьёрымъ—теремъ	маладзьёцъ—молодецъ
давайцье—давайтя	сцьежка—стежка
касацьенькій—	цялушка—тялушка
вядзьё—ведетъ	пападзьецца—попадется
дзьёвирь—деверь	

Звукъ *т*, не переходящій въ *ц*, бываетъ вставнымъ между окончаніемъ повелительнаго наклоненія 2-го лица съ приставкою *ка*. Напр.

сядзьцье-т-ка	ходзи-т-ка сюды
прихóдзьце-т-ка	сюдыцье-т-ка
вазьмиць-т-ка	прысуньсья-т-ка.

Д и *т* переходятъ въ *дж*, *ч* и *ст*. въ *щ*. Напр.

багачѣць—богатѣть	таущѣць – толстѣть
худжѣць—дѣлаться хуже	

Звукъ з.

З мягкое, какъ напр., змѣй, звѣзда и пр., произносится въ рѣчи, болѣе свистящимъ maнеромъ, какъ бы растягиваясь, или какъ будто въ срединѣ слышно два зь, зь. Напр., зьзьвизда—звѣзда, зьзьвѣрь (звѣрь), зьзьмѣй.

вазьми—возьми,	зьвѣсна—извѣстно.

Въ прочихъ слогахъ, гдѣ з твердое въ книжной рѣчи, тамъ оно выговаривается обыкновенно. Напр.

звонъ, звацъ, казка,

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ слышенъ мягкій знакъ, т. е. ь, послѣ согласныхъ *з*, *л*, *н*, с, *р*,—въ бѣлорусской рѣчи этотъ согласный удваивается, и первый изъ нихъ выговаривается мягко. Напр.

вя̀зьзе—вя̀зье	полозьзя—полозья
го̀льляйка—вѣтки	вясельля—веселье
Ильля—Илья	застб̀льле—застолье
абальлю̀тца—обольются	сальлю̀—солью
падпо̀льля—подполье	альляны̀й—льняный
ко̀льля—колья	прихѝльля—пристанище
вугальля—ўга̀лья	пря̀льля—которая прядетъ
бѣльлё—бѣлье	Ната̀льля—Наталья
Ульляна—Ульяна	паста̀ньня—приполъ
катаньня—катанье	гоня̀ньне—отъ сл. гнать
гуляньняйка—гулянье	разгауля̀ньне—розговѣны
вараньнё—вороны	валосься—волосы
коло̀сься—колосья	Ягорьря—Георгія
пѐръряйка—перья	звярьрё—звѣрье.

Вм. *нельзя* употребляется старинное *нельга*.

Мягкій знакъ ь, стоящій въ книжной рѣчи въ срединѣ словъ послѣ *ж*, *к*, *ч* и послѣ *дзь*, *ць*, въ разговорной рѣчи выбрасывается, между тѣмъ какъ означенный согласный удваивается. Напр.

бо̀жжа—божья	стру̀чча—стручья
сбо̀жжа—смѣсь зёренъ	судьдзя̀—судья
ружжо—ружье	або̀ддзя—обо̀дья
зайиччый—заячій	пападдзя—попадья
соба̀чча—собачья	пицьцьё—питье
кула̀чча—кулаки	свацьця—сватья
каря̀чча—корни	пла̀цця—платье
дзяво̀ччая—дѣвичья	куцця—кутья
хлапя̀ччый—отъ слова хло̀пецъ	пру̀цця—прутья

Знакъ ь, стоящій въ срединѣ слова между согласными, въ бѣлорусской рѣчи выбрасывается. Напр.

волный—вольный	пы̀лный—пыльный
хвалшѝвый—фальшивый	пра̀вилно—правильно
па̀лцы—пальцы	бо́лна—больно
паквб̀лно—свободно	бяздо́лная—несчастная

Звукъ ж.

Звукъ ж въ срединѣ слова выговаривается, какъ *дж*, а иногда къ ж прибавляется еще дж, и получается слогъ *жджк*. Напр.

отъѣжджа̀ть—отъѣзжать	побуджа̀ць—будить
ураджа̀й—урожай	прахаджу̀ся—прохожуся
дожджа̀—дождя	ваджу̀—вожу̀
ня̀ жджы—не жди	саладжѣ̀й—слаже.

Ж переходитъ въ щ, з. Напр.

вищàть—визжатъ
зялѣза, зялѣзный—желѣзо, желѣзный
рзуць—ржутъ
земчугъ—жемчугъ.

Звукъ к.

Предлогъ *къ*, выговаривается, какъ французское *que*, передъ словами, начинающимися на *б*, *д*, *г*, *ж*, *з*. Напр.

гъ бани—къ банѣ
гъ бòку—къ боку
гъ дзѝрцы—къ дыркѣ
гъ гужỳ—къ гужỳ
гъ гурку—къ огурцу
гъ зѝмѣ—къ зимѣ
гъ зязюли—къ кукушкѣ
гъ дзѐреву—къ дереву
гъ жòнцы

Передъ прочими согласными слышно *къ*. Напр.

къ травѣ
къ цьèрему—къ терему
къ свàцьби
къ пѐтцы—къ печкѣ
къ канѝ
къ цяплỳ—къ теплу
къ цялѐнку—къ теленку

К переходитъ въ *х*, напр.

хрестъ—крестъ
хресьбины—крестины
хто, нихто, нѣхтось,—(кто, никто, кто-то).

Звукъ л.

Звуки *л*, *в*, стоящіе послѣ гласныхъ, переходятъ въ у (краткое), образуя такимъ образомъ двоегласіе въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) *Л* переходитъ въ кратк. *у* въ существительныхъ: Напр.

шòукъ—шелкъ
вòукъ—волкъ
стòупъ—столбъ
каубасà—колбаса
поупирагà—полпирога.

2) Въ прилагательныхъ: Напр.

тòустый—толстый
жòутый—желтый
дòугій—долгій
пòуный—полный
шаукòвый—шелковый

3) Въ глаголахъ. Напр.

тòучъ—толочь
каутàць—глотать
маучàць—молчать
щòукать—щёлкать
пòузаць—ползать

4) Въ глагольныхъ окончаніяхъ прошедшаго вр. 3 лица, мужск. рода. Напр.

ходзѝу—ходилъ
гулỳу—гулялъ
чысциу—чистилъ
вѝу—вилъ
бѝу—билъ
шукàу—искалъ
прапàу—пропалъ
пѣ̀у—пѣлъ
йѣ̀у—ѣлъ

В переходитъ въ *у* въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) Въ существительныхъ, напр.

маркòука—марковка
крòуля—кровля
дзѣ̀ука—дѣвка
любòу—любовь
цѐрькоу—церковь
залòука—заловка
вòуна—шерсть
крòу—кровь
пакрòу—покровъ
рукàу—рукавъ

горщѐуникъ—(дѣлатель горшковъ).
Пауло̂—Павелъ.

2) Въ родительн. падежѣ существительныхъ. Напр.

канцо̂у – концовъ
дамо̂у— домовъ
каро̂у—коровъ
ба̂цькову—ба̂тьковъ т. е. батькинъ
дзявирѐу – деверей
попо̂у—поповъ
дзяко̂у—дьяковъ.

3) Въ прилагательныхъ. Напр.
ро̂уный.

4) Въ глаголахъ: напр.
кпуну̂ць—кивнуть.

5) Въ дѣепричастіяхъ: напр.
ста̂ушы—ставши,
йѣ̂ушы—ѣвши.

Слѣдующія слова остаются безъ перемѣны и не образуютъ двоесловія:

волъ
колъ
столъ
полъ
кацёлъ—(котелъ)
хахолъ
по̂лка
вяселъ—(веселъ)
гарѣлка—(водка)
сако̂лъ
кобы̂лъ—(род. пад.)
цволъ—(стволъ)
вуго̂лъ—(уголъ).

Звукъ с.

Кромѣ твердаго произношенія, какъ напр., садъ, посуда, сынъ, соха,—въ народной рѣчи *с* произносится какъ бы усиленно свистящимъ манеромъ, растягивая и усиливая звукъ *сь*, напр.

сьсьмѣлый, сьсьмецье—(смѣтьё)
сьметана—сметана
сьцякло—стекло
сьцибану̂ць—стебнуть
у сьвѣци—въ свѣтѣ
пасьвиць—пасти
пасьцѐль—постель
войсько—войско
сьмѣхъ—смѣхъ
пасьлѣднiй—послѣднiй
сьцяречь—беречь
у цьесьци—въ тѣстѣ
на мѣсьци—на мѣстѣ
сьвича—свѣча
сьлёзы—слёзы
сьвѣцялъ—свѣтелъ
сьпйна—спина
ѣсьць—ѣсть

Въ прилагательныхъ на *скій* вездѣ слышно мягкое произношеніе, напр.

коньськiй
купечаськiй
женьськiй.

Если звукъ *с* ввидѣ предлога стоитъ передъ слогомъ, начинающимся звуками к, п, с, т, х, у, и если начальный слогъ этого слова оканчивается однимъ изъ твердыхъ гласныхъ а, о, у, е твердое (какъ е ouvert), стоящіе послѣ ц, то предлогъ произносится, какъ въ книжной рѣчи, т. е. съ; примѣры:

съ хло̂пцомъ
съ пано̂мъ
сь царёмъ
съ ты̂номъ
съ цѣпомъ
съ табою
съ канёмъ
съ сыномъ
съ пру̂томъ
съ цѣльемъ.

Съ остается неизмѣннымъ передъ словами, въ которыхъ начальный слогъ заканчивается мягкимъ гласнымъ въ соединеніи съ нѣсколькими согласными, какъ-то: ***крѣ***, ***пле***, ***тре***, ***пне***, ***кля***, ***плю*** и т. п. д. примѣры:

съ плеукой	съ плевкой
съ прелымъ	съ трѐскамъ
съ плечъ	съ огнёмъ
съ хрѐнамъ	съ плюгавымъ
съ хлѐбамъ	съ клйнамъ.
съ хрясто̀мъ	

Предлогъ *съ* передъ гласною *а* тоже остается неизмѣннымъ. Напр.

съ Антòнамъ, съ Аудзѣемъ (Авдѣемъ)	съ акрайцамъ - съ краюхой хлѣба
съ Ангаламъ—съ Ангеломъ	съ апѐнькамы—апенька, грибы.

Послѣ предлога *съ* звукъ *и* переходитъ въ ы напр.

съ Ываномъ—(съ Иваномъ)	съ Ырадомъ—(съ Иродомъ)
съ Ыгнатомъ—(съ Игнатомъ)	съ Ыгрушамы—(съ грушами).

Предлогъ *съ*, стоящій слитно съ словами, подчиняется тому же правилу. Примѣры:

спадаць—спадать	схапи̇̀ць—схватить
сплиснŷць—слить	ссадзи̇̀ць—ссадить.
скливàць—клевать	

Если же слово, начинающееся съ звуковъ к, п, с, т, х, ц (мягкаго), за которыми непосредственно слѣдуетъ мягкій гласный звукъ, то предлогъ *съ*, стоящій передъ такимъ словомъ, произносится мягко *сь*. напр.

сь перъямы	сь сястрою
сь цьеремамъ	сь пячы̀
сь сливамы	сь цьѐнцы.
сь цьестамъ	

Примѣры предлога слитнаго съ словами, начинающимися звуками к, п, с, т, х, ц.

сьпихнуць	сьцйснуць
ськйнуць	сьсинѐць
сьпилйць	сьпечъ.

Предъ прочими согласными, кромѣ *с*, *т*, предлогъ *съ* переходитъ въ *зъ*, если слѣдующій за нимъ начальный слогъ въ словѣ оканчивается твердою гласною а, о, у, ы. Напр.

зъ лы̀синай—съ лысиной	зъ лапатай—съ лопатой
зъ бàцькамъ—съ батькой	зъ ракамъ—съ ракомъ.
зъ лы̀камы—съ лыкомъ	

Зъ остается на своемъ мѣстѣ передъ словами, начальный слогъ которыхъ оканчивается мягкимъ или твердымъ гласнымъ, предшествуемой двумя, тремя согласными (т. е. передъ такого рода словами: *бре*, *бру*, *бря*, *брю*, *дру*, *дрю*, *гря*, *глы*, и т. п.) напр.

зъ брыдкимъ—съ противнымъ	зъ дрю̀камъ—съ палкой
зъ брусьнйкай—съ брусникой	зъ грязьзю—съ грязью
зъ бряхнёй—съ ложью	зъ глыбòкай—съ глубокой
зъ брю̀хамъ—съ брюхомъ	зъ глиной—съ глиной

Передъ *о* и передъ *у* слышно непремѣнное предыханіе. Напр.

зъ вòкнамы—съ окнами	зъ вŷткаю—съ уткою
зъ вòкоркамъ—съ окорокомъ	зъ вушàмы—съ ушами

Слова слитныя съ предлогами подчиняются тому же правилу. Напр.

збыу—сбылъ	збрòсиу—сбросилъ
змачы̀у—смочилъ	звалйли—свалили
злàдзиу—сладилъ	збрыкнŷць—соскочить
знач̇àла—сначала	здŷць—сдуть
зрѐзаць—срѣзать	згрёбъ—сгребъ

зламȧу—сломалъ	зрыць—срыть
злȧдзиць—сладить	згубиць—сгубить

Если предлогъ *съ*, переходящій въ *зъ*, стоитъ передъ словомъ, въ которомъ рядомъ съ начальнымъ согласнымъ слышится мягкій гласный, то *зъ* переходитъ въ *зь*, Напр.

зь ми̇лымъ	зь лягушкой
зь зязюляй	зь людзямы
зь лѣсу	зь некрутомъ
зь вѣнамъ (съ приданымъ)	зь бядой
зь бѐригамъ	зь вярбо̇й
зь дзя̇валамъ	зь дзѣдамъ
зь вѐчарамъ	зь вязкай

Зъ также переходитъ въ *зъ* передъ мягкими гласными ё, е, ю, я, й, и. Напр.

зь ёлкай,	зь Янкилямъ
зь Евай (съ Евою),	зь Ягоръямъ
зь юпкой,	зь йиншымъ
зь Якавамъ,	зь йимъ
зь яблакамы,	зь йикаукай (икотой)
зь йи̇ломъ (илъ),	зь дзядзькай.

Слова предложныя, т. е. слитныя съ предлогомъ, подчиняются такому же правилу. Напр.

зьмяць смять	зьляпиць—слѣпить
зьвѣйиць—свѣять	зьдзѣлаць—сдѣлать.
зьлѣзьць—слѣзть	

Передъ звукомъ *ж* предлогъ *съ* переходитъ въ *ж*, передъ *ч*, *ш*, *щ* переходитъ въ *ш*. Напр.

жъ жандю—съ женою	шъ чашкой—съ чашкой
жъ жыдамъ—съ жидомъ	шъ шо̇лудзямы—(болѣзнь)
жъ жолудо̇мъ—съ желудомъ	шъ щыпца̇мы.

Кромѣ того въ рѣдкихъ случаяхъ *с* переходитъ въ *ш*, *х*, *з*. Напр.

дошки—(доски)	шкло—(стекло)
шабля—(сабля)	прашну̇цца—(проснуться)
ужахну̇цца—(ужаснуться)	зьмирный—(смирный)
шкарлу̇пки—(скорлупки)	шкресць—(скресть), сашкребаць.
шкȧредный (скупой)	

Ф выговаривается какъ *хв*, *х*, *к*. Напр.

хванарь—фонарь	у хранту̇—во фронтѣ
хвȧбрыка—фабрика	хранто̇нъ—фронтонъ
хвȧлшъ—фальшь	хракъ—фракъ
хво̇ртка—фортка	хунтъ—фунтъ
хвѐршалъ—фельдшеръ	хурго̇нъ—фургонъ
хлакъ—флагъ	хру̇ктъ—фруктъ

Х выговаривается какъ *к*. Напр.

паска—пасха	клопоты [1])—хлопоты
кректаць—крехтать	карагодъ—хороводъ.

Ц переходитъ въ *ч*, *т*. Напр.

чапля—цапля	зачапнуся—зацѣпился
твятокъ—цвятокъ	зачапляць—зацѣпить
твисць—цвѣсти	

---

[1]) *Клопотъ*—древн. слово и тутъ скорѣй обратно перех. *к* въ *х*. Тоже и въ сл. *пасха*. Въ древн. слав. памятн. дат. и мѣстн. ед. ч. *пасцѣ*. Также изъ *къто—хъто*, а не обратно. *Ред.*

типлятыⅼ
тискляты } цыпляты.
писклёнокъ

Ч переходитъ въ *ш*, *ц*, *с*, *т*. Напр.

што — что, ништо—ничего, нѣштачка—что - то, вѣшный—вѣчный, сярдзешный—сердечный, цоть—четъ, унистожыць—уничтожить

тирязъ—черезъ | скушный — скучный
малошный—молочный | пясошный—песочный

Щ переходитъ въ *ш*, *ч*. Напр.

памошникъ—помощникъ | таварыши—товарищи.

Ш переходитъ въ *щ*, *с*. Напр.

гарщокъ—горшокъ, сипѣць—шипѣть, щаколадъ—шеколадъ, щамель—шмель, чѐшысься—чешишься, носисься —носишся, байисься—боишься, мыйисься—моишься.

Ѳ переходитъ въ *п*, *хв*. Напр.

Пёкла, т. е. Ѳекла | Хама и Хвама—Ѳома.
Хвекла, т. е. Ѳекла |

Переходъ звуковъ въ падежныхъ окончаніяхъ.

Звуки *г*, *ж* въ падежныхъ окончаніяхъ дательнаго и предложнаго падежей переходятъ въ *з*. Напр.

на пароза—на порогѣ | у лузи—въ лужѣ
у дарози—въ дорогѣ | у калюзи—въ калюгѣ.
у каторзи—въ каторгѣ |

Но говорятъ: абъ Боги, а не объ Бози, на чалавѣки, но не на чалавѣцы—(на человѣкѣ).

Х, переходитъ въ *с*

у гароси—въ горохѣ | абъ Дуси—на Духа
на вуси—на ухѣ | на верси—на верху.

К переходитъ въ *ц*.

у махотцы—въ махоткѣ, въ горшкѣ | на жонцы—на жонкѣ
на нитатцы—на ниткѣ | у рязцы—въ ряжкѣ,—ведёркѣ
у картошцы—на картошкѣ | на сабацы—на собакѣ
на дзѣуцы—на дѣвкѣ | па скибцы—по скибкѣ
на сасонцы—на соснѣ | у каморцы—въ коморкѣ
на лижанцы—на лежанкѣ | на рѣтцы—на рѣчкѣ.

Слова съ удареніемъ въ концѣ удерживаютъ *ѣ*. Напр.

у назѣ—въ ногѣ | на крютцѣ —на крюкѣ
на дузѣ—на дугѣ | на стрясѣ—на стрякѣ
на хвасьцѣ—на хвостѣ | у руцѣ—въ рукѣ,
на сабѣ—на себѣ | на ряцѣ — на рѣкѣ
на сасѣ—на сохѣ | на малацѣ—на молокѣ.
на пянцѣ—на пенькѣ |

М. Н. Косичъ.

Опечатки.

Напечатано	Читать	стр.	строк.
гдѣ	—	1	5
положимъ	—	—	14
вышла	вышелъ	2	11
тоже	—	—	12
ди	да	3	44
близъ	безъ	—	45
будзитъ	будзиць	—	—
ни нажилея	ни наясйся	—	46
й ста	йета	4	8
ийшау	ишоў	—	9
пашли	пашла	5	13
ня праўдай	ни праўдай	—	—
нахать	—	—	24
гребено	гребень	—	41
а ли	села	—	44
Дахновичи	Дòхновичи	6	8
Миряй	Ширяй	—	15
разоу	разоў	—	41
у зубы	ў зубы	—	42
лякиць	ляжыць	—	44
юбкой	юнкой	7	5
самодѣ ьнай	самодѣльная	—	6
бриль	брыль	—	—
мнильнику	сипильнику	—	18
акуратный	акуратнѣй	—	47
бриль	брыль	—	50
га ладавау	галадаваў	8	5
въ зазанѣ	въ казанѣ	—	20
э леемъ	алѣемъ	—	21
зъ тыхъ	съ тыхъ	—	46
сѣубой	сѣўбой	—	47
и	—	9	3
и спытывали	спытавали	—	4
и достатокъ	недостатокъ	9	11
некали у каго	нéкала каго	—	13
зачеренаюць	зачарáпаюць	—	28
слухайцы	слухайця	—	30
зъ погреба	съ пóгрыба	—	35
изъ жонкай	жъ жóнкай	—	37
мужикъ зъ жонкай	мужыкъ жъ жóнкай	—	41
зноу	зноў	—	—
у злезя	узълезя	—	43
выучица	вýучыница	—	50
къ благу	близко	—	54
и усё	й усё	10	3
наргазну	награзну	—	12
не все-таки	и все-таки	—	19
яйце	яйца	—	24
Коралы	карàли	—	25

Напечатано	Читать	стр.	строк.
заугодна	заўгодна	11	20
запѣу	лапѣў	—	24
прауда	праўда	—	28
удойка	удоўка	12	1
да-й уже	да ўсё	—	3
ни придумаю	ни прыдумаю	—	20
дау но	даўно	—	21
заўтря	заўтря	—	40
узрасцыли	узрасьцили	13	2
чужія	чужыя	—	6
у дзѣукахъ	у дзѣўкахъ	—	7
ни узыйшли	ни ўзыйшла	—	10
вубытки, каунеръ.	на ўбытки, каўне́рь	—	11
прихвяциця	прыхвациць	—	—
каштавата А же жъ	каштавита, Аджа-жъ	—	16
горѣлки	гарэлки	—	25
съ ауторкамъ	съ аўторкамъ	—	44
поздравляемъ	паздараўляйимъ	13	44
благодаримъ	благадарымъ	—	—
садица	садзицца	—	45
пацярали	пациряли	—	48
пашоу, быу,	пашоў, быў	—	49
сваты	сватамы	14	2
зъ поудзисяцыны	съ поўдзисяцины	—	3
распытаимся	распытайимся	—	5
падумаимъ	падумайимъ	—	—
хочицы	хочыцця	—	8
зъ вядзерачакъ	зь вядзёрачакъ	—	21
змаулялися	змаўлялися	—	22
я у цябѣ	я ў цябѣ	—	26
выдаешь	выдайешъ	—	27
справъ	спраў	—	30
быу	быў	—	35
бачиу	бачыў	—	36
дзверями	дзьве́рямы	—	40
рипнула	рыпнула	—	41
сауѝ	саўю	15	1
Андрэячку	Андрэячку	—	4
за бѣла цмина	зь бѣла цьмина	—	6
выѣздзау	выѣзьдзиў	—	10
знайшоў	знайшоў	—	12,32
зачуу, пачуу	зачўў, пачўў	—	19
жди, паусди	жджы, пажджы	—	20
прауда	праўда	—	23
жаль-жи	жаль жа	—	28
выѣздиу	выѣзьдзиў	—	30
макоу цвѣтъ	макоў тьвѣтъ	—	38
—	перья	—	40
дзѣука	Дзѣўка	—	41

Напечатано	Читать	стр.	строк.
яна у мянѣ	япа ў мянѣ	16	1
ни уставала	ни ўставала	16	2
и онъ	йонъ	—	5
муливау	муливаў	—	29
дружина	дружына	—	35
сыночекъ	сыночыкъ	—	36
Разсухѣ	Росухѣ	—	37
сабрауся	сабраўся	—	38
изви уся	изьвиўся	—	39,41
у дубрау	ў дубраву	—	43
ababрау дзѣуку	абабраў дзѣўку	—	—
съ сями кароу	сь сями кароў	17	6
паутараста	паўтараста	—	8
прачистая	прячыстая	—	10
ангели	ангали	—	11
сцасця	щасьця	—	23
залязаюць	залезаюць	—	27
прациуна, гриуна	працiўпа,, грыўна	—	31
зайшоу, прышоу	зайшоў, прышоў	—	36
ни видяци	не видаци	—	37
дзяучоначка	дзяўчоначка	—	—
прихилиушы	прыхилиўшы	—	40
скамчыцы	скамъйпцы	—	—
чужiя	чужыя	—	42
чья	чыя	—	44
у сьайе	у свайе	—	45
разлучиу майю	разлўчыў, маю	18	4
разабрау	разабраў	—	5
пусциу на	пусьцйў, па	—	6
шауковамъ	шаўковамъ	—	—
вяночкоу	вяночкаў	—	10
шауковомъ	шаўковамъ	—	16
ни кукуйишъ	ни кукуйишъ	—	29
дзеряуца	дзеряўцо	—	44
радуюсинькiй	раднюсенькiй	19	7
дзиунюсинькiй	дзиўнюсинькiй	—	8
галубочкоу	галубочкаў	—	10
зилипыя	зиляныя	—	12
ня умѣу	ня ўмѣў	—	14
ни у свайомъ	ни ў свайомъ	—	15
татухна	татухны	—	21
наухрестъ	наўхрэстъ	—	36
уряджана	ўряджана	—	40
сѣдлаишъ	сѣдлайишъ	20	7
а у нядзѣлю	а ў нядзѣгю	—	9
къ абядни	къ абѣдни	—	10
памалиу-бы ся	памалиўшыся	—	13
на каникy	на коникy	—	16
будзы	бўдзя	—	28

Напечатано	Читать	стр.	срток.
падкоуки	падкоўки	—	29
зацуюць	зачўюць	—	30
на свой	на свой	—	31
крипчаньки	крыничаньки	—	38
дружиначка	дружыначка	—	40
прѣхау	прыѣхаў	—	42
вотъ	во	21	4
сустрѣу	сустрэў	—	14
даражай	даражѣй	—	25
паюць	пяюць	—	28
дзявицкай	дзявоцкай	—	29
сёлята	сёлета	—	30
прадау	прадаў	—	36
цадзѣвау	надзѣваў	—	37
паклау	пакла̀ў	—	38
падавау	падава̀ў	—	39
пріѣхау Иванъ да	прыѣхаў Иванъ	—	40
расплёу	расплёў	—	41
съ шнуркамы	шъ шнуркамы	—	42
фляшку	фляжку	—	44
надзелѣ	нядзѣлю	—	48
звинчай	зьвинчай	22	1
вянчаци	винчаци	—	3
грóши	грóшы	—	—
твайи	твайе	—	4
тряццаци	трыццаци	—	—
дварѣ	дварэ	—	5
съ надъ вянца	съ надъ венца.	—	7
зъ бярёзы	зь бярёзы	—	8
верхауца	верьхауца̀	—	—
набывау	набываў	—	9
пастаяу	пастаяў	—	10
Зъ правшя	съ пра̀выя	—	11
паглядзѣу	паглядзѣў	—	12
близенька	близеньки	—	34
у поли	ў поли	—	36
годзы	гóдзье	—	38
падаркау	пада̀ркаў	—	39
Ще-й майе	ще майе	—	—
о крестной матери	а крестной матери.	23	13
заудзяшни	заўдзяшно	—	14
приняли	прынял̀и	—	—
молодецъ	молодёжъ	—	26
разнасиу	разнасиў	—	35
пріѣхау	прыѣхаў	—	36
приляцѣу	прыляцѣў	—	38
разсыпау	разсыпаў	—	39
треба	трэба	—	—
жоу тый	жóўтый	24	1

Напечатано	Читать	стр.	строк.
Андрэйчка	Андрэйка	—	22
Ховрачка	Хоўрачка	—	3
ня умѣю	ня ўмѣю	24	5
угадая	ўгадая	—	11
Чирванцамъ	чырвонцамъ	—	19
рауне	ряуне	—	29
сабача	сабачча	—	31
чабицкп	чабоцикп	—	—
дзивачка	дзѣвачка	—	36
ни пригожъ	прыгожъ	—	37
у мяшку	ў мяшкў	—	43
бизноги	безноги	—	44
што-й у ротъ	што у ротъ	25	2
што-й у кишеню	што ў кишеню	—	—
идзы	идзье	—	5,10
дзѣукп	дзѣуки	—	—
чій	чый	—	11
ня пяе	пе пяйе	—	15
у сватакъ	у свашакъ	—	22
зъ вярхушки	зь вярьхушки	—	24
Праўда, праура	праўда, праўды	26	26,27,28
слоуцо	слаўцо	—	29
дзѣуку	дзѣўку	—	44
симья	симъя	28	21
Лапцинка	лащынка	29	7
далеко	далёка	—	18
прiѣхау	прыѣхаў	—	23
выливаетъ	выливаетъ	—	34
выхваляляся	выхвалялася	30	1
за шауковыми	за шаўковымы	—	13
зъ лѣваго	зь лѣвага	—	27
придапи	прыданы	31	12
зъ бярёзы	зь бярёзы	—	15
ни маешь	нимашъ	—	19
а усё пираги	а ўсё пираги	—	31
дамоу	дамоў	—	35
слауцомъ	слаўцомъ	—	—
прихамети	прыхамати	32	3
свободныхъ	свадебныхъ	—	4
ня п дзе	ня йдзье	—	11
лусяный	аўсяный	—	21
вышли	вышла	—	25
бабуля	бабуся	—	30
завiе	заве	—	29
приключицца	прыкгючыцца	—	40
кроу	кроў	33	5
какъ гипотизируя	какъ бы гипотизируя	—	10
кажижный	кажный	—	19
перебабиушы	пиребабиўшы	—	23

Напечатано	Читать	стр.	строк.
Иванаўна	Иванаўна	—	35
чверчоянку	чвѐртачку	—	36
ма	маю	—	37
у лаулю	уլаўлю	—	49
страу	страў	—	50
по тощàхъ	на таццàкъ	—	51
рукау	рукàў	34	1
дау	даў	—	4
макаукамъ	макаукамъ	—	5
Иванауна	Иванаўна	—	—
пазыбау	пазыбаў	—	6
валоу	валоў	—	11
кумочьекъ	кумочыкъ	—	12
дамоу	дамоў	—	13
нехай же	нехай-жа	—	16
пацылачму	пасьцелячку	—	26
вылятау	вылетàў	—	36
выѣжджàу	выѣжджаў	—	40
лянжицъ	ляжыць	35	1
каурамы	каўрàмы	35	3
ицыць	ициць	36	27
поденщину	пяденщыну	37	1
дварѣ	дварэ́	—	—
ни вóукъ	ня вóўкъ	—	2
ля уцяке	ни ўцяке	—	—
атгавицца	атгавѣца	—	8
траука шаўкавая	трàўка шаўковая	—	44
Пася	пасье	38	1
не радная	не родная	—	3
ни уламись	ни ўламись	—	7
дзѣука	дзѣўка	—	8
паню	каню	—	9
жоутый	жóўтый	—	22 24
—	—	—	26'27
—	—	39	28'29
галоука	галóўка	—	11
у мянѣ	ў мянѣ	—	20
саую	саўю	—	25
у вянку	ў вянку	—	31
у мянѣ	ў мянѣ	—	32
на улоньня	на ўлоньня	—	37
разциу	расьциў	—	40
на ливау	наливàў	—	4),45
садзиу	садзиў	—	44
съ выноскѣ: 1) пригалъ	у приполъ	—	—
у доуэики	дóўжки	40	2
тоушки	тóўшки	—	3
хрѣну	хрэну	—	9
воукъ	вóўкъ	—	17

Напечатано	Читать	стр.	строк.
пришоу	прышо́ў	—	22
украу	укра̀ў	—	23
читаюца	чытайицца	41	7
дзѣука	дзѣ́ўка	—	14
Сыноу	сыно́ў	41	16
таўку́ць	таўку́ць	42	2
дзядо́у	дзядо́ў	—	—
на раунѣ	на раўнѣ́	—	43
найиу	найи́ў	—	44
варанога	во́ранага	—	45
галоука	галоўки	43	3
узяу	узяў	—	28
навёу	навёў	—	29
дамоу	дамо́ў	—	45
пусциу	пусьци́ў	44	1
узяуся	узя́ўся	—	7
сызикрылый	сызакрылый	—	8
разбиу	разьбі́ў	—	9
приѣхау	прыѣ́хаў	—	20
стауба	стаўпа	—	22
ровно	роўна	—	27
нашоу	нашо́ў	—	30
салауя	салаўя	—	43
пабищауся	пабища́ўся	45	13
скрипнули	скрыпнули	—	20
ссвили	сьпили	—	24
бяразочка	бярёзачка	46	1
и ты-жъ	а ты-жъ	—	2
устанишь	устанишъ	—	—
жи и мотачка	жа и мо́шачка	—	3
любиу	любиў	—	9
пасѣяуши	пасѣ́яўўшы	—	20
Иванауна	Иванаўна	—	30
пришоу	прышо́ў	—	34
пришля	прышла	—	35
гриуку	гры́ўку	47	18
дзяучы́начка	дзяўчыначка	—	48
дауно	даўно	48	2
красна	кра̀сная	—	4
у гаѣ	у гаю	—	6
багата	многа	—	10
сыноу	сыно́ў	—	14
гадоу	гадо́ў	—	16
й именья	йи́меньня	—	17
на симнацатамъ	на симнанцатамъ	—	19
дзѣука	дзѣ́ўка	—	20
малайцоу	малайцо́ў	—	25
няхай	нехай	—	37
изъѣсць	изъѣсьць	—	—

Напечатано:	Читать	стр.	строк.
прiѣхаушы	прыѣхаўшы	—	38
стау	стаў	—	39
панóуна	панóўна	—	42
жоуцинькимъ	жóўцинькимъ	—	—
пятрауна	Пятрóўна	—	43
й ста	йста	—	47
настау	настаў	—	48
у пазнау	увазнаў	—	49
узяу	узяў	—	50
сабираушы	сабираўшы	49	8
дзѣука	дзѣўка	—	—
замакавай	замахавай	—	22
прайшоу	прайшóў	—	23
вицяръ	вѣцяръ	—	29
прибудзь	прыбудзь	—	31
рѣчки	рэчки	—	35
цяцверяччы	цяцéряччы	—	44
бацычка	бáцьечка	50	11
на рожу	на удóбу	—	12
утопиу	уталиў	—	13
рѣчачку	рэчачку	—	17
ня убачу	ни ўбачу	50	19
у дварѣ	у дворъ	—	39
шукау	шукаў	—	45
знайшоу	знайшóў	—	46
у саду	ў саду	—	47
спау	спаў	51	5
играу	играў	—	6
улавиу	улавиў	—	8
й онъ	йонъ	—	14
лазлу	лазиў	—	15
любиу	любиў	—	19
поязда	поѣзда	—	28
кiуне	кiўне	—	33
зъ надъ	съ надъ	—	37
звита	зьвита	—	41
дзѣука	дзѣўка	52	1
добры	дóбре	—	18
даляка	далякo	—	22
на луччы	па лўччы	—	—
зауйемъ	заўёмъ	53	3
паядаушы	паѣдаўшы	—	26
церькаўку	цéрькаўку	—	38
няузлюбила	няўзьлюбила	—	42
А радзиушы	арадзиўшы	—	43
панóу	па нóу	—	—
дзякоу	дзякóў	—	—
сабраушы	сабраўшы	—	45
архирэяў	архирэяў	54	1

Напечатано	Читать	стр.	строк.
зауйомъ	заўёмъ	—	15
на усп	на ўсп	—	16
бацькау	бацькаў	—	30
пѣўни	пѣўни	—	37
дамоу	дамóў	—	38
ударыу	ударыў	54	39
ужа	ужó	—	41
упрацйуная	упрацíўная	55	9
тыго	таго	—	10
науродни	наўрóдли	—	11
поуный	пóўный	—	—
думау	дўмаў	—	12
мусиу	мўсиў	—	—
скацыни	скацини	—	14
акажыцца	акашыцца	—	—
звиняйцы	зьвиняйця	—	14
такая	такóя	—	—
чито	што	—	—
кароука	карóўка	—	15
цылна	цьелна	—	—
сажуу	сагнўў	—	17
падумау	падўмаў	—	—
прихамаци	прыхамаци	—	18
калеуца	кáлеўца	—	20
зняу, здѣлау	зьняў, зьдзѣлаў	55	21
глянуу	глянуў	—	—
паслухайцы	паслухайця	—	22
абручоу	абрўчóў	—	23
загнуу	сагнуў	—	24
гнўуны, думау	гнуўшы. дўмаў	—	25
узяу	узяў	—	26
Аудоцця	Аўдóцця	—	30
єъ таго падумаишъ	съ таго падумайишъ	—	36
акава	якавà	56	19
узяу	узяў	—	20
нариченной пятницы	нарячення пятница	—	29
каречнекъ	карянёкъ	—	48
старцоу	старцóў	—	49
дзяучонка	дзяўчóнка	56	49
ни, биу, праганяу	на, біў. праганяў	57	4
Аужажъ	а ўжóжъ	—	11
черви	чэрви	—	12
получчила	палўччыло	—	14
сиротачки, затонули	сирóтачка, затанўла	—	50
переселочныхъ	просёлочныхъ	58	33
мытавала	спытавала	—	36
сѣняшномъ	сѣнешнамъ	59	2
майю	у майой	—	4
маглы	маслы	—	7

Напечатано	Читать	стр.	строк.
галаўня	галаўня	—	9
Петроўна	Пятроўна	—	11
спасоўка, ласоука	спасаўка, ласаўка	—	13
ни съ чымъ	ни шъ чымъ	—	15
дауно	даўно	—	20
зибялящь	забѣляюць	—	23
грѣхъ	грэхъ	—	28
и надрать	и не надрать	—	39
перьяу	перъяў	59	43
купиу	купиў	—	45
напримывау	напрамываў	60	3
щаумо	щаўлю	—	—
перени	перьнни	—	16
дзявицкія	дзявоцкія	—	17
пятроуськія	Пятроўськія	—	18
и	—	61	25
скацына	скацина	—	34
закурыуся	закурыўся	—	39
злюбиуся	зьлюбиўся	—	40
ряшиуся	рашыўся	—	41
траука зяленая	траўка зиленая	—	5
прышоу	прышоў	62	10
зъ милымъ	зь милымъ	62	11
стау	стаў	—	12
ни у уремья	ни ў ваўрамья	—	24
развѣтало	развѣло	—	25
жанцоу	жанцоў	—	27
но наклонитъ	но клонитъ	63	4
забавляу	забаўляў	—	21
калыхат	калыхаў	—	22
спавивау	спавиваў	—	23
зламау	зламаў	—	24
атарвау	атарваў	—	25
тои	тэй	—	26
удоука, босу	удоўка, быў	—	28
ни видау	ни видаў	—	29
ни у нарау	ни ў нараў	—	31
паѣхау	паѣхаў	—	34
о	ой	—	38
нарадзила	нарядзила	—	44
семья	сомъя	64	3
чернаушы	чэрнаўшы	—	7
мужикъ	мужыкъ	—	16
шинкў	шынкў	—	—
прыѣхау	прыѣхаў	—	20
стау	стаў	—	21
сильна	силна	—	24
поуныя	поўныя	—	26
сѣу, зажурыуся	сѣў, зажурыўся	—	32

Напечатано	Читать	стр.	строк.
у трацию	утрàцыў	—	34
свàтау	свàтаў	—	36
ндѣуся, напиуся	наѣўся, напиўся	—	38
зъ березою	зь бярёзаю	—	42
дау, жниуныя	дàў, жниўныя	—	47
галоука, жѣцьцё	голоўка жыцьцё	65	3
разлучила	разлучыла	65	6
Пяцянбурси	Пицьянбурси	—	12
хряциуся	хрясьциўся	—	—
папау, парѣзау	цапàў, парэзаў	—	13
бѣлые	бѣлы	—	—
кроу	кроў	—	14
нйуку	нйўку	—	20
бьецъ	бъйецъ	—	27
ия гаворя	ни гаворя	—	29
поуначъ	поўначъ	—	31
сганоу	станоў	—	38
зеленъ кафтанъ	зелинъ кахтанъ	—	42
чатыра	чатыры	—	45
жита	жыта	66	2
казаченька	казàчанька	—	4
убитый	ўбитый	—	—
упиуся	упиўся	—	8
звалиуся	звалиўся	—	9
спазнауся	спазнаўся	—	10
тцурауся	тцурàўся	—	11
па жатаму	на жжатаму	—	14
и у палётъ	и ў палетъ	—	19
дзѣвицкихъ	дзявоцкихъ	—	43
цы яна пытая	ци, яна ни пытая	67	1
дау	даў	—	17
няси	наси	—	20
набиуши	набиўшы	—	22
пашоуу	пашоў	—	23
туауку	тр̂ауку	—	27
дзяржи	дзяржы	—	—
пиуши	пиўшы	—	29
Иванауна	Иванаўна	—	30
расциуши	расцйўшы	—	—
дзиржауши	дзиржаўшы	67	31
жерлиу	журлйў	—	—
прилажиуши	прылажыўшы	—	33
прамоуя	прамоўя	—	38
у руку	ў руку	—	45
защапиуущы	сащапиуўшы	—	50
зламау	зламàў	68	3
залоуки, лютоуки	залоўки, лютоўки	—	6
заручыу	заручыў	—	8
паноуйе, сватоуйе	паноўйе, сватоўйе	—	9

Напечатано	Читать	стр.	строк.
дзиныя	дзіўныя	—	10
шоўкамъ	шоўкамъ	—	11
вышивацъ	вышывацъ	—	12
мулыванамъ	муливанамъ	—	13
II ядрёная	ядрёная	—	16
удоука	удóўка	—	20,24
насѣяушы	насѣяўшы	—	21
урадзила	у радзила	—	22
на лауцы	лаўцы	—	26
А ужо-жъ удоукина	А ужо удовина	—	27
парасуцьмъ	парасьцёмъ	—	32
дому	дóлу	—	36
наносьцы	наносьця	—	38
у галоукахъ	у гялóўкахъ	—	45
кримлячко	краснячко	69	2
расой	расóю	—	5
параунауся	параўнáўся	—	13
Пятроускаго сяла	Пятроўськаго села	—	16
любоу	любоў	—	18
спасаука-ласаука	спасаўка	—	26
ни па чемъ	ни на чомъ	—	29
ниука	ниўка	70	9
тарелки	таралки	—	16
Разсуха	Росуха	70	36
вскорпаютъ свое и	вскорпáютъ	—	43
го и пѣсни	—	71	4
стау	стàў	—	6
узяу	узяў	—	7
мау	мàў	—	8
нахилиушы	нахилйўшы	—	11
дау	дàў	—	12
разогнау	разагнàў	—	13
дуброука	дубраўка	—	30
удоука	удóўка	—	31
рѣчи размауляя	рэчыразмауляя	—	—
прауду	прàўду	—	37
ни давяла	ни давёушы	—	43
вылятай	вылетай	72	3
прыслухаицца	прыслухайицца	—	7
биъ вѣтру	безъ вѣтру	—	8
журюцъ	жýрыцъ	—	10
дзѣука	дзѣўка	—	14
у даму	ў даму	—	15
сѣйиу	сѣйиў	—	18
растанцыца	растацыца	—	20
мошка	мошка	—	25
абъядаюцъ	абъядайе	—	—
вады падмываюцъ	вада падмывайе	—	26
растанчица	растащыца	—	—

Напечатано	Читать	стр.	строк.
ваукі	вау́кі	—	35
и шоу	ишбу́	—	36,40
кроумая	кроу́ мая	—	44
цвела	цьела	—	46
заговѣньє	заговѣны	73	8
чацвергъ	чацьвергъ	—	10
съ печи	сь печы	—	14
тиды	тады́	73	15
асмилицца	асьмѣлицца	—	16
у йстый	у йетый	—	17
клаушы	клау́шы	—	21
снимау	зьнимас	—	22
здвиги	зьдзьвиги	—	40
на восяни	на восяни	—	44
городина	городнина	—	47
во храмовщинѣ	въ храмовщинѣ	74	6
ляцяць	лецяць	—	8
салавьемъ	салауёмъ	—	14
саловьячка	салавеячка	—	15
доуга	до́уга	—	25
зазвау	зазва̀у́	—	39
пасадзиу	пасадзиу́	—	41
яг	яго	—	43
любьуненькіе	любоу́ненькіе	—	44
и ета	йета	75	2
глянуу	глянýу́	—	7
бронюцуи	бронюцца	—	12
и онъ	йонъ	—	13
пагóряла	пагóрела	—	24
татухны та	татухна ты	—	25
сыноу--сакалоу	сына́у́ сакало́у	—	26
вылетау	вылета́у́	—	29
моувила	моу́вила	—	35
праниу	прани́у́	—	43,44,45
пацисесеньку	пацихѐсеньку	76	2
ссушыу, жжурыу	ссушы́у́, жжуры́у́	—	14
ссушыушы, жжурыушы	ссуцыу́шы, жжурыу́шы	—	17
зя няудалаго	за неу́дадаго	—	18
узяу	узяу́	—	19
праўды	пра́уды	—	25
дзѣука	дзѣу́ка	76	26
назычиу	назы́чы	—	36
дывицца	ди́вицца	77	4
упадзись	унадзились	—	—
и хапыть	хапа́ць	—	5
варацийся	вараціу́ся	—	15
дамоу	дамо́у́	—	20
капау	капа́у́	—	21
забрау	забра́у́	—	22

Напечатано	Читать	стр.	строк.
аставляу	астаўляў	—	23
до заутряго	да заутряго	—	24
узяу	узяў	—	—
страу	страў	—	35
баранькоу	баранькаў	—	40
радитялёу	радзіцпляў	—	41
йетаго	йетага	78	1
каубаса	каубаса	—	2
гявядзина	гавядзина	—	3
па змази	па змазѣ	—	8
па мнее	пасинѣя	—	12
ды	тады	—	14
ни паказвавай	ни паказавай	—	19
грѣхъ	грэхъ	—	20
парующа	порующа	—	40
кали ненькп	коля́ ненькп	—	—
гребно	гребни	—	—
за мерзнись	намерзнись	—	41
думаишь	думайишъ	—	45
пѣуни	пѣуни	—	46
понѣли	папяюць	—	—
ать яжджау	ать яжджаў	79	19
здароуя	здаробуя	—	22
болна?	болна	—	24
здаробувейка	здаробуейка	79	26
у дружнаго	ў дружнаго	—	37
(повелѣваеть)	(повыливаеть)	—	43
дзеряуца	дзеряўца	80	3
ня хочицца	ня хочыцца	—	6
ня быу	ня быў	—	13
сиратаю	сиратою	—	16
уназнала	уназнала	—	17
кагда шей вечарь	кали тэй вечаръ	—	28
ни буду	ня буду	—	34
удалий	удалый	—	47
арадзиушы	арадзиушы	—	—
загубиушп	загубиўшы	—	48
йесць	йосць	—	60
сталяная	сталяное	—	51,52
стала вада прибываци	—	81	5
ни заѣхау	ни заѣхаў	—	7
стау	стаў	—	9
па плыу	паплыў	—	11
зязюличка	зязюлячки	—	16
гарявала	гаривала	—	—
дзѣука	дзѣўка	—	18
наѣхау	наѣхау	—	24
кроу	кроў	—	—
пакиннуу	пакинуў	—	26

Напечатано	Читать	стр.	строк.
у лица	на лицѣ	—	29
стау	стаў	—	30
растиряу	растиряў	—	31
прайиграу	прайиграў	—	32
часоу	часоў	—	34
чарный	чорный	—	38
галоуку	галоўку	—	41
зъ жонкай	жъ жонкай	82	3
пригавариваць	прыгаварываць	82	28
валоўя	валоўя	—	35
у масла	зъ масламъ	—	40
гадоу	гадоў	83	5
призыуная	призыўная	—	8
дзяреунямъ	дзяраунямъ	—	12
идуць	йдуць	—	—
галоуки	галоўки	—	16
заутра	заўтря	—	23
яны	яна	—	29
журюцца	жўрыцца	—	—
залѣзная	зялѣзная	—	36
запѣу	запѣў	—	37
кливау	кливаў	—	39
дзѣука	дзѣўка	84	4
запылиуся	запыліўся	—	17
прасйуся	прасйўся	—	33
стау	стаў	—	43
жаниуся	жаніўся	—	50
лясамы	лѣсамы	85	8
малады	маладымъ	—	12
вякрутикамъ	някрутикамъ	—	—
я болій	болій	—	15
забираць	забираци	—	25
у салдатъ	у салдаты	—	31
мци	маци	—	36
кучяравая	кучыравая	—	42
Ахвйцерову	Ахвицэраў	—	—
дамоу	дамоў	—	48
абиццауся	абицаўся	86	3
паднасиу	падпасиў	—	16
прасиу	прасиў	—	17
бывау	бываў	—	21
папоу, купцоу, знау	папоў, купцоў, знаў	86	22
платоу слауный быу	платоў слаўный быў	—	23
прыступиу	прыступиў	—	25
купиу	купиў	—	26
абрыу	абрыў	—	27
быу	быў	—	28
саджау	саджаў	—	30
ня умѣу	ня ўмѣла	—	32

Напечатано	Читать	стр.	строк.
убирауся	убираўся	—	37
уъѣжджау	узъѣжджаў	—	39
сустрякаў	сустрякаў	—	40
зазывау	зазываў	—	41
саджау	саджаў	—	42
гуляу	гуляў	87	3
узнавау	узнаваў	—	4
угадау	угадаў	—	5
Платоу, абрыу	платоў абрыў	—	—
быу	быў	—	6
указау	указаў	—	7
много бы, дау, саджаЎ	многобъ даў, саджаў	—	8
прызадумаушыся	прызадумаўшыся	—	10
запылнуся	запылнўся	—	13
слауныхъ, напоу	слаўныхъ, напоў	—	15
слауную	слаўную	—	17
цыряму	циряму	—	20
купечиськихъ	купечаськихъ	—	22
слауны	слаўны	—	30
гарявадь	гаревадь	—	36
ключоу	ключоў	—	43
вышау	вышаў	—	46
асматрѣуся, стау	асматрѣўся, стаў	88	1
ахрясциуся	ахрясьциўся	—	2
узяуся	узяўся	—	—
яблапци	яблапцы	88	11
абмануу	абмануў	—	13
прызабыуся	прызабыўся	—	14
дзѣука	дзѣўка	—	24
ни тацяну	на Тацяну	—	26
дау, што—й--зъ	даў, што—й зь	—	37
Ишоу, прайшоу	ишоў, прайшоў	—	39
биздомный	бездомный	—	40
ишоу	ишоў	—	41
ишоу	ишоў	89	23
уздумау	уздумаў	—	4
Плутоу	плутоў	—	—
Плутоу, вароу	плутоў вароў	—	5
стау	стаў	—	6,20
Надпалкоуничакъ	Надпалкоўничакъ	—	8
каминную	каменную	—	17
роуна	роўно	—	19
гадоу	гадоў	—	—
удоука	удоўка	—	23
палавинѣ	палавини	—	28
упиуся	упиўся	—	31
расцы	расьцье	—	35
вынясла	вынесла	—	37
зиляна	зилена	—	39

Напечатано	Читать	стр.	строк.
дзѣуку	дзѣўку	—	47
—	—	—	48,49
дзѣуцы	дзѣуцы	90	1
засиуу	засиýў	—	7
шауковыхъ	шаўковыхъ	—	9
прашнуусь	прашиýўсь	—	10
стау	стаў	—	16,46
и онъ	йонъ	—	32
думау	дýмаў	—	34
дауно	даўнó	90	37
зяцёу	зяцёў	—	43
рублёу	рублёў	—	46
сѣу у	сѣў	—	47
зьѣу	зьѣў	—	—
жыу	жыў	91	1
и онъ. мѣу дзвѣ	йонъ, мѣў дзьвѣ	—	3
пойдзимъ	пайдзёмъ	—	11
прыѣхау	прыѣхаў	—	33
сваимy	свайму	92	30
здароу	здарóў	—	31
увесь	ўвесь	—	36
родичау	рóдичаў	—	41
загавянъю	зáгавень	—	—
щаулю	шáўлю	93	3
у борщи загаав янъ	у барщú	—	16
Пилипаусьнихъ	пилипаўсьнихъ загавенъ	—	32
родзичау	рóдзичаў	—	—
залиукай	зáлиўкай	—	40
бизь	безъ	94	5
пудоу зъ дзисятакъ	пудóў зь дзисятакъ	—	39
радзичау	рóдзичаў	—	42
намалацыли	намалацúли	—	43
дзвѣ	дзьвѣ	—	—
балато	багато	95	4
хунтоу	хунтаў	—	7
возможно	можно	—	8
каубасы	каўбасы	—	19
тоушки	тóўшки	—	20
стемляютъ	стремляютъ	—	28
случицца	случыцца	—	34
ѣу	ѣў	—	36
лятая	летая	—	37
ня жанатые	ни жанатые	95	39
пляла	плела	—	42
галоуку	галóўку	—	43
цареуна	Царэуна	—	47
каралеуна	Каралеўна	—	48
цареуна, каралеуна	Царэўна, Каралеўна	96	2
Иванауна	Иванаўна	—	3

Напечатано	Читать	стр.	строк.
вичарницы	вечарницы	—	5,8
прыѣхау	прыѣхаў	—	9
церкау	цéрькаў	—	9,10,20
каралеуна	каралеўна	—	12
жоутамъ	жóўтамъ	—	17
двѣ тачки	дзѣтачки	—	27
другая	другóя	—	28
пѣуни	пѣўни	—	31
нахадзиу	нахадзиў	—	33
пазвании	пазвании	—	34
братцау, пабудзиу	братцаў, пабудзиў	—	35
каубаски	каўбаски	—	45,48
дарица	дарыця	97	3
барыця, евотки	барыця, сьвитки	—	—
въ жёнамъ	къ жёнамъ	—	43
дзвéрямы	дзьверямы	98	5
гуляушы, буяушы	гуляўшы, буяўшы	—	12
братоу	братóў	—	16
шуръ яноу	шуръякóў	—	17
ниправдачку	ниправўдачку	—	18
вшляуся	шляўся	—	21
валачыуся	валачыўся	—	22
начавау	начавáў	—	25,33,34
жаниуся	жаниўсь	—	46
дзяучына	дзяўчына	—	48
ня удзива	ня ў дзива	99	1
гадоу	гадóў	99	3
Разсуха	Росуха	—	29
игрица	игрыца	—	38
каубаса	каўбаса	—	40
игрыжп	игрыщъ	—	42
лясная	лѣсная	100	8
раслучиу	разлучыў	—	14
набраниуся	набраниўся	—	15
жыу	жыў	—	16
прикпуу, свнеыуу	крыкнуў, сьвйснуў	—	17
лакеяу	лакéяў	—	—
вышау	вышаў	—	18
низдарóу	низдарóў	—	22
у хатцы	ў хатцы	—	25
на ларцы	на лаўцы	—	26
бравачки	брóвачки	—	36
лубоую	любóўю	—	40
разбиу разлучыу	разьбиў, разлучыў	—	42
галубоу	галубóў	—	—
убиу	убиў	—	43
злюбиу	зьлюбиў	—	44
узяу	узяў	—	45
пасыпау	пасыпаў	—	47

Напечатано	Читать	стр.	строк.
наставиу	наставиў	—	48
жаниуся	жанiўся	101	6
нажыусв	нажыўся	—	—
нароу, узяу	нораў, узяў	—	7
у тую	у тую	—	8
на праудзи	на праўдзи	—	13
малой чыкоу	чалойчыкаў	—	23
загадау	загадаў	102	11
на сѣняхъ	на сѣняхъ	—	14
на новыхъ	на новыхъ	—	16
липоу	липоў	102	18
шауцы	шаўцы	—	24
купиу	купиў	—	26
палкоуники	Палкоўники	—	—
паринь	парынь	—	32
стау,	стаў	—	35
чарнабрыука	чарнабрыўка	—	38
дзяучына	дзяўчына	—	39
поунаго	поўнаго	—	41
халастой	халастый	—	43
дзяучына, быу	дзяўчына, быў	—	45
дзяучонка	дзяўчонка	—	1
пападрау	пападраў	—	7
свайой	свайой	103	8
да усё	да ўсе	—	14
небесю	небесьсю	—	20
спалюбиу	спалюбиў	—	28
забыу	забыў	—	29
двуку	дзвўку	—	32
кроу	кроў	—	—
ишоу	ишоў	—	36
задумау, тачиу	задумаў тачиў	—	37
баславопьня	баславеньня	—	38
зарѣзау	зарэзаў	—	—
стау	стаў	—	—
прыкончыу	прыкончыў	—	42
заплакау	заплакаў	—	43
пашоу	пашоў	—	44
скрыуся, наниуся	скрыўся, напяўся	—	45
застауся	застаўся	—	47
припадаты	припадати	104	3
слѣду	слѣду	—	4
тоустая	тоўстая	—	7
гарявала	гаревала	104	7
салбуюшка	солбўюшка	—	18
у зелянъ	ў зелянъ	—	23
сѣу у удокинамъ	сѣў у ўдоўкинамъ	—	24
у свѣти	ў сьвѣци	—	26
научуся	научусь	105,	3

Напечатано	Читать	стр.	строк.
атпрауляюсь	атпраўляюсь	—	14
заклау	закла̀ў	—	17
у сининькай	у сининькай	—	23
павѣйну	павѣйну	—	46
каунерёкъ	каунерекъ		48
малнуся.: улюбнуся	малнўся, улюбнўся	106	1
папау	папаў	—	2
у воду	ў ваду	—	4
дѣуки	дзѣўки	—	10
зи минѣ	за минѣ	—	48
купится	купитя	—	
жалайте	жалайнте	—	—
мадица	маладица	107	3
стайщь	стайнигъ	—	—
дисяткау	дисяткаў	—	—
атгукаицца	атгукайнцца	—	5
па чем	па чомъ	—	7
чуу, бачыу	чу́ў, бачыў	—	10
прагуляу	прагуляў	—	25
чаунѣ	чаўнѣ	—	26
у рукахъ	ў рукахъ	—	28
падъѣжджау	падъѣжджа̀ў	—	30
прасвистау	прасьвистàў	—	31
ѣкъ	якъ	—	33
парау	пара̀ў	—	39
пралягкали	пралежали	—	42
узяу, падхватиў	узяў, падхватиў	—	
малайца	мо́лайца	107	43
прабяжали	прабежали	—	—
пралягжали	пралежали	—	—
пасадиу	пасадиў	—	—
пустиу	пусти́ў	—	44
ряка	рэка	—	45
знаряджау	знаряджа̀ў	108	17
свѣть	свѣтя	—	—
прыказывау	прыказаваў	—	10
засыпау	засыпаў	—	19
знау	зна̀ў	—	21
паслухау, играу	паслу́хаў, игра́ў	—	22
каралеўну атдау	каралеўну, атдаў	—	23
пасылау	пасыла́ў	—	26
каўрамы	каўрамы	—	34
утóрый	ўтóрый	—	38
съ новымъ	зъ новымъ	—	45
съ единымъ	зъ единымъ	—	—
звинчаюсь	зьвинчаюсь	109	11
у яднала	ўядна̀ла	—	17
зъ йимъ	зь йимъ	—	34
прауды	праўды	—	—

Напечатано	Читать	стр.	строк.
ни усыпала	ни ўсыпала	—	45
знайшоу	знайшоў	110	1,2
у поли	у поли	—	9
жоўтые	жоўтые	—	10
абайшоу	абайшоў	—	11
загарпица	загарыцна	—	13
палынь	палынь	—	16
дѣука	дзѣўка	—	17
дяучонка	дзяўчонка	—	20
поуная	поўнея	—	24
дяучоначку	дзяўчоначку	—	31
забираусся	зьбираўся	110	34
бяда	бида	—	—
пращау	пращаўся	—	35
сказауя	сказаў	—	36
вярна	вѣрна	—	—
зъ палкў	съ палкў	1,	41
пабыуку, дамоу	пабыкўу, дамоў	—	42
жива	здарбў	—	45
сямъя	жыва	—	46
Палтаўка	семъя	—	46, 47,
умываицца	палтаўка	111	13
набѣляиппца	умывайпцца	—	20, 2
нипрау цачку	набѣляйицца	—	21
дѣука	нипраўдачка	—	22
ряйнивый	дзѣўка	—	24
быу	ряўнивый	—	29
хатѣу	быў	—	—
загубиу	хатѣў	—	30
замаучы	загубиў	—	38
дзяучоначка	замаўчы	—	40
любоу	дзяўчоначка	112	9
туты	любдў	—	11
приду у	тўта	—	15
сыноу	прыду ў	—	34
напр.	сыноў	—	36
ѣ—(е)	—	113	4
падаанща	ѣ	—	—
узрадавауся	падалица	—	22
дзѣцелъ	узрадаваўся	—	25
въ извѣстныхъ случаяхъ	дзяцьелъ	—	33
—	—	114	11
ы, а (i) ѣ	ы, ѣ, а йи, и	—	12
вякругъ	выкругъ	—	14
напр.	—	—	14
здрыгнўися	здрыгнуйся	—	29
найстрыу	найстрыу	—	32
кацэлъ	кашэлъ	115	9
рэщыхъ	хрэщыкъ	—	10

Напечатано	Читать	стр.	строк.
чарйшня	чарэшня	—	10
кажўуня	кажэўня	—	12
щоукать	щоўкаць	—	15
ы и даже въ о также въ а	—	—	23
табѣ сабѣ	—	—	26
слышится	не слышится	116	9
сениинькій	синенькій	—	23
дзяреуня	дзярэўня	—	39
дзяцій	дзяцьей	—	43
сиридавый	спредавый	—	44
нирядзи	у нирядзи	—	46
ни у царнёжъ	ниў цярнёжъ	117	6
ня уцерпила	ня ўцьерпила	—	—
на цьерямы	на цьерями	—	7
ремин	рэминь	—	10
саженей	сажаней	—	19
царькоуный	царькоўный	—	22
ѣхау	ѣхаў	—	35
йикаука	йикаўка	118	37
й и хныйимъ	йихнымъ	—	38
пайиу	пайиў	—	41
килышйі	галышы	119	2
иета анѣ	йета мнѣ	—	13
йисць	ициць		14
Атышоу	Атышоў	—	24
краткое у	краткое ў	—	41
ня умеръ Данила	ня ўмёръ Данила	—	44
балячка удавила	балячка ўдавила	—	45
мы убили	мы ўбили	120	4
йена умерла	йена ўмерла	—	5
ня умѣйишъ	ня ўмѣйишъ	—	6
пашоу ў дубраву	пашоў у дубраву	—	13
церькоу у городзи	цэькаў у городзи	—	13
сѣу у лѣси	сѣў у лѣси	—	14
пришоу у хату	прышоў у хату	—	14
ишоу	ишоў	—	42
аутóрокъ	арторакъ	—	43
удоука	удоўка	121	4
узышоу	узышоў	—	11
у забрауся	узабраўся	—	12
у вастрози	у вастрóзи	—	23
у ваўторокъ	у ваўтóракъ	—	24
вобуу	вобуў	—	28
средніе	губныя зубные шипящіе	122	2
лоука	лаўка	—	5
и	цъ	—	29
дзьвери	дзьверы	—	32
вазьмицатка	вазьмицятка	—	42
таущѣць	таущэць	—	44

Напечатано	Читать	стр.	строк.
разгауляньне	разгаўляньне	123	22
que	gue	124	6
—	гъ дзьериву	124	10
къ цьѐрему	къ цьерыму	---	15
крат. у	кратк ў	---	24
шоукъ	шóукъ, каўбаса̀	124	25
вóкъ поупирога	вóукъ пóўпирага	---	26
стóупъ	стóупъ	---	27
тóустый пóупый	тóўстый пóупый	---	29
жóўтый шаукóвый	жóўтый, шаўковый	---	30
дóугій	дóўгій	---	31
тó у чъ щóукать	тóучъ щóукаць	---	33
каутаць, поузаць	каўта̀ць пóўзаць	---	34
маучаць	маўчаць	---	35
ходзíу шукóу	хадзíў шука̀ў	---	37
гуля́у прапа̀у	гуля́ў пропа̀ў	---	38
чысциу пѣу	чысциў пѣў	---	39
бíу	вíў ѣў	---	40
маркóука залóука	бíў	---	41
крóўля вóупа	маркóўка залóўка	---	44
дзѣ́ўка. крóу	крóўля вóупа	---	45
любоу пакрóу	дзѣ́ўка, крóў	---	46
цéрькоу рука̀у	любóў пакрóу	---	47
горшеуникъ	церька̀ў, рука̀ў	---	48
паулó	гарщэўникъ	125	1
канцóу дзивярёу	паўло	---	2
дамóу папóу	канцóў дзивярēў	---	4
карóу дзякóу	дамóў пацóў	---	5
бацькоу	корóў дзякóў	---	6
прóуный	бáцькаў	---	7
киунуць	роўный	---	9
ста̀ушы йѣушы	киўнуць	---	11
сьцяречъ	ста̀ўшы ѣ́ушы	---	13
съ цѣльемъ	сьцярэчъ	---	26
съ плеукой	съ цэлымъ	---	46
съ прелымъ, съ перескамъ	съ плеуўкай	126	1
съ хрѣнамъ	съ прэлымъ съ трэскамы	---	2
збыу	съ хрэнамъ	---	4
збрóсиў	збы́ў	---	---
змачыу	збрóсиў	126	46
злáдзиу	змачы́ў	---	47
злаиа̀у	зла̀дзиў	—	48
—	—	127	1
зь йикаукай	зь йикаукай	---	17
зачапиуся	зачапíўся	---	40
ти скляты	пискля́тъ	128	2
на дзпуцы	на дзѣ́ўцы	---	32